

Часть вторая.

Послѣ лихорадочнаго безпокойства, вызваннаго готовившимся закономъ, который долженъ былъ оторвать тысячи семействъ отъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ они успѣли уже прирости, послѣ этого ужаснаго ожиданія, когда надежда ежеминутно чередовалась съ сомнѣніемъ, почти отчаяніемъ, — первые проскрипціонные приговоры посыпались, какъ градъ. Кто-же опишетъ положеніе страны, жители которой, точно будто почва заколебалась у нихъ подъ ногами, сразу почувствовали себя бездомными, сиротами, осужденными безъ вины. Ни у кого не было сбереженій на черный день, потому что никто не ожидалъ отъ Бога такой кары.

Смерть для многихъ была бы гораздо легче, чѣмъ этотъ безжалостный приговоръ. — Убирайтесь на всѣ четыре стороны! вы не имѣете права жить на этой землѣ!..

Политическихъ крайностей, заставлявшихъ забыть евангельскіе законы, христіанскую терпимость, и вмѣсто милосердія поднимать знамя ненависти и преслѣдованія, — темныя массы люда, конечно, не понимали. Для нихъ существуетъ только одна человѣчность; поэтому законъ этотъ казался имъ ужаснымъ по своей жестокости.

Можно было предвидѣть несомнѣнныя слѣдствія этого закона — съ обѣихъ сторонъ непріятныя обостренныя отношенія. Правду говоритъ пословица: «Кто сѣетъ вѣтеръ — собираетъ бурю».

Старикъ Любаховскій до сихъ поръ смотрѣлъ совершенно спокойно на то, что готовлялось; онъ былъ убѣжденъ, что

всѣ эти извѣстія преувеличены, что угроза окажется неисполнимой. За свою долгую жизнь, онъ привыкъ, что, если даже въ политикѣ и прибѣгали иногда къ такимъ средствамъ, которыя расходились съ общими понятіями о нравственности, то всегда ихъ сглаживали, смягчали, прикрашивали, старались придать имъ хоть съ внѣшней стороны видъ справедливости. Здѣсь же цинично выступала ненависть, месть и попираніе самыхъ вѣчныхъ истинъ. Старикъ не зналъ уже—на какомъ онъ свѣтѣ... Онъ молчалъ.

Окружающіе видѣли по его лицу, что онъ былъ убитъ до такой степени, что совсѣмъ даже не могъ думать о себѣ. Тѣмъ болѣе зато заботились о немъ другіе. Ожидали нѣкоторой помощи и поддержки отъ Треубернера, но оттуда не было слышно ни слова.

Бѣдный Любаховскій въ защиту свою имѣлъ только ничего незначащаго Дыдана, погруженную въ хлопоты экономку и безсильныхъ людей, искренно сожалѣвшихъ его: ксендза, Золингера и другихъ.

Фрейеръ, принужденный къ нейтралитету и бездѣйствію, заслонялся отъ Дыдана своей племянницей, а то, что желалъ сдѣлать незамѣтно, возложилъ на своего пріятеля Браузе.

Старика Любаховскаго, такъ уважаемаго и любимаго всѣми, рѣдко кто видѣлъ за предѣлами Любахувки, въ которой никто почти не бывалъ.

Кругомъ все уже грозно шумѣло и предвѣщало бурю, а Любаховскій еще ничего не дѣлалъ, чтобы отвратить ее отъ своей головы.

Надежда разыскать метрику, о которой говорила Кристина, оказалась напрасной. Ксендзъ Романъ самымъ старательнымъ образомъ перелисталъ всѣ книги и замѣтки и нигдѣ не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея.

Отъ дочери старикъ не имѣлъ никакихъ извѣстій, а писать ей обо всемъ онъ не хотѣлъ, чтобы не усиливать ея безпокойства. Напрасно Дыданъ каждый день напоминалъ ему, что надо что-нибудь предпринять.

— Воля Божія, а если намъ нечего дѣлать,—холодно отвѣчалъ онъ,—то будемъ ждать, что будетъ. Я ничего не знаю.

Кристия напрасно вела атаку противъ Риделя, напрасно ѣдила

въ мѣстечко, напрасно умоляла чиновниковъ. Никто даже не подавалъ ей ни малѣйшей надежды на то, чтобы возможно было обойти законъ и сдѣлать исключеніе.

— Если найдется метрика,—говорилъ Ридель,—положеніе дѣла сразу измѣнится: тогда ужъ никто его не задѣнетъ; но необходимо, чтобы документъ этотъ былъ формаленъ, имѣлъ законную силу.

Любаховскій, когда ему говорили о метрикѣ, поводилъ плечами и добродушно смѣялся.

— Это пустяки—что я здѣсь родился, этого не можетъ быть,—говорилъ онъ.

И больше не хотѣлъ разговаривать.

Постоянно побуждаемый сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ, Любаховскій, котораго письменно пригласили въ Познань на совѣтъ по поводу новаго закона, хотя онъ и не любилъ подобныхъ сѣздовъ, какъ «переливанія изъ пустого въ порожнее»—по его же словамъ,—рѣшился на этотъ разъ отпраздновать.

Сѣздъ этотъ, назначенный въ одномъ изъ самыхъ большихъ домовъ, собралъ большое число помѣщиковъ, заботящихся и беспокоящихся о себѣ и обо всемъ народонаселеніи.

Когда Любаховскій пріѣхалъ въ своей скромной бричкѣ, то дворъ, площадь передъ воротами—все было наполнено экипажами, лошадьми и людьми. Въ комнатахъ онъ засталъ шумъ и гамъ, среди которыхъ съ трудомъ можно было что-нибудь разслышать или разобрать.

Значительной части собравшихся здѣсь пановъ еще не угрожала опасность; но они вполнѣ сознавали, что нетронутые сегодня, завтра они испытаютъ на себѣ слѣдствія преслѣдованія.

Воседшаго старика всѣ привѣтствовали дружескими рукопожатіями, но никто не смѣлъ спросить, правда ли, что онъ принадлежитъ къ числу проскрипціонныхъ, какъ о томъ ходили слухи. Нѣкоторые предвидѣли, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ нуждаться въ помощи, а торопиться съ поданіемъ ея никто не желалъ.

Хозяинъ, особа весьма солидная, съ очень старинной фамиліей, привѣтствовалъ гостей покровительственнымъ тономъ.

Увидѣвъ Любаховскаго, онъ кивнулъ ему головой.

— Дорогой мой Любаховскій,—проговорилъ онъ,—я слыхалъ, правда ли это? Ты, ты, поселившійся здѣсь уже сколько лѣтъ, вѣдь ты имѣешь сильную подпору въ лицѣ зятя... Можеть ли это быть?!

Старикъ слушалъ съ величайшимъ спокойствіемъ, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—говорять, что и меня тоже выгонять вонъ... говорятъ... Ни зять, ни дочь не могутъ ничѣмъ помочь, хотя бы даже и желали, а я...

По поводу старика Любаховскаго поднялся шумъ. Одни говорили, что вѣдь еще ничего нѣтъ; другіе, что законъ не знаетъ чувства жалости...

Почти каждый изъ стоявшихъ вокругъ приводилъ какой-нибудь возмутительный фактъ. Бѣднякамъ, отягченнымъ семьями, больнымъ, не давали даже времени приготовиться. Нѣкоторыхъ голодныхъ и умирающихъ уже выбросили за границу, и солдаты, стерегущіе ее съ другой стороны, дѣлились съ умиравшими отъ голода и холода хлѣбомъ и одеждой.

Среди собравшихся здѣсь и рассказывавшихъ первые результаты закона, который немедленно приводился въ исполненіе, въ особенности выдѣлялись трое помѣщиковъ тѣмъ, что все къ нимъ обращались.

Это были депутаты, которые тщетно старались защитить своихъ соотечественниковъ, и теперь объясняли, почему они не могли этого сдѣлать. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ по самому виду нетрудно было отгадать отличнаго оратора, какъ разъ начиналъ говорить.

— Съ нашей стороны,—сказалъ онъ,—въ этомъ должны сознаться и сами непріатели,—было сдѣлано все, что только возможно. Прочтите только наши рѣчи въ защиту нашихъ правъ... Потомство разрѣшить нашъ споръ съ ними. Самая большая вина въ изданіи такого закона вопіющей несправедливости падаетъ на презрѣнную, подлую нѣмецкую прессу.

Его прервали; нѣсколько разъ слово «потомство» можно было разобрать въ общемъ шумѣ.

Нѣкоторые изъ помѣщиковъ, увидѣвъ Любаховскаго, обратились къ нему съ вопросами:

— Правда ли это?

— Должно быть, правда, — отвѣчалъ старикъ, — потому что я дѣйствительно пришлый и хотя у меня и есть имѣнье, но помещичьихъ правъ я не имѣю. Поэтому не можетъ быть, чтобы для меня сдѣлали исключеніе.

— А его превосходительство? — спросилъ одинъ изъ помещиковъ.

— Я не обращался къ нему съ этой просьбой, чтобы не поставить его въ неловкое положеніе, — возразилъ старикъ. — Годы мои сочтены. Я сумѣю перенести... Надо подумать о тѣхъ, которые, лишенные всякихъ средствъ, очутятся въ страшной крайности.

Стоявшій возлѣ него помещикъ проговорилъ недовольнымъ тономъ:

— Ужъ, пожалуйста, только, Любаховскій, безъ всякихъ пожертвованій, не требуйте съ нашей стороны никакихъ подписокъ, никакихъ денежныхъ пожертвованій, я заранѣе протестую. Мы разорились, обѣдѣли, почти все обанкротились. Галиція и королевство въ гораздо лучшемъ положеніи, они и помогутъ.

Шумъ заглушилъ слова говорившаго, которому Любаховскій ничего не отвѣтилъ.

Въ собраніи, которое должно было обсуждать дѣла и совѣтываться, царствовала такая сумятица, умы были такъ раздражены, все прибыли съ такими неточными понятіями о настоящемъ положеніи, и засѣданіе открылось такъ бурно, что можно было сказать впередъ, что собраніе не приведетъ ни къ какимъ результатамъ.

Этотъ беспорядочный шумъ и крикъ продолжались уже довольно долго, когда одинъ изъ всегдашнихъ вожаковъ всякихъ собраній и митинговъ громкимъ голосомъ потребовалъ водворенія порядка.

Почти единогласно избрали двухъ предсѣдателей, четырехъ секретарей и стали спорить объ окончательномъ выборѣ между ними. Ясно было, что два лагеря, которыми руководили двѣ непріязненные другъ другу личности, должны были столкнуться и здѣсь.

Хозяинъ, которому это было очень непріятно, старался

склонить враждующія стороны къ примиренію, но вмѣсто этого сдѣлалъ то, что, несмотря на всѣ его просьбы и увѣщанія, нѣсколько человѣкъ скрылись и ушли совѣмъ, а остальные стали упрекать другъ друга.

Старый Любаховскій, для котораго это состояніе умовъ и разногласіе въ мнѣніяхъ относительно такого общаго дѣла казались странными и непонятными, просилъ слова.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, — сказалъ онъ, — я не вижу здѣсь ни малѣйшаго повода къ спорамъ. Насъ постигло такое великое несчастіе, что мы должны искать средствъ помочь себѣ. Съ этимъ мы всѣ согласны. Кто будетъ руководить нами въ нашихъ совѣщаніяхъ, это уже не такъ важно.

Старику не дали говорить, онъ отступилъ и замолчалъ.

Шумъ не унимался, волненіе не прекращалось. Одинъ изъ прибывшихъ изъ столицы высказалъ мнѣніе, что общими силами ничего не удастся подѣлать, что каждый долженъ самъ по себѣ стараться помогать несчастнымъ, но никого нельзя ни къ чему принуждать, ни къ чему обязывать. Кто-то другой пошелъ еще далѣе:

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ онъ, — что сдѣлать ничего нельзя, и что совѣтываться теперь уже поздно. Чѣмъ болѣе мы будемъ волноваться, тѣмъ сильнѣе возбудимъ противъ себя преслѣдователей.

На него закричали: *Usque ad finem!* слѣдуетъ бороться.

— Да, — прибавилъ кто-то другой, — но надо отстаивать землю, а не людей, которыхъ мы не можемъ спасти. Распоряженія уже сдѣланы, каждый ищетъ, кого бы выгнать, лишь бы только подслужиться. Они не сжалятся ни надъ умирающимъ, ни надъ больнымъ, ни надъ удрученными годами. Всѣ мы въ опасности.

Никакъ не могли приступить къ совѣщанію. Повторяли жалобы и упреки, прерывали другъ друга, никто не подавалъ разумнаго совѣта.

Депутаты взывали къ потомству: они надѣялись, что симпатіи всего міра будутъ на сторонѣ обиженныхъ.

Наконецъ, хозяину удалось, среди этихъ жаркихъ преній, выдѣлить болѣе спокойныхъ, собрать ихъ въ другую комнату

и здѣсь уже установить извѣстный порядокъ. Такъ какъ онъ самъ не могъ быть здѣсь руководителемъ, то предсѣдателемъ былъ выбранъ мужчина среднихъ лѣтъ, одаренный сильнымъ голосомъ.

Заранѣе подготовившійся ораторъ напрашивался произнести внушительную рѣчь, подѣ тѣмъ предлогомъ, что онъ начнетъ съ описанія настоящаго положенія. Чтобы принять какія-нибудь мѣры противъ зла, надо его знать.

— Мы его знаемъ! — воспротивился кто-то другой, которому тоже хотѣлось говорить. — Мы отлично знаемъ, въ чемъ дѣло: въ томъ, чтобы уничтожить, истребить насъ. Подумаемъ о защитѣ.

Трудно было найти болѣе благопріятный случай для одного изъ краснорѣчивыхъ членовъ парламента, который провалился на послѣднихъ выборахъ, чтобы произнести давно обдуманную рѣчь о народной солидарности.

Положимъ, это была пустая, не ведущая ни къ какимъ практическимъ результатамъ рѣчь, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно прекрасно составленная.

Ораторъ еще отиралъ потъ съ чела, когда раздались протесты, что провинція не въ состояніи приносить пожертвованій и оказывать помощь несчастнымъ.

— Такъ зачѣмъ же мы сюда собрались? — воскликнулъ кто-то.

Глухое молчаніе было отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

— Слова!

— Прошу слова! — слышалось со всѣхъ сторонъ.

Защитникъ земли, который разъ уже высказывалъ свое мнѣніе, желая обратить главное вниманіе на этотъ вопросъ, все повторялъ свое: — Будемъ искать средствъ отстоять землю.

Громкіе крики превратились въ шопотъ. Какой-то мужчина, блѣдный, истомленный, съ нѣкогда красивымъ, но страшно истасканнымъ лицомъ, до такой степени, что оно даже становилось противнымъ, — выступилъ впередъ. На лицѣ его отражалось что-то похожее на презрѣніе къ своимъ будущимъ противникамъ.

— Это очень хорошо со стороны патріотизма, — началъ говорить онъ, — приказывать намъ держаться за свою землю,

запрещать намъ продавать ее; но если имѣніе обременено долгами? У меня есть дѣти, и я могу спасти имъ состояніе, продавъ землю нѣмцу за такую хорошую цѣну, какой мнѣ не можетъ дать никто изъ нашихъ помѣщиковъ; развѣ же можно считать преступленіемъ съ моей стороны, если я отрекусь отъ земли ради своихъ дѣтей! Пускай господа патріоты соберутъ деньги и спасаютъ землю, покупая ее у меня по той цѣнѣ, какую дастъ нѣмецъ. За что же я одинъ буду терять?

Поднялся такой шумъ, что ничего нельзя было разобрать, кромѣ бурнаго протеста. Тотъ, кто поднялъ этотъ вопросъ, толкаемый со всѣхъ сторонъ, холоднымъ взглядомъ отвѣчалъ на всѣ нападенія.

Его упрекали въ разореніи имѣнія, въ расточительности, роскоши, и неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, если-бы одинъ изъ главныхъ вожakovъ не началъ говорить о необходимости основать банкъ, который явился бы на помощь разореннымъ.

— Кредитъ насъ губить, — замѣтилъ другой, — а вы хотите облегчить его. Занимаютъ, транжирятъ, долгъ остается, растетъ и такимъ путемъ мы приближаемся къ гибели. Развѣ, если вмѣстѣ съ кредитомъ учредить опеку надъ слишкомъ расточительными.

— Вотъ это хорошо! — вскричалъ кто-то. — Ужъ не для того ли, чтобы выставить себя на смѣхъ?

— Долги, долги, — прогорилъ другой, — долги насъ губятъ. Имѣніе даетъ три процента, а мы платимъ по пяти или по шести.

Въ одной группѣ поднялся такой громкій смѣхъ, что заглушилъ все. Этотъ взрывъ смѣха казался такимъ страннымъ и неумѣстнымъ, что нѣкоторые изъ находившихся въ залѣ вышли огорченные.

Любоховскій, прислушивавшій ко всему, тихо вышелъ, убѣдившись, что все это ни къ чему не поведетъ.

Онъ хотѣлъ уже незамѣтно проскользнуть къ дверямъ, чтобы разыскать свою телѣжку и вернуться домой, когда старый знакомый заступилъ ему дорогу. Они подали другъ другу руки. Они были знакомы другъ съ другомъ еще въ лучшія

времена, когда Любаховскій занимался дѣлами князя. Роховскій (такъ звали стараго друга), выдавъ потомъ свою дочь за познанскаго помѣщика и, отдавъ имѣніе сыну, самъ жилъ съ ней. Съ Любаховскимъ они встрѣчались рѣдко, поэтому встрѣча была очень сердечная.

— Что же ты, мой старикъ?—проговорилъ Роховскій, съ нѣжностью глядя на него,—что ты подѣлываешь? Какъ твои дѣла? Что дочь, внуки?

Любаховскій покраснѣлъ. Они взялись подъ руку и пошли въ кабинетъ, гдѣ нѣкоторые изъ собравшихся помѣщиковъ—о, чудо!—играли въ карты. Роховскій съ пріятелемъ сѣли въ сторонѣ.

— Дочь я вижу очень рѣдко,—отвѣчалъ старикъ,—внуковъ почти никогда. Боюсь, какъ бы меня не заставили покинуть Познань, какъ не здѣшняго.

— Можетъ-ли это быть? А зять, занимающій такое высокое положеніе?

— Это-то именно и лишаетъ его возможности помочь мнѣ,—отвѣчалъ Любаховскій.

— Про меня знаешь что-нибудь?—съ иронической улыбкой спросилъ Роховскій.

— Ничего нового не слыхалъ.

— Такъ я тебѣ скажу,—прибавилъ старый пріятель.—Я жилъ здѣсь у дочери по паспорту. Кажется, ни во что не вмѣшивался, а между тѣмъ мнѣ приказано оставить этотъ край.

— Почему?

— О причинѣ нельзя спрашивать, — докончилъ Роховскій съ насмѣшливой улыбкой.—Вскорѣ намъ, полякамъ, не позволено будетъ даже проѣзжать черезъ Познань и долѣе 24 часовъ дышать прусскимъ воздухомъ.

— Это неправдоподобно!—прошепталъ Любаховскій.

— Вскорѣ для молодежи, родившейся не здѣсь, будутъ закрыты прусскіе университеты.

— Странно,—прошепталъ старикъ.—Что же еще?

— Я думаю,—говорилъ Роховскій,—что это кончится тѣмъ, что насъ будутъ прямо избивать, гдѣ бы мы ни показались. Мы имѣли дерзость въ продолженіе цѣлаго столѣтія выдерживать истребленіе и грабежъ; мы не вымерли, какъ они того желали,

и вотъ имъ бѣднымъ пришлось самимъ взять на себя истребленіе ненавистнаго племени.

Оба старика взглянули другъ на друга глазами полными слезъ.

— Спажи мнѣ, думалъ-ли кто изъ насъ дожить когда нибудь до такого времени?— спросилъ Роховскій.

— Никто изъ насъ не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія о такомъ положеніи вещей,—отвѣчалъ Любаховскій,—потому что—кто же могъ ожидать, чтобы одна половина рода человеческого сдѣлалась палачемъ другой и еще хвасталась этимъ? Мнѣ еще до сихъ поръ все кажется, что это сонъ, призраки, а не дѣйствительность.

— Грустно мнѣ покидать дочь и внучатъ,—вздыхнулъ Роховскій,—но надо утѣшаться хоть тѣмъ, что изрѣдка можемъ видѣться другъ съ другомъ въ Галиціи.

— Дорогой мой Роховскій,—проговорилъ послѣ нѣкотораго раздумья Любаховскій,—я живу совсѣмъ уединенно, никого не вижу, ничего не слышу, и потому, быть можетъ, не все понимаю. Такія жестокія мѣры, принятыя противъ насъ, не могутъ быть безъ причины. Въ чемъ же мы провинились? чѣмъ мы заслужили это?—не знаю; мнѣ кажется, у насъ даже прибавилось сдержанности, спокойствія, такъ что мы не могли никому быть не только опасными, но даже непріятными. Въ чемъ же мы провинились?

— Видитъ Богъ, не знаю,—отвѣчалъ Роховскій.—Какъ громъ упало на насъ это преслѣдованіе. Я не понимаю его, но думаю, что оно не безъ расчета. Что же ты будешь дѣлать теперь?

— Не знаю,—отвѣчалъ Любаховскій.— Ты слышалъ навѣрное, что старый Хлопицкій, который занялъ опасное мѣсто въ битвѣ подъ Гороховцемъ, отвѣтилъ на вопросъ: почему онъ всталъ тамъ,—*toute place est bonne pour se faire tuer*. Я могъ бы сказать тебѣ: для меня все равно, гдѣ бы ни умереть.

— Ошибаешься, старикъ,—сказалъ Роховскій,—ни жить, ни умирать не безразлично гдѣ.

Оба замолчали.

Любаховскій протянулъ руку пріятелю.

— Мнѣ ужъ больше нечего здѣсь дѣлать,—сказалъ онъ.— Хотѣлъ я послушать это совѣщаніе, ожидая отъ него какихъ

нибудь благопріятныхъ результатовъ, но вижу, что вмѣсто согласія, здѣсь еще болѣе возрастаетъ рознь. Я предпочитаю не смотрѣть на это и не слушать всего этого.

Старикъ уже всталъ, но въ ту же минуту хозяинъ заступилъ ему дорогу.

— Это еще что? ты собираешься уѣзжать?

— Я думаю, что больше здѣсь нечего дѣлать.

— Ну, ужъ извѣстно, безъ обѣда я тебя не отпущу, — прибавилъ онъ съ такимъ важнымъ, барскимъ выраженіемъ, которое говорило: такого обѣда дома вѣтъ не найдешь. Роховскій, также приглашенный, тоже долженъ былъ остаться.

Между тѣмъ въ боковой комнатѣ, гдѣ еще продолжалось засѣданіе, слышался говоръ, ни на минуту не прекращающійся, изрѣдка только прерываемый болѣе громкими криками, смѣхомъ. Одни входили туда, другіе выходили, уже утомленные. Споръ отклонился совсѣмъ въ сторону. Говорили о хозяйствѣ, о машинахъ, о цѣнѣ земли, считали, сколько людей унесла эмиграція, поддерживаемая какими-то таинственными способами, сколько унесетъ теперь это изгнаніе.

Вначалѣ жарче всѣхъ разсуждавшіе постепенно остывали и начинали зѣвать; въ комнатѣ стало пустѣть, и можно уже было предвидѣть минуту, когда всѣ разойдутся.

Вдали слышался стукъ экипажей тѣхъ изъ гостей, которые не хотѣли уже долѣе ожидать опоздаващаго обѣда. Въ эту минуту пригласили къ столу. Всѣ гости оживились.

Изъ широко растворенныхъ дверей видно было столовую, заставленную двумя длинными столами, дополненіемъ къ которой служили еще двѣ комнаты съ прибавочными столами.

Уже въ довольно веселомъ настроеніи сажались за патріотическій борщъ.

Одинъ изъ старѣйшихъ депутатовъ, который уже давно началъ говорить рѣчи и подписывать протесты, громогласно сталъ утѣшать тѣхъ, которые, нахмурившись, грустно шли медленными шагами къ своимъ мѣстамъ.

— Господа! я вамъ говорю, что бояться тутъ нечего. Цѣлыхъ сто лѣтъ не могли справиться съ нами и налогами, и новый законъ постигнетъ таже участь. Будемъ только вѣрить нашему народному девизу, который, хоть и въ рюмкѣ родился,

но долженъ слиться съ жизнью: будемъ любить другъ друга *)! Это значитъ: будемъ держаться другъ за друга, защищать другъ друга и не будемъ раздѣляться на разные партіи. Опасность не въ преслѣдованіи, а въ разъединенности, въ отсутствіи единодушія.

Всѣ стали аплодировать этой всѣми признанной истинѣ, но, какъ всегда и вездѣ, каждый, говоря это, вздыхалъ, чтобы всѣ поддавались ему, а самъ не желалъ никому дѣлать никакихъ уступокъ. Такъ что «возлюбимъ другъ друга» превращалось въ какую-то платоническую любовь, которая исчезала тотчасъ же, какъ только вставали изъ-за стола.

За обѣдомъ, даже самыя нахмуренныя лица прояснились, одинъ только Любаховскій молчалъ, въ глубокой задумчивости, сидѣлъ въ углу съ Роховскимъ.

Роховскій смотрѣлъ, слушалъ и изрѣдка новодилъ плечами. Кто, подобно ему, зналъ положеніе страны и всего народонаселенія, тотъ, дѣйствительно, не могъ не удивляться веселому настроенію общества.

— Смотри, — обратился онъ къ Любаховскому, — если бы кто нибудь вошелъ сюда, посмотрѣлъ на насъ, послушалъ, — развѣ не могъ подумать, что мы вполне счастливы, что мы терпестуемъ? На всѣхъ лицахъ видна свободная, непринужденная веселость... сіяетъ радость, хотя, на самомъ дѣлѣ, радоваться намъ нечему. Конечно, это великая сила, если въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ люди умѣютъ сохранить все присутствіе, спокойствіе духа, свободу мысли, гражданское мужество, но у насъ наружность обманываетъ, эти сіяющія лица вовсе не служатъ признакомъ силы, а легкомыслія. Всѣ они говорятъ: «ничего, какъ нибудь дѣло уладится», а это выраженіе прямо означаетъ, что въ личныхъ своихъ дѣлахъ человѣкъ сумѣетъ бороться, а общественныя дѣла сдастъ на волю Провидѣнія.

Дѣйствительно, ни по лицамъ, ни по разговорамъ нельзя было опредѣлить всю тяжесть положенія. Можно было подумать, что разсчитываютъ на свои собственные силы; Любаховскій былъ огорченъ такой легкомысленностью.

*) Kochajmy sie!

— Если бы дѣло шло только о немъ, — сказалъ наконецъ Роховскій, — я бы уважалъ мужество, съ какимъ мы переносимъ то, что насъ встрѣчаетъ; но больше всего страдаетъ отъ этого бѣдный народъ, работники, для которыхъ трудъ — все богатство, изъ которыхъ ни у кого нѣтъ не только запасовъ на дорогу, но даже хлѣба на завтра, — люди обремененные семьями, безъ одежды, безъ воевъ и лошадей. Завтра ихъ выбросятъ за границу. Мы найдемъ себѣ убѣжище или гдѣ-нибудь въ семействѣ или, наконецъ, за деньги въ гостиницѣ, а они не знаютъ, куда толкнетъ ихъ судьба... быть можетъ за Волгу... быть можетъ, куда-нибудь въ безлюдную пустыню, за степи, черезъ которыя придется перебраться пѣшкомъ.

— Вѣдь это братья во Христѣ всеѣмъ намъ — христіанамъ, и братья наши по крови, какъ сыны одного народа, а мы, смѣясь, даемъ имъ погибать!

— Тише, — пробормоталъ Роховскій, — чтобы насъ не подслушали. Ты знаешь вѣдь, что здѣсь уже большинство согласено съ тѣмъ, чтобы свалить все на руки галичанъ и кореняжей. Великая Польша, когда дѣло идетъ о деньгахъ, всегда готова выставить себя бѣдною. Нечего, значить, и говорить о судьбѣ народа.

Да, — отвѣчалъ старикъ, — говорить нечего, но мы, мой Роховскій, должны подѣлиться послѣднимъ.

Они замолчали; въ ту минуту кто-то рассказывалъ о судьбѣ одного извѣстнаго помѣщика, имѣніе котораго продавалось съ молотка.

— Но этого не можетъ быть, — возражалъ хозяинъ. — Мы видѣли, какъ онъ роскошно выступалъ въ послѣдній карнавалъ.

— И это доконало его, — прибавилъ рассказчикъ. — До послѣдней минуты онъ держался съ гордостью и стоицизмомъ, не уменьшая своего штата. Онъ не рассчиталъ ловчаго, не продалъ лошадей, не уменьшилъ число прислуга, не сократилъ своихъ расходовъ. Со дня на день, постепенно, изъ большого барина онъ превратился въ банкрота.

— Это не можетъ быть, — повторилъ хозяинъ. — Я вамъ объясню, какъ это произошло. Вы знаете его дядю, богача, купца, который не хотѣлъ помочь ему продолжать вести жизнь на

такую ногу. Все это не что иное, какъ маневръ чтобы заставить скупца помочь племяннику.

— Да онъ ни гроша не дастъ! я его знаю!—прервалъ кто-то съ другого конца стола.

— И я его знаю: онъ настолько же скупъ, насколько и гордъ,—прибавилъ другой,—гордость побѣдить. Племянникъ его является представителемъ его фамиліи.

— А! а! —разсмѣялся кто-то, — скупецъ разсчиталъ, что ему выгоднѣе самому быть представителемъ.

Всѣ разсмѣялись.

Кто-то заговорилъ о сахаровареніи и сахарѣ; но разговоръ не продержался долго на эту тему; дѣла сахарозаводчиковъ шли плохо, сахаръ упалъ въ цѣнѣ.

Любаховскій и Роховскій имѣли случай наслушаться всевозможныхъ разсужденій; только уже о новомъ законѣ, ради котораго всѣ съѣхались, не было и рѣчи. Всѣ считали слишкомъ для себя утомительнымъ постоянно имъ заниматься.

Обѣдъ съ десертомъ и рюмками затянулся такъ долго и наконецъ принялъ характеръ настолько отличный отъ цѣли собранія, что можно было забыть—зачѣмъ съѣхались сюда эти землевладѣльцы, собравшіеся спасти отечество.

Послѣ обѣда, столики для картъ стояли уже готовы.

Любаховскій, не простившись ни съ кѣмъ, кромѣ старика Роховскаго, проскользнулъ незамѣтно отыскивать свою телѣжку и, погруженный въ свои мысли, молясь не устами, но въ душѣ,—поѣхалъ домой.

Недалеко отъ дома, его поразило то, что онъ увидѣлъ свѣтъ въ окнахъ и свою прислугу около крыльца. Это было для него такъ непонятно, такъ странно, что, ставъ на крыльцо, онъ искалъ глазами, не горитъ-ли гдѣ-нибудь.

Въ эту минуту, передъ нимъ явилась какая-то тѣнь, которой онъ не могъ узнать, и дочь бросилась ему на шею.

Около нее стоялъ высокій мальчикъ, котораго онъ не зналъ. Это былъ Гриша, сопровождавшій свою мать.

Любаховскій расплакался. Онъ не смѣлъ спрашивать, но какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что прибытіе дочери и внука,—какъ онъ думалъ,—на прощанье съ нимъ, предвѣщало приближавшуюся опасность.

Онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на Гришу, который имѣлъ въ своемъ лицѣ нѣкоторыя черты матери и нѣсколько польскій типъ, но прусское воспитаніе, военная дисциплина, сдѣлали изъ него совсѣмъ не то существо, какое старикъ надѣялся увидѣть въ своемъ внугѣ.

На лицѣ дочери послѣдніе мѣсяцы оставили страшный слѣдъ. Глаза ея впали, щеки покрылись морщинками, уста были сжаты, кожа на вискахъ какъ-бы присохла къ кости. Страданіе отражалось на ней съ ужасной выразительностью отчаянія.

Тѣмъ спокойнѣе долженъ былъ Любаховскій держать себя передъ дочерью.

— Я понимаю твой пріѣздъ, — обратился онъ къ ней, — ты хотѣла со мной проститься. Я очень тебѣ благодаренъ, но я еще не получилъ никакого приказанія и еще ничего не знаю о своей участи.

— Я пріѣхала вовсе не прощаться съ тобой, дорогой отецъ, — отвѣтила Марынка, — но чтобы изъявить свою готовность сопутствовать тебѣ, вмѣстѣ съ внукомъ. Я желаю разделить твою участь...

— Вѣрь мнѣ, Марыня, что это могло-бы ее сдѣлать только тяжелѣе, — сказалъ старикъ. — Я не могу принять отъ тебя жертвы, какую ты хочешь мнѣ принести.

— Отчего? — воскликнула она. — Мужъ мой нисколько во мнѣ не нуждается, дѣти подросли. Домъ, въ которомъ я должна стыдиться своего происхожденія и своей народности, опротивѣлъ мнѣ. Ты старикъ, одинъ, безъ опеки, почему же бы мнѣ не сопровождать тебя, хотя бы для того, что бы показать злодѣямъ, какъ мы умѣемъ переносить страданія, всѣ, вмѣстѣ. Я хочу быть при тебѣ.

— Ни ты, ни Гриша, не можете мнѣ сопутствовать, — прерывалъ старикъ, — вся будущность этого мальчика тамъ, при отцѣ. Я не могу ему дать ничего, кромѣ страданія.

Среди этого разговора, вторично вбѣжала Жабская, ведя за собой экономку. Такъ какъ она постоянно проживала теперь въ мѣстечкѣ, стараясь отдалить катастрофу, то надо было узнать отъ нея, дѣйствительно-ли она вскорѣ угрожала.

Крестя вбѣжала, сильно взволнованная, почти не въ си-

лахъ будучи говорить; на ея молодомъ лицѣ видны были слѣды утомленія. Уже нѣсколько дней, не имѣя времени ни поѣсть, ни отдохнуть, она пила только кофе съ булкой, простудилась и кашляла.

На вопросъ Любаховскаго, она постаралась успокоить его, хотя сама далеко не была спокойна. Никакого распоряженія еще не было, и чиновники сомнѣвались, чтобы оно когда-нибудь могло быть отдано.

Все, происходившее въ Любахувѣ, могло казаться невѣроятнымъ тому, кто не видѣлъ этого собственными глазами. Одна бѣдная крестьянская дочь, живое, дѣятельное, ничего, повидимому, незначущее существо, въ скромномъ ситцевомъ платицѣ, двигало здѣсь всѣмъ и, можно сказать, незамѣтно всѣмъ заправляло.

Старикъ имѣлъ твердое убѣжденіе, что такъ какъ ничѣмъ нельзя было помочь, то надо было, по крайней мѣрѣ, съ гордостью и достоинствомъ перенести готовящійся ударъ. Поэтому, онъ ничего не предпринималъ и ни о чемъ не заботился. Старая охотничья сумка изъ барсучьей шкуры, сучковатая палка, козловые сапоги стояли приготовленными къ дорогѣ.

Дыданъ долженъ былъ сопутствовать ему. Что-же касается Ходзибуя съ женой, то старикъ давалъ имъ полную свободу распорядиться собой; а въ случаѣ, если бы и они подверглись изгнанію, онъ готовъ былъ раздѣлить съ ними свою участь.

Онъ не зналъ, что ему было дѣлать.

Онъ думалъ, что самое лучшее для него было-бы приобрѣсти хоть маленькій клочекъ земли, но онъ не зналъ цѣны ея въ королевствѣ; во всякомъ случаѣ, для этого надо было собрать соответственный капиталъ. Съ болью въ сердцѣ, принужденъ онъ былъ продать этотъ послѣдній клочекъ родной земли. Онъ уже примирился даже съ этимъ, лишь-бы только продать его въ польскія руки. Насколько могъ и умѣлъ, онъ рассчитывалъ, сколько онъ можетъ взять за него, сколько на имѣніи было долга и что должно было ему остаться.

Оказывалось, что, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ,

Любахувка не могла дать болѣе нѣсколькихъ тысячъ рублей. Это было ничто, даже при самыхъ скромныхъ требованіяхъ старика. Перевозить вещи было немыслимо, приходилось, значить, покупать все, начиная со стола и миски для супа. Невозможно было обзавестись даже самой жалкой лачужкой. Ему самому немного надо, но Дыдасъ, старая прислуга, гдѣ все это было помѣстить, какъ прокормить?

На другой-же день, Марыня, не бравшая никакого приданого, объявила отцу, что, хотя и съ болью сердца, она принуждена сѣсть ему на шею, вмѣстѣ съ Гришей, такъ какъ не желаетъ брать ни одного гроша.

Старикъ одобрилъ такое рѣшеніе, не признаваясь, что дѣлится было нечѣмъ. Дома у него было всего нѣсколько сотъ марокъ, а тутъ еще надо было уплатить небольшіе счета.

Вечеромъ, онъ позвалъ Дыдася.

— Поѣзжай къ пану Червецкому, — сказалъ онъ ему, — и попроси его пріѣхать ко мнѣ. Скажи, что дѣло очень важное. Дыданъ поклонился ему до колѣнъ.

— Простите, баринъ, что я вмѣшиваюсь, — замѣтилъ онъ, — но зачѣмъ вамъ такъ торопиться, когда поспѣшность можетъ причинить убытки. Никакого приказа еще нѣтъ; экономка насторожѣ, каждый день ѣздитъ въ городъ, все знаетъ. Авось, метрика найдется?..

— Не тебѣ меня учить! — отвѣчалъ старикъ. — Поѣзжай, пожалуйста, къ Червецкому.

Дыдасъ замолчалъ.

— Для васъ все это окончится благополучно, — пробормоталъ онъ. — Всѣ говорятъ, что это невозможно, чтобы осмѣлились выгнать васъ.

Старикъ и на это ничего не отвѣтилъ, только, послѣ нѣкотораго раздумья, приказалъ снова позвать экономку, но ея не было дома. Она съ утра была въ мѣстечкѣ.

Любаховскій молча вернулся къ дочери. Всѣ усилія его были направлены на то, чтобы склонить ее вернуться домой, но она настаивала на томъ, чтобы остаться при отцѣ.

Кристя вернулась изъ мѣстечка только къ ночи; мужъ ожидалъ ее, приготовивъ самъ обѣдъ и разогрѣвая его. Она прыгнула изъ телѣжки прямо на сильныя руки.

— Голубка моя!—ты такъ совѣмъ у меня измучаешься! Что-же слышно?—спросилъ Ходзибуй.

— Голова у меня идетъ кругомъ,—отвѣчала она.—Ничего нельзя узнать... Ридель, который служить мнѣ, говорить, что еще никакого распоряженія нѣтъ. Старикъ Плеве, въ которомъ мнѣ удалось пробудить жалость, отнимаетъ у меня всякую надежду, говорить, что это неизбѣжно, если только не найдется метрика. А! метрика эта! метрика!

Кристя оглянулась и замолчала.

Они вошли въ комнату, гдѣ, покинутая всѣми, канарейка билась въ клѣткѣ.

— Баринъ нашъ послалъ сегодня за Червецкимъ,—замѣтилъ Ходзибуй,—хоть сердце его и приросло къ этому углу, онъ собирается продать его. Червецкій оцѣнилъ Любахувку и инвентарь, который я самъ ему показалъ, сосчиталъ наши долги и рассчиталъ, что намъ останется всего какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ. На него самого не хватить, а тутъ еще дочь съ внукомъ пріѣхали безъ гроша, надо и для нихъ. Это будетъ нищета...

— Хуже того,—прибавила Кристя,—потому что останется какъ разъ столько, что и съ голоду умереть нельзя, да и жить-то не на что.

Онъ повелъ плечами.

— Червецкій оцѣнилъ Любахувку, какъ слѣдуетъ, это правда,—продолжалъ Ходзибуй,—но Фрейеръ далъ-бы гораздо больше.

— Старикъ ни за что не продастъ нѣмцу, хоть-бы тотъ ему золотыя горы давалъ!—прервала Кристя,—сохрани Богъ, чтобы это попало въ руки Фрейера...

— Какія же у тебя надежды?—спросилъ мужъ, самъ подавая ей обѣдъ.

— Я? надежды?—отвѣчала Кристя.—Я надѣюсь только на то, что нѣмецъ, который такъ втюрился въ меня, отыщетъ какое-нибудь средство къ спасенію... Какое?—не знаю. Онъ подаетъ мнѣ какія-то надежды.

— Вретъ,—сказалъ Ходзибуй,—будь съ нимъ осторожна. Кристина ударила его по плечу.

— Будь спокоенъ,—отвѣчала она.—Вышлютъ барина—и мы поѣдемъ съ нимъ.

— Чтобы быть ему обузой!—отвѣчалъ экономъ.—И на что мы можемъ ему пригодиться, если тамъ онъ не будетъ хозяйничать?

— Не можемъ-же мы тоже оставаться здѣсь!—проговорила она.—Я-бы здѣсь не прожила и недѣли.

Хозяинъ хлопоталъ, прислуживая женѣ, которая молчала, погруженная въ свои мысли. Послѣ нѣкотораго отдыха, она спросила о Дыданѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, она — потому что она одна теперь всѣмъ здѣсь распоряжалась, потребовала къ себѣ Дыдана, чтобы бросить ему въ лицо обвиненіе въ томъ, что онъ попалъ въ сѣти племянницы Фрейера.

При первомъ же намекѣ Дыданъ вспыхнулъ...

— Что? что?—вскричалъ онъ,—чтобы нѣмка могла мнѣ понравиться, чтобы я связался съ нѣмкой!

— Ты самъ не понимаешь и не знаешь, что дѣлаешь,—отвѣчала Кристина.—Мина, красивая и испорченная дѣвушка, знаетъ, какъ понравиться и захватить въ свои руки; ты и самъ того не замѣтишь, какъ попадешь въ ея лапы... Смотри, она окрутитъ тебя.

Дыданъ сдѣлалъ недовольную гримасу.

— Вы, кажется, считаете меня малымъ ребенкомъ, —вскричалъ онъ...

— Я тебя считаю очень хорошимъ и честнымъ человекомъ,—прибавила экономка, —но тебѣ не справиться съ Фрейеромъ и его племянницей, ты не устоишь противъ нихъ. Ты, хоть и учишь ее по-польски, а попадешь въ нѣмецкую неволю.

— Никогда ни во что не попаду да и не боюсь вовсе,—отвѣчалъ Дыданъ.

Кристина только разсмѣялась.

Предостереженіе ея, все-таки, подѣйствовало; Дыданъ сдѣлался осторожнѣе, но осторожность его продолжалась только дня два, и нѣмка вскорѣ сумѣла усыпить его бдительность.

Чтобы изобразить состояніе души бѣднаго Дыдана, довольно сказать, что онъ жалѣлъ и горевалъ, что она не родилась полькой.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней, въ Любаховкѣ ничего

не измѣнилось на видъ, но, на самомъ дѣлѣ, все перепуталось, смѣшалось. Марыня сидѣла съ сыномъ, въ которомъ старый дѣдъ души не чаялъ, и сердце у него разрывалось, что онъ не могъ оставить его при себѣ, такъ какъ его совѣсть не допускала этого.

Изъ Берлина каждый день приходили то угрожающія, то умоляющія письма мужа, который долженъ былъ употребить все свое вліяніе, чтобы оправдать болѣзною самовольно продолженный отпускъ Гриши. Каждый день, каждый часъ ждали, какъ грома, рокового приказа о выселеніи, но его все еще не было. Крестя увѣряла, что это еще затянется, а, быть можетъ, Господь Богъ и отворотитъ несчастье.

Марыня, убѣжденная, что никто не будетъ въ состояніи противиться этому закону, никто не вымолитъ для себя снисхожденія, что мужъ ея не сдѣлаетъ ни шага — не отходила отъ отца, чтобы быть возлѣ него въ часъ страшной катастрофы.

И онъ и она, сидя теперь съ этимъ томительнымъ ожиданіемъ катастрофы въ сердцѣ, вспоминали прошлые годы, прощались со всѣмъ, что ихъ окружало.

Гриша, который чувствовалъ, что въ его судьбѣ должна была произойти совершенная перемѣна, по цѣлымъ днямъ учился по-польски.

Наконецъ, изъ Берлина перестали приходять письма.

Мать готова была на все для своего сына, она хотѣла хоть его имѣть своимъ.

Гриша не объяснялъ ей, что, какъ воспитанникъ военной школы, онъ дѣлался почти дезертиромъ, не возвратившись въ назначенный срокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ надѣялся, что отецъ защититъ его отъ дурныхъ послѣдствій этого шага. Мать не понимала ни важности этого шага, ни опасности, какой онъ подвергался. Поэтому, все было спокойно въ Любахувкѣ, по крайней мѣрѣ на видъ, когда однажды, около полудня, на измученныхъ лошадяхъ, примчалась изъ мѣстечка эконома и, даже не раздѣваясь, побѣжала къ Треубернеръ, которая помѣщалась здѣсь въ одной маленькой комнаткѣ.

— Барыня, — вскричала она, запинаясь, — барыня, ради Бога, пусть баринъ спрячется или убѣжить. Изъ мѣстечка

бдуть за нимъ, какъ за дезертиромъ, не знаю, кто... жандармы, кажется!

Съ безумнымъ крикомъ бросилась мать искать сына, который ходилъ съ книжкой по гостиной. Слыша крики, Гриша прибѣжалъ къ ней.

При первыхъ словахъ объ опасности, онъ поцѣловалъ у матери руку, схватилъ шапку и бросился бѣжать. Экономка едва успѣла схватить его за полы.

— Пойдемте со мной, — вскричала она, — мой мужъ спрячетъ васъ лучше, чѣмъ вы сами... Васъ поймали-бы сейчасъ...

Не дожидаясь далѣе, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, Гриша далъ знакъ экономкѣ, что онъ согласенъ и, не простившись со старикомъ, исчезъ за угломъ дома. Едва выбѣжалъ онъ изъ комнаты матери, которая бросилась на диванъ, ломая руки, какъ вошелъ старый Любоховскій, встревоженный шумомъ.

— Гдѣ Гриша? что случилось съ Гришей? — спросилъ онъ. — Я видѣлъ, какъ онъ бѣжалъ по двору съ экономкой.

— Изъ мѣстечка дали знать, — съ отчаяніемъ въ голосѣ, сказала мать, — что за нимъ прислали жандармовъ, какъ за дезертиромъ. Я знаю, кому мы этимъ обязаны, — мой мужъ указалъ, гдѣ онъ находится.

Старикъ всплеснулъ руками.

— Что мы будемъ дѣлать? — воскликнулъ онъ.

— Что? Пусть хоть онъ убѣжитъ, пусть хоть онъ одинъ останется у меня, мы съ тобой вмѣстѣ перейдемъ границу и останемся съ тобой.

Старикъ опустилъ голову на грудь.

— Марынка моя, — сказалъ онъ, — но это невозможно! Меня выселяютъ, его будутъ ловить. Онъ будетъ выданъ по первому требованію... Мы не въ состояніи будемъ укрыть его... Какая же судьба его ожидаетъ?

— Какая-бы ни была, лишь-бы не сдѣлался нѣмцемъ; пусть онъ скитается, пусть работаетъ, чтобы не умереть съ голода, я сама готова трудиться для него, лишь-бы только онъ остался моимъ ребенкомъ, твоимъ внукомъ... Треубернеръ имѣетъ одного сына, второй принадлежитъ мнѣ. Развѣ это не справедливо?

Не успѣлъ еще Любаховскій отвѣтить, какъ на дворѣ раздался лошадиный топотъ. Онъ выглянулъ въ окно. Приѣхавшіе на двухъ телѣгахъ жандармы слѣзли передъ фольваркомъ. Ходзибуй и Дыданъ встрѣчали ихъ. Жандармы вошли въ фольварокъ.

Черезъ нѣсколько времени, Дыданъ принужденъ былъ привести ихъ въ домъ самого пана. Здѣсь, не предупредивъ даже хозяина, они сейчасъ-же начали обыскъ. Къ счастью, заранее увѣдомленная, Жабская успѣла спрятать мундиръ и шинель Гриши, такъ что не осталось никакихъ слѣдовъ.

Старшій изъ жандармовъ потребовалъ свиданія съ хозяиномъ дома. Это былъ мужчина съ огромными усами, широкоплечій, съ краснымъ лицомъ и широкими бровями. Онъ обратился къ Любаховскому по-нѣмецки.

— Я плохо понимаю нѣмецкій языкъ, — медленно проговорилъ старикъ, — и жалѣю, что не могу вамъ отвѣтить.

Ожиданіе продолжалось недолго; усатый унтеръ-офицеръ, какъ-бы подумавши, заговорилъ по-польски, съ акцентомъ, ясно свидѣтельствовавшимъ, что онъ рѣдко употреблялъ этотъ языкъ.

— Гдѣ вашъ внукъ Григорій Треубернеръ?

— Не знаю, — кротно отвѣчалъ старикъ.

— Онъ былъ здѣсь, — говорилъ жандармъ.

— Былъ, вмѣстѣ съ матерью, но его уже нѣтъ.

— Если вы его укрываете, и онъ будетъ найденъ, вы знаете?... васъ ждетъ отвѣтственность...

— Ищите его, — сказалъ хозяинъ, — онъ вовсе не скрывается и я его не прячу. Онъ, можетъ, просто ушелъ въ поле, или поѣхалъ къ сосѣдямъ...

Жандармы начали обыскъ на дворѣ, на сѣновалѣ, во всѣхъ строеніяхъ, но нигдѣ не нашли ни малѣйшаго слѣда бѣглеца.

Экономъ съ женой приготовили на фольваркѣ обильный завтракъ и задержали на нѣкоторое время жандармовъ. Наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, они убѣдились, что имъ придется вернуться въ мѣстечко съ пустыми руками.

Несчастливая мать, видя ихъ отъѣздъ, вздохнула свободнѣе. Гриши — не нашли. Но радость эта была, увы, преждевременна.

Когда экономка дала знать о высланныхъ въ Любахувку

жандармахъ для арестованія Гриши, и ей удалось во время увести его изъ дома,—она, мужъ и Дыдась, на время, спрятали его въ стогъ сѣна, гдѣ никто не могъ заподозрить его убѣжища.

Завтракъ для голодныхъ солдатъ былъ слишкомъ привлекателенъ, чтобы они могли устоять, хотя они и не должны были принимать его при исполненіи обязанностей. Едва они начали попивать пиво и истреблять колбасы съ канустой, одно изъ любимыхъ нѣмецкихъ кушаньевъ, какъ Дыдась, имѣвшій уже наготовѣ пару лошадей, въ кустахъ за хлѣвами, сѣлъ, вмѣстѣ съ Гришей, въ телѣгу и помчался въ лѣсъ. Здѣсь пустая изба, памятная протоколомъ Фрейера, должна была послужить временнымъ убѣжищемъ. Они направились къ ней по дорожкѣ, на которой рѣдко можно было кого-нибудь встрѣтить, а тѣмъ болѣе еще среди бѣлаго дня.

Одинъ только Фрейеръ, по своимъ дѣламъ, отъ которыхъ онъ еще не отказался, проѣзжалъ иногда по этой тропинкѣ, остерегаясь всегда, чтобы кого-нибудь не встрѣтить.

Какъ разъ въ этотъ день онъ былъ на своемъ объѣздѣ и, услыхавъ лошадиный топотъ, бросился въ кусты, чтобы не быть замѣченнымъ.

Изъ своего убѣжища ему легко было увидѣть и узнать Дыдана, а въ товарищъ его угадать внука Любаховскаго, о которомъ онъ узналъ черезъ Мину.

Пристально оглядѣвъ ихъ и тщетно стараясь угадать, что они могли здѣсь дѣлать, Фрейеръ далъ имъ проѣхать мимо, прислушался, въ какую сторону они поѣхали, вспомнилъ о той избѣ и, когда уже убѣдился, что его не замѣтятъ, поспѣшилъ домой.

Едва онъ вышелъ изъ лѣса въ поле, какъ еще съ большимъ удивленіемъ увидалъ передъ собой жандармовъ. Никто не уважалъ ихъ такъ сильно, какъ онъ. Унтеръ-офицеръ былъ даже лично знакомъ ему.

Что они могли здѣсь дѣлать въ такое время,—онъ не понималъ этого. Встрѣча съ ними была неизбежна.

Фрейеръ привѣтствовалъ унтеръ-офицера чрезвычайно вѣжливо. Послѣ завтрака даже жандармы бываютъ въ хорошемъ настроеніи духа. Фрейеръ нашелъ унтеръ-офицера расположеннымъ къ бесѣдѣ.

Спрошенный о томъ, что привело его сюда, жандармъ отвѣчалъ, что розыскивалъ дезертира, но не могъ найти его, хотя обыскалъ всю Любахувку.

Это сейчасъ же навело почтеннаго нѣмца на то, что онъ могъ бы обдѣлать, если не особенно выгодное дѣло, то по крайней мѣрѣ отплатить Дыдасю за его преслѣдованія. Онъ завязалъ съ жандармомъ болѣе продолжительную бесѣду, давъ понять, что онъ можетъ быть имъ полезнымъ.

Четверть часа спустя, Фрейеръ очень спокойно повернулъ къ своему дому, а жандармы потихоньку отправились въ лѣсъ по указанной тропинкѣ. Здѣсь одинъ изъ нихъ остался караулить лошадей, а остальные нѣшкомъ отправились къ избушкѣ въ лѣсу.

Только-что Дыдасъ съ молодымъ бариномъ расположились немножко отдохнуть, какъ вблизи послышались шаги. Въ дверяхъ показался жандармскій унтеръ-офицеръ и, прямо подойдя къ Гришѣ, объявилъ ему, что онъ получилъ приказаніе арестовать его.

Гриша не могъ, да и не думалъ защищаться; онъ только посмотрѣлъ на Дыдана и позволилъ взять себя, не говоря ни слова.

Дыдасъ имѣлъ только то утѣшеніе, что унтеръ-офицеръ, смѣясь, поручилъ ему поблагодарить Фрейера за такія точныя указанія, которыя привели ихъ къ самому мѣсту.

Сначала Дыданъ хотѣлъ было сопутствовать арестованному юношѣ, но потомъ раздумалъ, что онъ мало пригодился бы юношѣ, такъ какъ въ мѣстечкѣ ихъ все равно разлучили бы,— а между тѣмъ онъ могъ быть гораздо полезнѣе, давъ сначала знать о случившемся въ усадьбу, а потомъ отомстивъ подлому Фрейеру.

Родъ мести, какую онъ хотѣлъ исполнить надъ нѣмцемъ, выборъ ея—такъ заняли голову и сердце Дыдаса, что онъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до фольварка, куда лошадь сама привезла его.

Каждый разъ, какъ онъ вспоминалъ Гришу, грудь его сжималась, слезы выступали на глазахъ.

Экономка, сидѣвшая у окна, увидѣвъ Дыдана одного, не понимая, что это значило, предчувствуя уже какое-то несчастье, выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Господи Иисусе! — вскричала она, — что ты сдѣлалъ съ молодымъ баринѣмъ?

Дыдась слѣзъ молча, но лицо его обнаруживало ясно, что онъ не могъ сказать ничего утѣшительнаго.

— Гдѣ баринъ? — наступала на него экономка; у него потъ выступалъ на лбу.

— Ахъ! — вдохнулъ онъ, — Фрейеръ насъ выдалъ, подсмотрѣлъ и привелъ жандармовъ. Его взяли...

Съ крикомъ, не слушая болѣе ничего, бросилась экономка въ избу, откуда выглядывалъ мужъ.

— Схватили барина! — закричала она. — Отличился Дыданъ!.. Боже мой! Что мы будемъ дѣлать, что скажетъ мать, когда узнаетъ?.. А невозможно скрыть отъ нея... А дѣдъ?..

Дыданъ стоялъ, какъ обвиняемый передъ судьями.

— Выслушай же, какъ все произошло, — сказалъ онъ, — я не виноватъ... Фрейеръ искалъ случая отомстить намъ.

Онъ началъ рассказывать, клянясь, что свернетъ шею Фрейеру, что доведетъ его до сумы, что подожжетъ его...

Кристина, не слушая этихъ угрозъ, побѣжала къ Любаховскому. Отъ матери невозможно было скрывать случившееся, потому что она одна могла спасти свое дитя.

Непріятно было брать на себя такую обязанность, но Кристина чувствовала въ себѣ теперь достаточно мужества на все.

Пока она добѣжала до матери, въ дверяхъ она встрѣтила старика, который не могъ усидѣть на мѣстѣ отъ безпокойства. По заплаканнымъ глазамъ ея онъ угадалъ, что случилось какое-то несчастье.

— Говори, не скрывай отъ меня ничего, — вскричалъ онъ. — Гдѣ онъ!?

— Ахъ, баринъ! Я и мужъ дѣлали все, что могли, чтобы укрыть его, — бормотала экономка, — но Дыданъ виѣшался въ это дѣло, повезъ его въ лѣсъ. По дорогѣ этотъ негодяй Фрейеръ выслѣдилъ ихъ и указалъ дорогу жандармамъ. Они схватили молодого барина.

Любаховскій оперся о косякъ двери — ноги у него подкосились; но онъ не произнесъ ни слова, точно языкъ у него присохъ къ небу.

Марынка, услыхавъ изъ комнаты голосъ Кристины, отво-

рила дверь; сердце ея билось. Она взглянула на отца, на Кристину, и поблѣднѣла.

— Его взяли?—вскричала она.

Никто не отвѣчалъ. Любаховскій только подошелъ къ дочери и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Дитя мое, успокойся. Такова воля Божія... Ничего съ нимъ не случится...

На поблѣднѣвшемъ лицѣ Марыни не видно было отчаянія, но сильная энергія и сдерживаемый гнѣвъ.

— Пусть мнѣ заложать лошадей,—проговорила она,—я должна ѣхать за нимъ и защищать его, и, если удастся, вырвать его изъ рукъ. Отецъ мой, лошадей въ мѣстечко!..

Говоря это, она машинально стала опорожнять карманы; увидѣвъ это, Любаховскій подошелъ къ письменному столу, вынулъ изъ него, забывая о самомъ себѣ, все, что имѣлъ, и отдалъ дочери.

Марынка даже не поблагодарила его. Она накинула себѣ на плечи пальто, завернулась въ платокъ, обняла отца и, какъ будто это могло ускорить ея отъѣздъ, вышла на крыльцо ждать лошадей, которыхъ уже закладывали.

Между тѣмъ на фольваркѣ Ходзибуй воевалъ съ Дыдамомъ, который все грозилъ поджечь и убить Фрейера.

— Сердце у тебя доброе, это правда,—говорилъ ему эконому,—но куда ты дѣвалъ голову, не знаю!.. Ты не виновать, что этотъ подлецъ тебя выдалъ: никто и не упрекнетъ тебя... Мстить же теперь Фрейеру и подвергать себя опасности быть также схваченнымъ, когда нашъ панъ такъ нуждается въ людяхъ и въ помощи,—тоже было бы не умно. Фрейеру ты не долженъ подавать вида, что мы знаемъ о его предательствѣ.—Будетъ время! Даю тебѣ слово, выкурятъ насъ отсюда, но и мы передъ отъѣздомъ пустимъ его съ дымомъ... Ну, а теперь—молчокъ, не время теперь поднимать исторіи.

Дыдасъ понялъ это, въ особенности когда Кристина подтвердила слова мужа. Вечеромъ ему пришлось поѣхать по хозяйству въ поле. Едва онъ вышелъ на большую дорогу, какъ услыхалъ за собой топотъ. Въ телѣжкѣ Фрейера ѣхала изъ мѣстечка Мина и, увидѣвъ издали своего, какъ она его называла—«Szac», начала махать ему платкомъ и звать къ себѣ.

Дыданъ остановился, спрашивая самого себя, слушать ли ему ее. Тѣмъ временемъ нѣмка подѣхала.

Привѣтствіе было такое холодное, что Мина разсердилась и вмѣстѣ съ тѣмъ испугалась. Она догадалась, что что-то случилось. Все закипѣло въ Дыданѣ при видѣ ея; она возбуждала въ немъ необъяснимое чувство привлекательности и отвращенія.

Онъ чувствовалъ презрѣніе къ самому себѣ, что подобное созданіе могло привлекать его. Онъ слегка только поклонился ей.

— Что съ вами?—высовываясь изъ тѣлѣжки, начала она.— Скажите мнѣ... скажите.

— Я не люблю жаловаться,—возразилъ Дыданъ.—У насъ большое горе дома. Былъ у насъ внукъ нашего барина... Прислали за нимъ жандармовъ... Мы бы еще и спасли его, да чертъ вмѣшался въ это дѣло... Кто-то выдалъ... Мальчика у насъ взяли.

Мина, отлично зная чувства дяди и ихъ взаимныя отношенія, нѣсколько смутилась.

— Кому же было выдавать,—отвѣчала она,—развѣ у жандармовъ носы не лучше нашихъ? На это и предательства не надо было...

Дыданъ въ волненіи закрутилъ усы и бросилъ на нее такой взглядъ, что Мина испугалась. Не ожидая его отвѣта, она дала знакъ кучеру ѣхать дальше, а Дыданъ проговорилъ ей на прощавье:

— Найдите себѣ другого учителя для польскаго языка... Мнѣ ужъ некогда. Къ тому же я слышалъ, что вы насмѣхались надъ нашимъ языкомъ у Лауна. Зачѣмъ же я буду предавать вамъ его на посмѣище?

Онъ ударилъ лошадь и поскакалъ не оглядываясь, хотя личико этого дьявола-искусителя носилось передъ его глазами.

Мина, не доѣхавъ до дома, начала плакать. Ей пришлось достать платокъ и спрятать въ него свое раскраснѣвшееся лицо, когда Фрейеръ вышелъ ей навстрѣчу. Онъ былъ встревоженъ.

Ему доставляло необыкновенное удовольствіе то обстоятельство, что онъ могъ отомстить Дыдану и ненавистному сосѣду; но когда онъ теперь пораздумалъ, онъ увидалъ, что то, что

онъ хотѣлъ сохранить въ тайнѣ, легко могло обнаружиться и разжечь снова опасную войну.

— Чего ты реवेशь, обезьяна?—съ гнѣвомъ закричалъ онъ на Мину, которой терпѣть не могъ.

Миной, такъ грубо выруганной, въ свою очередь овладѣлъ гнѣвъ. Дядю, этого противнаго скупца, она терпѣла только въ надеждѣ, что извлечетъ себѣ изъ этого какія-нибудь выгоды.

— Навѣрное, вы чѣмъ-нибудь провинились передъ Дыданомъ,—проговорила она.—Я встрѣтила его, онъ былъ взбѣшенъ и изъ того, что онъ мнѣ сказалъ, я заключаю, что мы уже его больше не увидимъ. Онъ простился со мной...

Фрейеръ поблѣднѣлъ. Онъ качалъ головой, дѣлая видъ, что это его нисколько не занимаетъ; но, когда Мина вошла въ домъ и стала жаловаться теткѣ, онъ съ любопытствомъ прислушивался.

— Не могъ же вѣдь жандармъ меня выдать, — говорилъ онъ самому себѣ,—потому что въ слѣдующій разъ никто бы и пальцемъ ему не махнулъ.

Мина съ тревогой доказывала теткѣ, что у Дыдана навѣрное была какая-нибудь важная причина сердиться на Фрейера, провинившагося передъ Любаховскимъ, хотя и обязался жить съ нимъ въ согласіи.

Видя плачущую племянницу, старая тетушка побѣждала къ мужу, чтобы добыть у него свѣдѣнія о томъ, что произошло. Супружескія отношенія ихъ были очень странны и неровны. Иногда они ссорились и долго не говорили другъ съ другомъ; иногда Фрейеръ становился ласковымъ и старался подмазаться къ женѣ; то опять ходили, какъ бы не замѣчая другъ друга. Теперь Мина представляла собою узелъ, связывавшій ихъ другъ съ другомъ.

— Что ты такое сдѣлала? — обратилась старуха къ мужу.— Что это дѣло твоихъ рукъ, въ этомъ я могу голову дать на отсѣченіе. Мина плачетъ, жалко просто глядѣть на нее...

Фрейеръ развелъ руками, принимая на себя видъ невинно обвиняемаго.

— То случилось,—сказалъ онъ,—что рано или поздно

должно было случиться. Кто же могъ предвидѣть, что жандармъ, вмѣсто того, чтобы быть мнѣ благодарнымъ, выдать меня?

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ открылъ все женѣ, которая поблѣднѣла отъ страха.

— Достанется же тебѣ теперь отъ этихъ поляковъ,—сказала она.—Только мы немножко успокоились, благодаря Минѣ, такъ нѣтъ—надо же тебѣ было навлиять бѣду! Я знаю, что больше не проживу здѣсь съ тобой: лучше я поѣду къ сестрѣ, лучше пойду служить, чѣмъ ждать здѣсь, чтобы насъ подо-жгли, или... или, не знаю какъ, отместили...

— Если бы только могли, — быстро возразилъ Фрейеръ.— Вотъ то-то и бѣда, что имъ надо заботиться о самихъ себѣ, и не успѣютъ они оглянуться, какъ ихъ уже здѣсь не будетъ. Теперь они не страшны.

Онъ махнулъ рукой.

Такъ утѣшалъ себя Фрейеръ, но, несмотря на это, все не очень былъ спокоенъ.

Едва дождавшись слѣдующаго утра, экономка, которая не могла сопутствовать Маринѣ въ мѣстечко, потому что не имѣла тогда лошадей, да и боялась оставить все хозяйство на руки старой Жабской,—поспѣшила ужъ на развѣдки и заѣхала къ Губѣ, гдѣ послѣ вчерашняго вечера еще мыли и мели полы. Несчастіе, постигшее бѣдныхъ Любаховскихъ, извѣстное всѣмъ, было предметомъ разговоровъ и всевозможныхъ предположеній. Въ этомъ усматривали инициативу отца, который, не желая требовать къ себѣ насильно жену, принуждалъ ее такимъ образомъ вернуться.

Жандармъ, въ довольно хорошемъ настроеніи духа, такъ какъ ему удалось поймать дезертира, не скрывалъ какимъ образомъ онъ нашелъ его, описывалъ свою встрѣчу съ Фрейеромъ, и радость, какую ему доставила возможность сдѣлать какую-нибудь непріятность сосѣду. Фрейера вообще не любили, поэтому, хотя онъ исполнилъ свой долгъ, всѣ молчали, никто не хвалилъ его за это. Гришу, который такъ бодро и храбро держалъ себя, будучи въ рукахъ жандармовъ и зная, что наказаніе неизбежно, всѣ жалѣли.

Поведеніе Треубернера показывало—до какой степени за-

конъ этотъ общалъ быть неумолимымъ, если человѣкъ съ такимъ вліяніемъ и значеніемъ не могъ ничего сдѣлать.

До поздняго вечера гости Губы только этимъ и были заняты, и разошлись, мучимые любопытствомъ—какія послѣдствія повлекутъ за собой семейныя отношенія Любоховскаго съ нѣмцемъ, который знать его не хотѣлъ.

Ридель былъ самымъ умѣреннымъ въ отношеніи сужденій и высказываніи своихъ мнѣній. Причиной этого было то, что онъ уже дня два не видѣлъ прекрасной экономки.

Губа вышелъ навстрѣчу Крестинѣ къ конюшнѣ, гдѣ она оставила свою бричку. Онъ хотѣлъ выказать ей свое сочувствіе, но опасался; поэтому онъ предпочелъ встрѣтить ее безъ свидѣтелей и поговорить съ ней.

Онъ помогъ ей выльзти изъ брички и, предвидя вопросы, рассказалъ ей—въ какомъ положеніи былъ Гриша, когда его привезли сюда и въ какомъ ему показалась потомъ мать, спѣшившая вслѣдъ за нимъ. Онъ успокоилъ Крестю, рассказавъ, что мать такъ была увѣрена, что ничего не случится съ ея сыномъ, что даже не плакала. Экономка улыбнулась; она лучше другихъ знала, что это значило. Слезы показались бы ей менѣе страшными.

Едва успѣвъ обнявъ Рузю, пошептавшись о чемъ-то съ Губой, приказавъ покормить лошадей и держать ихъ наготовѣ, Крестина отправилась въ мѣстечко. Это былъ часъ, когда всѣ чиновники находились дома. Никто не слѣдилъ за движеніями Крести въ этомъ лабиринтѣ грязныхъ, тѣсныхъ улицъ, окруженныхъ большими огородами, среди которыхъ новыя и порядочныя дома чередовались съ полуразвалившимися избушками, да никто и не угадалъ бы, что направляло ея шаги по всевозможнымъ направленіямъ, по разнымъ закоулкамъ. Когда она потомъ черезъ нѣсколько часовъ вернулась къ Губамъ съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ усталости, никто также не спросилъ ее, гдѣ она была.

Лошади стояли заложенными. Крестя попросила немного кофе и кусокъ хлѣба съ масломъ, съ аппетитомъ съѣла его и, прощаясь съ Рузей, прошептала:

— Не дай тебѣ Богъ испытать мою участь. Я должна хлопотать за всѣхъ, а кто знаетъ, пригодится ли на что-нибудь

то, что такъ меня мучить и такъ дорого мнѣ стоить. Скажи Риделю, что я оставила ему поклонъ.

Случай со внукомъ, страданія дочери, всевозможныя заботы, удары судьбы, преслѣдовавшіе его, заставили наконецъ стараго Любаховскаго, хотя и безъ надежды, чтобы это могло принести какую нибудь пользу,—искать выхода... помощи...

Въ трехъ миляхъ отъ Любахувки жилъ изъ вѣжливости называемый графомъ—въ дѣйствительности же, потомокъ стариннаго извѣстнаго дворянскаго рода, родственникъ князя, у котораго когда-то служилъ Любаховскій. Когда, получивъ въ наслѣдство этотъ клочекъ земли, Любаховскій, изъ любви къ нему, отказался отъ спокойной и счастливой жизни, чтобы пріѣхать сюда—бороться и работать, князь далъ ему письмо, горячо рекомендующее его графу Жаровскому.

Долго старикъ не хотѣлъ ѣхать съ этимъ письмомъ къ такому важному барину, но наконецъ, не желая пренебрегать милостью князя, поѣхалъ съ визитомъ, везя съ собой это рекомендательное письмо. Онъ нашелъ здѣсь резиденцію гораздо болѣе роскошною, чѣмъ у его князя.

Даже пріемъ сопровождался нѣкоторыми формальностями. Старый графъ спросилъ сначала рекомендательное письмо, потомъ назначилъ часъ аудіенціи и наконецъ соблаговолилъ даже пригласить Любаховскаго къ обѣду.

Изъ разговора старикъ убѣдился, что какая-то желѣзная преграда отдѣляла его отъ графа и отъ свѣта, къ которому тотъ принадлежалъ. Нигдѣ и никогда еще не чувствовалъ онъ такъ сильно разницы въ общественномъ положеніи. Графъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, ничѣмъ не нарушилъ этикета, даже не обнаруживалъ явной гордости, но обходился съ Любаховскимъ такъ, какъ будто считалъ его существомъ изъ другой крови и тѣла, которымъ можно долго забавляться, пожалуй, даже любить, но всегда держать на почтительной дистанціи. Любаховскій ни въ чемъ не нуждался тогда отъ графа и только изрѣдка, чтобы не прервать совершенно отношеній, ѣздилъ къ нему заявить свое почтеніе.

Графъ, цѣня эту почтительную сдержанность въ отдаленіи, не надоедая ничѣмъ, не прося ничего, — любилъ стараго Любаховскаго и выказывалъ ему расположеніе, что было тѣмъ болѣе легко, что не надо было ничѣмъ ему доказывать.

Всѣмъ были извѣстны связи графа въ столицѣ, высокое положеніе, занимаемое имъ въ свѣтѣ, и то вліяніе, которымъ онъ пользовался даже при дворѣ. Наивному старику казалось, что, въ случаѣ опасности быть высланнымъ, можно будетъ что-нибудь сдѣлать черезъ него, выхлопотать какое нибудь свисхожденіе.

Поэтому, хотя каждый подобный шагъ стоилъ ему очень дорого, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, Любаховскій рѣшилъ ѣхать въ Жарновъ.

Онъ уже очень давно тамъ не былъ, онъ не былъ даже увѣренъ — застанетъ ли графа, хотя и зналъ часы, когда могъ быть принятымъ; перекрестившись, онъ пустился въ путь.

Онъ зналъ графа только настолько, насколько ему позволяли его узнать рѣдкія и короткія посѣщенія и общественное мнѣніе. Во всѣхъ отношеніяхъ, это былъ человѣкъ благороднаго характера, съ большимъ тактомъ, славящійся тѣмъ, что онъ дѣлалъ много добра, не хвастаясь этимъ. Онъ исполнялъ всѣ обязанности землевладѣльца, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался быть на самомъ лучшемъ счету въ чиновномъ мірѣ; вообще, онъ держался нейтралитета до такой даже степени, что измѣнялъ даже польскимъ обычаямъ, что многіе ставили ему въ укоръ.

Графъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Какъ членъ парламента, графъ для всѣхъ былъ *persona grata*. Въ національномъ лагерѣ онъ не былъ очень дѣятеленъ; онъ не отклонялся отъ жертвованій, которыхъ отъ него требовали, но не давалъ себя склонить къ принятію участія въ дѣлѣ народной самозащиты.

Впрочемъ, объ этомъ дѣлѣ, которое такъ сильно занимало другихъ, онъ никогда не говорилъ. У него были тысячи способовъ, чтобы избѣжать столкновенія со щекотливыми вопросами, которые могли бы вызвать его хотя бы на самую скромную и самую легальную оппозицію.

Прибывъ въ Жарновъ, Любаховскій, противъ обыкновенія,

съ трудомъ добрался до графа. Графу нездоровилось. Любаховскаго очень вѣжливо спросили, насколько ему необходимо было видѣть графа. Наконецъ, когда онъ уже собирался уѣзжать, боясь надоесть, камердинеръ объявилъ ему, что графъ его принимаетъ.

Любаховскій нашелъ его блѣднымъ, утомленнымъ, жалующимся на дурное состояніе здоровья.

Разговоръ коснулся, конечно, злобы дня. Старикъ съ горечью обрисовывалъ свое положеніе и, хотя ни о чемъ не просилъ, но видно было, что пріѣхалъ сюда искать спасенія.

Долгое молчаніе наступило послѣ признанія старика. Графъ раза два вздохнулъ.

— По правдѣ признаться,—сказалъ онъ наконецъ,—я не люблю говорить о такихъ вопросахъ, которые вытекаютъ изъ распоряженій властей, хотя бы распоряженія эти были очень тяжелы для насъ. Я все-таки убѣжденъ, что они вызваны необходимостью, что тѣ, которые держатъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, страдаютъ не меньше нашего. Мы не имѣемъ права судить объ этомъ, потому что у насъ не хватаетъ данныхъ.

Любаховскій слушалъ и не понималъ.

— Шановный *) панъ!—прибавилъ графъ,—сдѣлайте мнѣ такое одолженіе, не будемъ говорить объ этомъ.

Старикъ остоленѣлъ отъ изумленія, но, послушный волѣ хозяина, сейчасъ же прервалъ свои жалобы. Графъ повернулъ разговоръ на хозяйство, цѣны хлѣба, сношенія съ заграницей, конкуренцію Америки и т. п. Для Любаховскаго все это представляло теперь такъ мало значенія, такъ мало интереса, что, посидѣвъ еще нѣсколько минутъ, онъ всталъ и началъ прощаться. Графъ проводилъ его до самыхъ дверей.

— Не могу удержаться,—заговорилъ онъ, дойдя до порога и слегка пожимая протянутую руку Любаховскаго,—чтобы не дать вамъ совѣтъ. Отношенія мои съ княжескимъ семействомъ, которое и до сихъ поръ еще сохранило о нихъ воспоминаніе (старая княгиня еще недавно спрашивала о васъ) налагаютъ на меня обязанность предостеречь васъ: объ этомъ вопросѣ

*) Уважаемый—польское обращеніе.

изгнанія и т. п. не слѣдуетъ говорить. Надо перенести этотъ ударъ и не разсуждать. Это только ухудшаетъ наше положеніе.

— Мое положеніе, графъ, — холодно возразилъ Любаховскій, — кажется, ужъ не можетъ ухудшиться, такъ какъ я принадлежу къ числу тѣхъ, которые на старости лѣтъ должны покидать родную землю.

Графъ попятился назадъ, какъ будто соприкосновеніе съ такимъ человѣкомъ пугало его.

— Какъ? Вы.

— Да, я.

— Вы получили уже приказаніе?

— Нѣтъ еще, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно ждетъ меня, — сказалъ Любаховскій. — Быть можетъ, вамъ неизвѣстно, что моя дочь замужемъ за человѣкомъ, занимающимъ очень высокое положеніе, за его превосходительствомъ г. Треубернеромъ.

— Мой пріятель! Робертъ? — прервалъ графъ.

— Зять мой, — докончилъ Любаховскій. — Однако онъ не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло, — даже и не пытается помочь мнѣ.

— Это лучшее доказательство, — подхватилъ графъ, — что ничего нельзя сдѣлать, что тутъ слѣдуетъ покориться и молчать. Главное — молчать.

Старикъ долго стоялъ съ опущенной на грудь головой.

— Такъ какъ я навѣрное скоро покину этотъ край, — заговорилъ онъ наконецъ, — то позвольте съ вами проститься, графъ. Онъ низко поклонился. Хозяинъ стоялъ въ смущеніи.

— Мнѣ чрезвычайно непріятно, что мы расстаемся въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ. Прошу васъ вѣрить, что это мнѣ крайне прискорбно.

Любаховскій чувствовалъ себя еще болѣе неловко и непріятно. Онъ сѣлъ въ бричку, давая себѣ слово, что больше ужъ никогда и никуда не поѣдетъ ни совѣтываться, ни жаловаться. Хотя онъ и отдалился отъ сосѣдей и старыхъ знакомыхъ, но это не защитило его отъ наѣздовъ съ ихъ стороны.

Разошлись вѣсти о его отношеніяхъ съ Треубернеромъ,

которыя сначала игнорировали, о прибытіи дочери и внука, о его бѣгствѣ и арестѣ. Это возбудило любопытство, и двери не запирались, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно было нѣкоторое опасеніе при обличеніи со старикомъ, которому грозила большая опасность.

Той храбрости, столько доказательствъ которой дали предки на полѣ битвы, въ этой безкровной борьбѣ ни у кого не хватало.

Никто не смѣлъ говорить, никто не смѣлъ пошевелиться, всѣ выказывали равнодушіе. Сосѣди пріѣзжали обыкновенно по вечерамъ, сидѣли и долго слушали, поводили плечами, но такъ были скупы на слова, какъ будто слова эти могли разойтись по всему свѣту и скомпрометировать ихъ.

Когда объявлены были первые списки выселяемыхъ и бѣдныя, попавшіе въ нихъ, нуждались въ помощи дѣятельной и братской, чтобы хоть сколько нибудь облегчить ихъ положеніе, всѣ устранились, чтобы не имѣть ничего общаго съ несчастными, какъ-будто тѣ могли заразить ихъ своимъ несчастіемъ. Одинъ только Любаховскій нисколько не заботился о томъ, что про него скажутъ.

Послѣдніе гроши онъ отправилъ черезъ Дыдана несчастнымъ братьямъ; закупилъ одежду, обувь, однимъ словомъ, все, въ чемъ могли нуждаться бѣдняги, и приказалъ раздавать имъ это.

Такое поведеніе вызвало всеобщее изумленіе, а болѣе осторожные сочли даже своимъ долгомъ предупредить старика, что этимъ онъ можетъ ухудшить свою собственную участь.

— Мнѣ нечего терять, — отвѣчалъ онъ на всѣ предостереженія. — Я исполняю долгъ христіанина, никто и нигдѣ не можетъ мнѣ поставить этого въ укоръ.

Такая робость и трусость тамъ, гдѣ именно требовалось мужество, могли бы казаться даже смѣшными, если бы не производили слишкомъ грустнаго, удручающаго впечатлѣнія.

Любаховскій довольно долго не получалъ никакихъ извѣстій отъ своей дочери о внукѣ, но зато и распоряженіе объ изгнаніи тоже не приходило.

Старикъ имѣлъ время приготовиться покинуть Любахувку. Слѣдовало ее непременно продать. Червецкій дѣятельно взялся за это, но покупателей, кромѣ нѣмцевъ, не было.

— Я бы купилъ, — говорилъ одинъ колонистъ, — потому что это недурной клочекъ земли, да и хозяйство въ порядкѣ, — но пріобрѣтеніе земли послѣ изгнанныхъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Могутъ преслѣдовать за это. Извѣстно, что они хотятъ, чтобы земля переходила въ руки нѣмцевъ. Они сейчасъ же замѣчаютъ, кто имъ мѣшаетъ. Зачѣмъ же я буду подвергать себя опасности?

Всѣ старанія были тщетны, даже пониженіе цѣны не помогло. Червецкій пріѣзжалъ каждую недѣлю.

— Ну, что, докторъ, какъ покупатели?

— Нѣтъ ни одного, — былъ обыкновенный отвѣтъ. — Если вы хотите нѣмца, у меня есть цѣлый десятокъ, начиная съ сосѣдей — Фрейера и Браузе, которые уже обращались ко мнѣ.

— Нѣмцу! ни за что на свѣтѣ! — прервалъ Любаховскій. — Они для насъ неумолимы, наша обязанность быть непоколебимыми. Правда, подъ старость лѣтъ я останусь безъ крова и хлѣба, но — Богъ милостивъ, семейство князя, которому я такъ долго служилъ, я думаю, дастъ мнѣ убѣжище.

Червецкій не уговаривалъ.

Любахувка съ такимъ образцово и заботливо въ теченіе многихъ лѣтъ веденнымъ хозяйствомъ привлекала многихъ, но какой-то страхъ отталкивалъ.

Старикъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ катастрофы; каждый стукъ на дворѣ, каждый посланный съ письмомъ, казались ему вѣстниками неизбежнаго приказа.

Экономка почти каждый день ѣздила въ мѣстечко на развѣдки и возвращалась ни съ чѣмъ. Губа съ большимъ неудовольствіемъ замѣчалъ, что она все больше и больше сближалась съ Риделемъ, который, хотя и избѣгалъ теперь всякихъ разговоровъ о ней, но на самомъ дѣлѣ только ею одной и жилъ. Прежняя свобода, съ какой проводили время въ Познанской гостиницѣ за пивомъ и бильярдомъ, подъ вліяніемъ грустныхъ, тяжелыхъ обстоятельствъ, превратилась въ подозрительное молчаніе и недовѣріе, остерегались хозяина и почти что боялись другъ друга.

Бауръ сидѣлъ молча, Плеве говорилъ о постороннихъ вещахъ, а когда слишкомъ откровенный Золингеръ затрогивалъ вопросъ о настоящемъ положеніи, то всѣ расходились.

Очень многіе изъ сосѣднихъ нѣмцевъ помѣщиковъ, которымъ до сихъ поръ жилось недурно, боялись, чтобы общее состояніе всего края не ухудшилось.

Они соглашались съ Золингеромъ, что есть тлѣющіе костры, которые не слѣдуетъ шевелить, чтобы не разжечь ихъ неловкимъ тушеньемъ. Не каждому приходилось по вкусу — изъ спокойнаго землешаща превратиться въ война, день и ночь принужденнаго стоять на стражѣ. Трудно было ожидать любви отъ тѣхъ, которыхъ такъ притѣсняли. *Modus vivendi*, выработанный годами, былъ сносенъ, — въ будущемъ же должно было ожидать непримиримую ненависть.

Только нѣсколько такихъ, какъ Фрейеръ и Браузе, спекулянтовъ, которые только о томъ и думали, гдѣ-бы имъ заработать — на своемъ ли патріотизмѣ, на чужомъ ли несчастіи, радовались и суетились въ мутной водѣ.

Фрейеру Дыданъ не давалъ спать. Онъ не боялся съ его стороны доноса въ дѣлѣ контрабанды, такъ какъ готовъ былъ отпереться ото всего, даже отъ собственноручной подписи, оправдываясь ненавистью къ нему Дыдася; но онъ боялся вспыльчиваго характера Дыдана, который, въ отчаяніи, могъ даже прямо покуситься на его жизнь.

Самымъ дурнымъ признакомъ служило то, что съ того дня, какъ онъ встрѣтилъ Мину на дорогѣ, онъ ея знать не хотѣлъ. Она посылала ему устное приглашеніе, писала къ нему по-нѣмецки, рѣшилась даже написать по-польски, но ничто не помогло. Дыдасъ даже не отвѣчалъ.

Нѣмка, которая во всей этой интригѣ видѣла только въ перспективѣ бракъ, проклинала дядю, а, быть можетъ, и еще кой-кого, и клялась отомстить невѣрному.

Дыданъ тоже носилъ въ сердцѣ месть, но тайлся съ нею и откладывалъ. Въ ожиданіи этомъ, время то проходило очень медленно, то мчалось съ необыкновенной быстротой. Новаго ничего не было, наконецъ, съ одной почтой старикъ получилъ нѣсколько словъ отъ дочери, которая писала ему, что надѣется скоро вернуться.

Любоховскаго это скорѣе огорчило, чѣмъ обрадовало. Онъ не требовалъ для себя жертвъ и, послѣ нѣкотораго раздумья, готовъ былъ даже отказаться отъ внука, лишь бы

только не испортить ему карьеры. Что ему съ нимъ было дѣлать?

Нѣсколько дней спустя, экономка, вернувшись изъ мѣстечка, вмѣсто того, чтобы пойти къ себѣ домой, прямо бросилась къ старому пану. Онъ и всѣ его окружавшіе такъ уже привыкли теперь къ тому, что если и случалось что новаго, то навѣрное ничего хорошаго съ собой не приносило, что поспѣшность, съ какой вбѣжала Кристина, встревожила старика. Но на лицѣ ея не замѣтно было огорченія, ни тревоги—скорѣе какое то радостное изумленіе и необыкновенное волненіе.

— Что же ты намъ привезла новаго? — спросилъ Любаховскій.

— Сама не знаю, — отвѣчала Крестія, — мнѣ самой не хочется вѣрить тому, что я привожу.

— Если что хорошее, такъ и я не повѣрю, — сказалъ старикъ, — но что же?

— Метрика ваша нашлась! — вскричала она.

Она ожидала безпредѣльной радости. Любаховскій, не трогаясь съ мѣста, покачалъ головой.

— Что ты выдумываешь. Не можетъ быть! — пробормоталъ онъ. — Это какое-нибудь надувательство. Говорю тебѣ, что этого не можетъ быть.

— Какъ же не можетъ, когда мнѣ сказалъ это самъ ксендзъ, — прибавила Кристина, — что нѣсколько дней тому назадъ онъ взялъ еще не просмотрѣнную книгу, въ которой пробоцъ вкратцѣ записывалъ метрики, и въ ней, подъ тѣмъ годомъ, который какъ разъ совпадаетъ съ вашимъ возрастомъ, записана метрика Григорія — Яцка Любаховскаго, сына Ѳаддея — Игнатія и Меланіи, урожденной Згурской.

До сихъ поръ молча и равнодушно слушавшій старикъ поднялъ руки и радостно ударилъ въ ладоши.

— Положительно, это чудо! — воскликнулъ онъ, — потому что я самъ почти былъ увѣренъ, что не родился здѣсь и не былъ крещенъ. Гдѣ-же это? какъ?

Говоря это, Любаховскій дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ звать мальчика — Томку, чтобы тотъ приготовилъ ему одежду.

— Дорогая Крестія, — сказалъ онъ, — пусть мнѣ заложатъ

какихъ-нибудь лошадей; я самъ поѣду уѣдиться. Мнѣ просто не вѣрится этому.

— Пробощъ самъ говорить, что не знаетъ, какъ онъ не замѣчалъ до сихъ поръ, потому что разъ по десяти просматривалъ эти метрики, а ничего не видалъ.

Старикъ бормоталъ что-то непонятное; Кристина то блѣднѣла, то краснѣла.

— Если вы хотите ѣхать, баринъ, то возьмите съ собою Дыдана,—сказала она,—потому что одного я васъ не пущу.

— Э, что со мной можетъ случиться?—разсмѣялся уже повеселѣвшій Любаховскій.—Я ужъ ничего теперь не боюсь.

Кристина побѣждала приказать запрягать, а Дыдану,—сопровождать барина. Во всемъ домѣ съ этой радостной вѣстью бодрость выступила въ сердцахъ, хотя это нисколько не измѣнило судьбы другихъ: ни Дыдана, ни Ходзибуя.

— Съ нами пусть дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы нашъ старый панъ могъ здѣсь остаться,—говорила Крестя.—Молодые перенесутъ все, что посылаетъ Богъ.

Радость, которую испыталъ Любаховскій, была кратковременна. Онъ перебралъ въ умѣ все, что только зналъ о своемъ дѣтствѣ и молодости, и не могъ повѣрить существованію этой метрики. Насколько хватала его память, его воспоминанія, онъ никогда не слыхалъ, чтобы его родители оставались здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время,—покойный Янъ Непомуценъ никогда не упоминалъ объ этомъ.

Наконецъ подѣхала самая лучшая бричка, старика посадили на удобную подушку—и онъ поѣхалъ. Дыдасъ занялъ мѣсто на козлахъ рядомъ съ кучеромъ.

Старикъ велѣлъ ѣхать прямо къ священнику. Увидѣвъ его, ксендзь Романъ вышелъ ему навстрѣчу на крыльцо, но и на его лицѣ было больше какого-то смущенія, чѣмъ радости.

— Знаю, что привело васъ ко мнѣ,—сказалъ онъ тихо.—Дѣйствительно, я нашелъ записанной вашу метрику, это не подлежитъ сомнѣнію, но...

Онъ покачалъ головой.

— Пойдемте же посмотрѣть это чудо,—проговорилъ Любаховскій.

Въ комнатѣ, въ которой ксендзь занимался, на столѣ на-

ходилась тетрадь синей толстой бумаги, исписанной очень блѣдными чернилами. На половинѣ страницы находилась здѣсь, среди многихъ другихъ, замѣтка по метрикѣ.

Любаховскій взялъ листь въ свои дрожащія руки, впился въ него глазами и шепнулъ ксендзу такъ тихо, что чуть-чуть подальше стоящій человекъ, навѣрное, ничего бы не услышалъ.

— Метрика эта написана позднѣе.

— Изъ чего вы это заключаете?—спросилъ ксендзь.

— Вѣдь здѣсь написано: Яценъ,—проговорилъ Любаховскій, пристально всматриваясь въ написанное.

— Но вѣдь вы же носите это имя,—замѣтилъ пробощъ.

— Да, только не по крещенію,—возразилъ Любаховскій,—а по мѣропомазанію. При крещеніи мнѣ было дано имя Григорій, а набожность матери, особенно почитавшей св. апостола Руси, склонила меня принять это имя при мѣропомазаніи.

Ксендзь молчалъ. Бумага выпала изъ рукъ Григорія и онъ погрузился въ раздумье.

— Это загадка, загадка,—прервалъ молчаніе ксендзь Романъ. — Я не могу объяснить ее иначе, какъ позднѣйшей записью метрики и неосторожностью того, который пронумеровалъ ее. Но это нисколько не уменьшаетъ ея силы. Навѣрное ее записывали по обгорѣвшимъ бумагамъ, а переписчикъ, зная васъ, дополнилъ то, что, по его мнѣнію, было нужно.

— Не понимаю,—прибавилъ старикъ,—но принимаю это свершившееся надо мной по милости Божіей—за чудо. Такъ будьте добры, отецъ, выдайте мнѣ, на основаніи этого, метрику, которая, быть можетъ, защититъ меня отъ изгнанія. Я радуюсь не столько за себя, дорогой отецъ, сколько за дочь, зятя и внуковъ. *Sit nomen Domini benedictum* *).

Ксендзь обнялъ его, сильно растроганный. Онъ старался перелить въ старика радость, которую испытывалъ самъ, но тотъ, какъ бы не довѣряя своему счастью, остался погруженнымъ въ задумчивость и грусть.

Просидѣвъ у ксендза, пока тотъ не накормилъ и не наполнилъ его, нуждаясь въ отдыхѣ и желая повидать Губу, Любаховскій приказалъ кучеру ѣхать въ Познанскую гости-

* Да будетъ благословенно имя Господне.

ницу. Съ обществомъ, которое здѣсь собиралось, онъ никогда не былъ въ такихъ отношеніяхъ, чтобы долженъ былъ избѣгать его. Всѣ знали Любаховскаго за человѣка спокойнаго и, насколько нѣмцы могутъ уважать поляка, уважали его. Въ немъ цѣнили примирительный духъ. Онъ защищалъ и оправдывалъ чиновниковъ, которыхъ всѣ другіе обвиняли.

— Чѣмъ же они виноваты? -- говорилъ онъ, — они исполняютъ приказанія: это ихъ обязанность. Ножницы не виноваты, что рѣжутъ, а виновата рука, которая ихъ держитъ.

Съ утра уже вѣсть о найденной метрицѣ Любаховскаго, распространенная самимъ есендзомъ, разошлась уже по городу. Почти всѣ радовались этому.

Только Фрейеръ и Браузе встрѣтили ее восклицаніемъ: Schwindel!

Ни тотъ, ни другой не хотѣли вѣрить въ то, чтобы могла найтись метрика; они скорѣе готовы были обвинить всѣхъ во лжи, чѣмъ повѣрить этому.

Многозначащее молчаніе, которымъ было встрѣчено это восклицаніе, заставило Фрейера призадуматься, и онъ уже не распространялся болѣе по этому предмету.

Между нимъ и Браузе произошло тихое, тревожное совѣщаніе, послѣ котораго они остались еще на минуту, прислушиваясь къ разговорамъ. Браузе сталъ острить и посмѣиваться надъ переполохомъ поляковъ. Фрейеръ поддерживалъ его своимъ смѣхомъ; но такъ какъ никто имъ не отвѣчалъ, даже никто не слушалъ ихъ внимательно, то они, выпивъ пива, оба вмѣстѣ вышли изъ гостиницы.

Пришедшій затѣмъ Бауръ принялъ эту новость молча и сурово.

Ридель, чрезвычайно удивленный, обрадованный, нисколько не скрывалъ, что его радовало то, что должно было доставить великую радость хорошенькой экономкѣ.

Никого это не поражало, такъ какъ всѣ привыкли уже къ его чувствамъ къ молодой экономкѣ, не находя уже въ нихъ ничего дурного, потому что Ридель нисколько не сближился съ ней, а оставался все въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ при началѣ знакомства.

Плеве, позднѣе всѣхъ узнавшій объ этомъ, выслушавъ

разсказъ, закусилъ губы и сказалъ, послѣ нѣкотораго раздумья, что онъ долженъ видѣть эту метрику.

Самая искренняя радость была у Губы и его дочери. Отецъ разсчитывалъ, что для Рузи во многихъ отношеніяхъ очень полезно общество экономки, вліяніе которой онъ ставилъ очень высоко, а пребываніе въ Любахувкѣ старика обезпечивало и бредываніе Кристины.

Губа встрѣтилъ Любаховскаго очень торжественно, хотѣлъ даже отвести ему особенную комнату, чтобы тотъ могъ отдохнуть; но старикъ не принялъ этого и сѣлъ между нѣмцами, чтобы не подать повода думать, что онъ ихъ избѣгаетъ. Онъ имѣлъ настолько деликатности, чтобы не заводить разговора о щекотливомъ законѣ и показался всѣмъ нисколько не измѣнившимся.

Только приходъ Золингера прервалъ это молчаніе. Золингеръ, по обыкновенію, сейчасъ же высказалъ свое мнѣніе, строго осуждая это ненужное, по его мнѣнію, поддразниваніе.

Любаховскому не годилось вмѣшиваться въ эти разговоры, которыхъ хотѣли-бы избѣжать даже и сами собравшіеся здѣсь чиновники, когда къ крыльцу подѣхала старая, всѣмъ знакомая телѣжка, и изъ нея вылѣзъ мужчина среднихъ лѣтъ, на короткихъ ногахъ, съ поднятой головой, румяный, съ дерзкимъ выраженіемъ лица, съ зачесанными кверху волосами. Маленькій носикъ, неловко сидящій по срединѣ широкаго лица, и ротъ съ толстыми, мясистыми губами, дѣлали его фizioномію смѣшной. Выглянувъ изъ окна, Золингеръ поморщился и сказалъ громко:

— Герръ Любичъ!

Двери отворились, и въ комнату съ шумомъ вошелъ названный Золингеромъ помѣщикъ, который, окинувъ взоромъ все общество, произнесъ по-нѣмецки:

— Auf die Ehre!

Ничего въ этомъ не было смѣшнаго, но Любичъ смѣялся, говоря это; потомъ бросилъ шапку на столикъ, снялъ пальто и, потирая руки, подошелъ поздороваться съ Любаховскимъ, который холодно ему поклонился.

Первымъ его дѣломъ было потребовать себѣ водки, жалуюсь на страшный холодъ. Никто какъ-то не подходилъ къ

нему, никто съ нимъ не заговаривалъ, и панъ Габріель Любичъ самъ первый обратился къ Плеве.

— Ну, что же? Не слыхали вы? Какъ? Покупаетъ правительство наши имѣнія? Вы знаете, я признаюсь откровенно, что готовъ продать Дембину и Самолазы. Для колонизаціи края не можетъ быть ничего болѣе удобнаго. Они должны хорошо мнѣ заплатить. Я не вѣрю въ этотъ патріотизмъ, такъ крѣпко держащійся за землю, у меня патріотизмъ въ сердцѣ. Я очень радъ, что казна скупаетъ имѣнія и тѣмъ самымъ спасетъ шляхту. Ей Богу! Пусть только хорошенько заплатятъ, а я ужъ найду, гдѣ себѣ купить землю.

Всѣ молчали, никто не прерывалъ его, но никто также и не слушалъ. Тщетно Любичъ искалъ глазами поддержки и подтвержденія высказанныхъ имъ мнѣній. Нѣмцы стояли молча, Любаховскій о чемъ-то тихо разговаривалъ съ Золингеромъ.

Плеве, къ которому приблизился потомъ Любичъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ, немножко отодвинулся отъ него, взялъ въ руки кружку, и не поддерживая разговора, казалось, всецѣло былъ занятъ пивомъ и трубкой.

Раздраженный тѣмъ, что не встрѣтилъ здѣсь ожидаемой симпатіи къ его убѣжденіямъ, Любичъ прямо обратился къ старику:

— Ну, что вы на это скажете?

— Я? Ничего,—коротко отвѣчалъ Любаховскій.

— Кажется, и вамъ приказано выѣхать?—спросилъ Любичъ.

— Пока еще нѣтъ,—проговорилъ старикъ.

— Что касается до этого,—прибавилъ Любичъ,—то ужъ что же дѣлать! Какъ есть—такъ и есть! Жесткій орѣшекъ, многимъ очень трудно будетъ разгрызть его, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго! Каждое правительство имѣетъ право избавляться отъ тѣхъ, кто ему не нравится. Признаюсь, я даже предпочитаю работника-нѣмца.

Онъ повелъ плечами.

Всѣ молчали. Любичъ улыбался.

— Я слыхалъ, что колонистовъ хотятъ выписать изъ Шлезвигъ-Голштиніи. До сихъ поръ у насъ мало было пасторовъ и киркъ; посмотримъ, что-то скажутъ наши ксендзы, когда число ихъ умножится!

Онъ началъ смѣяться.

— Я стою за свободу убѣжденій, для меня кирка такъ же хороша, какъ и нашъ костель; по крайней мѣрѣ меньше будетъ фанатизма.

Молчаніе продолжалось. Любичъ замѣтилъ, что и эта проба завязать разговоръ и похвастаться своею благонамѣренностью, не удалась. Поэтому онъ прервалъ свою апологію протестантизма и вернулся къ цѣнности имѣній.

— Я надѣюсь взять за Дембину и Самолазы хорошія деньги,—сказалъ онъ.—Знаю, что братья-шляхта будетъ меня преслѣдовать за то, что я сбываю землю. Лбомъ стѣну не прошибешь, лучше продать теперь по своей волѣ, чѣмъ потомъ быть вынужденнымъ продать, когда увеличатся долги; а тутъ хозяйничать нѣтъ средствъ, кромѣ нѣмца, которому дадутъ деньги за три процента, тогда какъ я долженъ платить пять. Нечего тутъ и упрямиться; кто не хочетъ пойти по міру съ сумой, тотъ долженъ продать.

И на это никто ему ничего не отвѣтилъ. Только Золингеръ, взглянувъ на веселаго Любича, замѣтилъ:

— Кажется, насколько я слышалъ, вашъ родъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ владѣтъ Дембиной и Самолазами. Неужели же вамъ не жалко будетъ той земли, на которой вы родились, тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили родители и дѣды, наконецъ, продавать и ихъ гроба?

— Я не пускаюсь въ сентиментализмъ,—отвѣчалъ Любичъ.—Я отецъ семейства,—надо оставить что-нибудь дѣтямъ, да и я самъ лично предпочитаю имѣть 100 талеровъ чистыхъ, чѣмъ 200 невѣрныхъ. Я хотѣлъ продать своимъ единоплеменникамъ,—никто не даетъ порядочной цѣны. Дембина и Самолазы стоятъ по крайней мѣрѣ 300 тысячъ талеровъ.

Плеве началъ качать головой, а Золингеръ разсмѣялся вслухъ.

— Казна не собирается переплачивать,—замѣтилъ онъ.

— Да вѣдь у меня на нихъ долга 200 тысячъ,—подхватилъ Любичъ,—а должно и у меня остаться хоть 100. Желаетъ казна пріобрѣсти ихъ и поддержать хорошій примѣръ,—пусть заплатитъ триста. Что это для нея значить?

Онъ всталъ и началъ прохаживаться.

— Я первый, который самъ предлагаетъ имѣніе, — прибавилъ онъ, — но я переселюсь отсюда. Жена поплачетъ немножко, но я не желаю обращать вниманія на бабьи слезы.

Краснорѣчіе Любича, рисовавшее тревожное настроеніе его души, цинизмъ, съ какимъ онъ выражался, взгляды и сентенціи, которыя онъ провозглашалъ, рѣшительно ни въ комъ не нашли сочувствія. Всѣ отворачивались, никто его не слушалъ; онъ принужденъ былъ замолчать, но чело его наморщилось. Онъ подошелъ къ бильярду, какъ бы желая присоединиться къ игравшимъ на немъ двумъ молодымъ канцелярскимъ чиновникамъ, но и тутъ его приняли очень холодно. Ему оставался только одинъ Губа, къ которому онъ обратился, прося его подать закуску.

— Чего прикажете? — спросилъ хозяинъ безъ особеннаго желанія служить ему. — Не знаю, сумѣю ли угодить вамъ, такъ какъ вы любите хорошо покушать, а моя кухня не изысканна.

— Дай, что есть, размѣялся Любичъ, пріятно польщенный этимъ опасеніемъ Губы, — я знаю, что я не у Курнатовскаго и не буду особенно взыскателемъ; я голоденъ.

Любаховскій воспользовался этой минутой и приготовился къ отъѣзду. Дыдась, уже начинавшій беспокоиться, нѣсколько разъ заглядывалъ въ окно, да и лошади были уже заложены. Старикъ поклонился всѣмъ присутствовавшимъ и вышелъ. Любичъ, обиженный молчаніемъ, какимъ Любаховскій встрѣтилъ его, занялъ его мѣсто и сталъ смѣяться надъ нимъ.

— Этоть тоже, волей не волей, долженъ будетъ продать свою Любахувку, но кто-то нынче купить? Нѣмцу онъ не захочетъ продать. Какъ можно!! Счастье еще, что его зять занимаетъ такое высокое положеніе и не дастъ ему погибнуть. Будь на его мѣстѣ другой человѣкъ — онъ могъ бы быть теперь очень полезнымъ и для другихъ черезъ Треубернера. Приказалъ бы себѣ заплатить. Но это пуританинъ, господа, пуританинъ!

И Любичъ смѣялся, выпивая вторую рюмку водки.

Въ Любахувкѣ уже три дня господствовала тревога; эконожка, поѣхавшая по дѣламъ въ мѣстечко, вмѣсто того, чтобы вернуться, по обыкновенію, черезъ нѣсколько часовъ, отослала домой лошадей и на клочкѣ бумаги извѣстила мужа, что она должна ѣхать въ Жерновъ, гдѣ у нея были родные: двоюродные братья и сестры.

Ходзибуй, зная ея энергію и мужество, сначала былъ спокоенъ. Уже раньше ходили слухи, что ея дальнимъ родственникамъ, бѣднымъ людямъ, грозитъ изгнаніе, но не вѣрили этой дурной вѣсти. Теперь она, къ несчастію, подтверждалась. Крестя, выѣхавъ въ среду на нѣсколько часовъ, въ субботу еще не вернулась въ Любахувку.

Всѣ теперь убѣждались, какъ она была имъ нужна, до какой степени они чувствовали себя безпомощными безъ нея. Старикъ спрашивалъ объ ней почти каждый часъ. Жабская одну за другой посылала на фольварокъ дѣвушекъ—узнать не вернулась ли Крестя, потому что ей слышалось, что кто то подѣхалъ. Дыданъ ходилъ, кусая ногти, не въ состояніи ни минуты усидѣть въ избѣ, а въ голову ему приходили такія предположенія, что онъ готовъ былъ бросить все и бѣжать ей на помощь. Въ ужаснѣйшей тревогѣ проводилъ дни и ночи мужъ, вскакивая, выбѣгая, разсылая работниковъ, нанимая жидовъ и обѣщая имъ вознагражденіе, если принесутъ ему какое-нибудь извѣстіе о женѣ.

Между тѣмъ Крестина какъ въ воду канула.

Знали только, что, пріѣхавъ въ среду въ мѣстечко, она получила отъ сестры письмо съ нарочнымъ, что она и ея родные должны были быть выселены за границу съ первымъ транспортомъ. Крестя лучше всѣхъ знала ихъ положеніе. Всѣ были бѣдны и не имѣли ничего, кромѣ рабочихъ рукъ. Они служили работниками и работницами въ имѣніи графа Жарновскаго, но заработка ихъ съ трудомъ хватало на самое скромное содержаніе такой многочисленной семьи. Управляющій, человѣкъ жестокій, рѣзкій, сохранилъ еще въ памяти традиціи стараго времени, когда мужика не называли иначе, какъ хамъ.

Гораздо ранѣе того, какъ начали приводить въ исполненіе новый законъ и выселять пришельцевъ за границу, у графа

уже было сдѣлано распоряженіе, чтобы разсчитали тѣхъ, кто не принадлежалъ къ мѣстному населенію, и немедленно прогнали ихъ. Графъ ничего и слышать о нихъ не хотѣлъ.

Сожалѣнія, снисхожденія, помощи нельзя было и ожидать. Крестя все, что только имѣла и что только могла вырвать изъ-рта у себя самой и у мужа, — посылала имъ. Только ею они и жили. Но въ Любахувкѣ и прежде-то нечѣмъ было дѣлиться, а тѣмъ болѣе теперь. Крестя продавала платья, перины, пухъ — однимъ словомъ, все, что только у нее было.

Эти двѣ двоюродныя сестры повыходили замужъ за работниковъ, пришедшихъ изъ королевства и, что еще хуже, бѣжавшихъ отъ воинской повинности. У одной изъ нихъ было двое болѣзненныхъ, хворыхъ дѣтей, у другой — трое. Братья, также женатые, съ маленькими дѣтьми, изъ которыхъ старшему было лѣтъ девять, очутились въ такомъ же положеніи.

Можно себѣ представить тревогу бѣдной Кристины, когда, будучи въ мѣстечкѣ, она получила отъ сестры извѣстіе, что той, со дня на день, грозитъ изгнаніе.

Посланный прибавлялъ, что у нихъ не было ни куска хлѣба, ни гроша денегъ на дорогу; что двое дѣтей были больны, а у одного брата была повреждена топоромъ нога, которая не давала ему ходить.

Крестя болѣзненнымъ крикомъ встрѣтила это извѣстіе. Прежде всего, она мысленно сосчитала свои капиталы, что она могла продать изъ своихъ вещей, что признать — и съ ужасомъ увидала, какъ эта сумма была ничтожна, въ сравненіи съ такими тяжелыми нуждами.

Губа, видя ее въ отчаяніи, въ слезахъ, предложилъ одолжить ей ~~бѣднарию~~ карокъ. Болѣе онъ не могъ. Въ Любахувку не стоило возвращаться. Ни у нее, ни у мужа не было ничего. За послѣдніе мѣсяцы исчерпались всѣ средства, всѣ запасы.

Узнавъ случайно о положеніи бѣдной жепщины, Ридель сейчасъ же прибѣжалъ къ Губѣ, предлагая свою помощь, но хозяинъ зналъ заранѣе, что деньги эти не могли быть приняты. Поэтому онъ совралъ, что все уже уладилось.

Крестя, не глядя ни на что, слушаясь только своего сердца, которое влекло ее къ этимъ несчастнымъ, нанявши при помощи Губы, подводу, отправилась въ Жарновъ.

Здѣсь, по приказанію графа, всѣ избы были уже очищены отъ бѣдняковъ; осужденныхъ на изгнаніе.

Не было никого. Растворенныя двери и окна, потухшіе очаги, остатки сора — свидѣтельствовали только, что здѣсь прошла мстительная рука судьбы.

Всѣ изгнанники были уже на границѣ, подъ конвоемъ, ожидая новыхъ партій несчастныхъ. Крестя должна была торопиться, чтобы еще застать ихъ тамъ.

Да они и не могли бы дольше оставаться здѣсь; такъ какъ знакомый писарь предупредилъ ее, что было отдано приказаніе не принимать и не позволять никому останавливаться, кто будетъ спрашивать изгнанниковъ. Графу казалось, что пребываніе такихъ людей въ его имѣніи компрометировало его, что его могутъ заподозрить въ покровительствѣ несчастнымъ, въ агитаціи, колонизаціи... однимъ словомъ, въ дѣйствіяхъ, противныхъ германизаціи. Поэтому, приказано было уничтожать всѣ слѣды отъ этихъ несчастныхъ, о которыхъ не позволялось даже вспомнить. Графъ былъ въ такой тревогѣ, что даже, совершенно ни къ чему, написалъ президенту письмо, оправдываясь передъ нимъ, что онъ ничего не зналъ объ этихъ рабочихъ, сваливая всю вину на управляющаго.

Заплаканная, убитая горемъ, Крестя, мчалась днемъ и ночью къ границѣ, чтобы еще застать изгнанниковъ.

Разспрашивая въ каждой гостиницѣ, въ каждой придорожной корчмѣ, гдѣ приблизительно могли находиться изгнанники, экономка нѣсколько успокоилась, убѣдившись, что встрѣтитъ своихъ братьевъ и сестеръ еще до границы. Кромѣ того, это сопровождалось извѣстными формальностями, которыя нельзя было такъ скоро уладить.

Шли они безъ пищи, голодные, больные, имѣя въ душѣ отчаяніе и тоску изгнанія.

Послѣ долгаго осматриванія вокругъ, не увидить-ли ихъ, Крестя замѣтила передъ маленькой корчмой въ лѣсу таборъ, состоящій изъ нѣсколькихъ воевъ, запряженныхъ худыми лошадьми или тащимыхъ людьми; въ таборѣ этомъ, начиная

со стариковъ съ палками и кончая дѣтьми, всѣ возрасты имѣли своихъ представителей. Изъ этой молчаливой кучи, только часть которой могла помѣститься подъ кровлею корчмы, изрѣдка слышался плачь ребенка, стонъ больныхъ, жалобы женщинъ, ворчанье мужчинъ.

Зрѣлище было раздирающее. Блѣдныя, съ заплаканными глазами, угрюмыя лица, дышашія безсильной жаждой мести, другія уже отупѣвшія отъ чрезмѣрнаго страданія, сонныя. Даже стража, которая должна была сопровождать этихъ невольниковъ, казалось, страдала, вмѣстѣ съ ними, и отворачивалась отъ этого зрѣлища нужды, которой не могли ничѣмъ помочь. Передъ крестомъ, стоявшимъ у дороги, двѣ старыя женщины громко голосили и читали молитвы.

Нѣсколько пьяныхъ и только еще напивавшихся, громко проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ, своихъ преслѣдователей, принуждали солдатъ останавливать ихъ.

Крестя издали искала глазами своихъ. Это были единственные ея близкіе родственники по крови на землѣ, столь непохожіе на нее, какъ будто между ними и ею была цѣлая пропасть. Крестя изъ полевого бутона развилась въ красивый цвѣтокъ, а они и онѣ, заглушенные сорной травой, высохли на стеблѣ.

Двѣ двоюродныя сестры Кристи не имѣли ни ея красоты, ни ума. Это были существа, истощенныя своими дѣтьми — этимъ благословіемъ небесъ. Одна изъ нихъ держала у груди младенца, желтаго, худого, напрасно жавшаго своими худыми пальчиками грудь матери, которая не могла ему дать пищи. Вмѣсто молока, у нея текли слезы изъ глазъ и капали на плакавшаго ребенка.

Старшія дѣти съ крикомъ и плачемъ рвали одежду матерей, прося хлѣба, крича, что они голодны. Братья, одинъ изъ которыхъ съ больной ногой, прикрытый кафтаномъ, лежалъ на землѣ, съ трудомъ развязывали свои мѣшки, заключавшіе въ себѣ жалкіе запасы пищи.

Эта великая общая нужда, дѣлая однихъ эгоистами и жадными, прятавшими свои припасы, другимъ открывали сердца. Дѣлились всѣмъ, послѣднимъ кускомъ, не думая о завтрашнемъ днѣ.

Нѣкоторые, со стоическимъ хладнокровіемъ, смѣялись надъ нуждой. Послѣдній грошъ должны были нести мужчины и даже женщины въ корчму, чтобы оживить себя и разогрѣть каплей купленнаго тамъ яда. Неосторожныя матери, встревоженные, смачивали водкой высохшія уста дѣтей.

Долго стояла Кристина, со взорами, устремленными на эту страшную картину человѣческаго несчастія, пока рѣшилась, наконецъ, подойти къ своимъ.

Они принадлежали къ числу самыхъ бѣдныхъ, такъ какъ и здѣсь были различныя степени бѣдности. Нѣкоторыхъ катастрофа захватила съ запасами... здоровыхъ и сильныхъ, — и эти старались ободрить другихъ.

— Ну, не отчаивайтесь, — говорилъ пожилой мужчина, доставая изъ мѣшка хлѣбъ и кусокъ солонины. — Ничего не дѣлается безъ воли Божіей, какъ говорить ксендзъ; — волосъ не упадетъ съ головы.

Крестя, видя, какъ стоявшая на колѣняхъ сестра ея пеленала ребенка и отъ ослабленія чуть не падала сама, — подбѣжала, наконецъ, къ кучкѣ своихъ, которые еще не видали ея.

— Салюся моя! — вскричала она, бросаясь на шею одной изъ сестеръ, — гдѣ Ягнешка? гдѣ твой Павелъ?

— Иисусе Христе! Да, вѣдь, это Кристина! — закричала обрадованная Салюся. — О, Боже! ты услышалъ насъ! Мы тебя ночью, сквозь сонъ, звали на помощь, потому что ты одна могла помнить о насъ и спасти насъ.

И женщина начала громко звать мужа и сестру:

— Ягня! Павелъ! Куда вы дѣлись?.. Вотъ и Кристина наша!

Встрѣча была трогательная, слезная: цѣловались, обнимались. Кристина поочередно здоровалась съ дѣтьми и старшими.

— Какъ-же это вы могли подумать, что я забуду о васъ? — говорила она. — Какъ только я узнала о вашей бѣдѣ, сейчасъ-же собрала все, что было, и погналась за вами. Павелъ! иди къ возу, возьми мѣшокъ, тамъ есть ѣда; надо сварить дѣтямъ чего-нибудь теплаго.

Но не было мѣста, гдѣ-бы можно было развести огонь, да

и нечѣмъ было. Въ такой тѣснотѣ каждый съ бою беретъ свое мѣсто: толкали другъ друга. Пришедшій изъ корчмы, заявилъ, что тамъ невысимо было поставить горшокъ къ огню.

Кристина прерывала, повторяя:

— Я заплачу; принесите хворосту; есть-же, вѣдь, какойнибудь горшокъ?

Но женщины, уста которыхъ были полны упрековъ и жалобъ, не хотѣли ѣсть. Онѣ плакали, опершись на руки.

Одной пришлось оставить на корню лѣнъ, котораго ей не удалось собрать—никто гроша не хотѣлъ дать за него.

Мужчины жаловались, что ихъ обсчитали при послѣднемъ разсчетѣ. Не скоро еще, когда все это уже исчерпалось, Кристина начала утѣшать ихъ и, вынувъ всѣ свои запасы, стала дѣлить ихъ. Ей цѣловали руки.

— Не можетъ быть, — вскричалъ Павелъ, поднимаясь съ земли, — чтобы Господь не услышалъ нашихъ стонѣвъ и не послалъ на нихъ наказаніе. Куда мы дѣнемся?! Мы погибнемъ съ голода.

— Не бойтесь, — отвѣчала Крестя, — вѣрьте мнѣ: люди имѣютъ сердце—о васъ думаютъ, совѣтуются найдутъ мѣсто и работу. Для васъ собираютъ деньги.. не покинуть васъ...

— Ну, ну, — проговорилъ старшій братъ, — это такъ только говорится, а гдѣ у нихъ хватить на всѣхъ. Вѣдь, говорятъ, что всѣхъ хотять выгонять, кто только говорить по-польски, а такихъ много.

Экономка объясняла имъ, что теперь пока изгоняли только тѣхъ, кто пришелъ изъ-заграницы.

— Когда это было, — отвѣчалъ Павелъ — я былъ еще ребенкомъ и ничего не помню.

Крестя занялась сама дѣлежомъ привезенныхъ булокъ, сыра, холоднаго мяса, когда послышался шумъ и, среди толпы, показалась черная фигура. Это шелъ, опираясь на палку, старичекъ ксендзь, а съ нимъ органистъ и мальчикъ съ корзиной, раздавая по дорогѣ булочки и крендельки дѣтямъ, хлѣбъ взрослымъ, крестя ихъ святымъ крестомъ и придавая имъ бодрости, чтобы они не сомнѣвались въ Божьей опеѣ. Солдаты отворачивались, пропуская его, равно какъ и другихъ, кто спѣшилъ сюда, съ помощью и милосердіемъ. Голодъ и

жажду можно было утолить, но залѣчить сердечныя раны, — не могло даже слово Божіе. Бѣдняки стонали.

Было также нѣсколько тяжко больныхъ, которые уже не могли тащиться далѣе; просьбами женщинъ, вмѣшательствомъ всендза, добились у начальника отряда, который велъ ихъ къ границѣ, чтобы тотъ согласился остановиться здѣсь на ночлегъ. Кристина побѣждала скорѣе нанять за деньги для своихъ особенное помѣщеніе въ пустомъ хлѣвѣ. Туда снесли всѣ узелки, перетасили дѣтей; нашлась пара сноповъ соломы; экономка сама приготовила ужинъ. Но гораздо больше, чѣмъ этимъ ужиномъ, накормила и насытила она добрымъ словомъ, шедшимъ изъ сердца.

До поздней ночи, уста не замыкались; только когда огарокъ свѣчки сталъ уже гаснуть, дѣти заснули крѣпкимъ сномъ, старшіе тоже, сами не зная какъ, закрыли глаза и отъ утомленія погрузились въ глубокій сонъ.

Крестя, прислонившись къ стѣнѣ, завернувшись въ платокъ, тоже закрыла глаза, но просыпалась каждую минуту, чтобы наблюдать за несчастными.

Только что она закрывала глаза, какъ ее будило безпокойство, тревога; ей казалось, что грозитъ какая-то опасность... что можетъ быть куда нибудь упала искра... что ночью ихъ могутъ убить... Нѣсколько разъ также ее будили своимъ крикомъ другія женщины, просыпаясь и не узнавая въ страшной темнотѣ, гдѣ онѣ и что съ ними дѣлается.

Нѣкоторые уносились въ прошлое; имъ казалось, что они еще были въ спокойныхъ избахъ и что ихъ будили на работу. Женщины вскакивали разводить огонь, мужчины смотрѣли, не свѣтаетъ ли.

Издали слышно были въ этомъ таборѣ стоны сквозь сонъ, плачь, тревоги, оханье, крики и хрипъ въ изнуренныхъ грудяхъ. Крестинѣ ночь эта казалась цѣлымъ вѣкомъ. Наконецъ, она встала и первая пошла готовить.

Стража тоже торопила уже въ дальнѣйшій путь, и экономка, напоивъ своихъ, накормивъ, отдавъ имъ все, что у нея было, смѣшавъ свои слезы съ ихъ плачемъ, бросилась въ свою бричку, закрыла лицо и велѣла возвращаться домой. Милостивый сонъ сократилъ ей этотъ путь. Такъ она проѣхала и

черезъ мѣстечко; когда же ея телѣжка остановилась передъ домомъ, мужъ, выбѣжавъ къ ней навстрѣчу, долженъ былъ снести ее въ избу на рукахъ, до того ослабла она отъ усталости.

Въ головѣ ея эти пережитые въ горѣ часы оставили послѣ себя какъ бы выжженное пятно. Она не могла забыть, что видѣла зрѣлище величайшаго горя человѣка, гонимаго на подобіе звѣря своими-же братьями — людьми. Никогда не допускала она мысли, чтобы одна изъ этихъ кровавыхъ страницъ исторіи, изъ временъ варварства, воскресла и встала живой передъ ея глазами. Она думала, не вѣрила, протирала глаза.

Было ли это ужасное человѣчество тѣмъ, которое Христосъ возродилъ своимъ свѣтомъ, или тѣмъ, которое замыкалось въ тѣсномъ кружкѣ единоплеменниковъ, считая весь остальной свѣтъ варварами.

У бѣдной женщины голова шла кругомъ, ужасныя сомнѣнія давили грудь. Она хотѣла спрашивать всѣхъ, кого-бы ни встрѣтила, неужели свѣтъ такъ быстро перемѣнился, что то, что вчера было законнымъ, вдругъ стало незаконнымъ, милосердіе — грѣхомъ, сожалѣніе, сочувствіе — запрещеннымъ чувствомъ.

Въ Любахувкѣ, какъ только старый Любаховскій узналъ о ея возвращеніи, сейчасъ-же послалъ просить ее къ себѣ. Онъ догадывался и зналъ, гдѣ она была, но желалъ услышать страшную правду изъ ея устъ. вмѣсто измученной и больной жены, которую пришлось уложить въ постель, прибѣжалъ ея мужъ, со слезами описывая, въ какомъ положеніи она вернулась.

Старикъ, который уже нѣсколько дней не спалъ, молясь по цѣлымъ ночамъ, долженъ былъ употребить всю силу воли, чтобы побѣдить сомнѣніе, овладѣвшее имъ. Онъ приказалъ заботиться о больной, самъ вернулся къ молитвѣ.

Крестію испытанное ею горе и утомленіе только на минуту могли удержать отъ дѣятельныхъ занятій. Сдѣлавъ все, что только умѣла и могла для своей родни, она опять стала думать о старомъ баринѣ и объ остальныхъ обитателяхъ Любахувки. Изнуреніе вызвало продолжительный, мертвый сонъ,

но на другое утро уже никакая сила въ мірѣ не могла удержать ее въ постели. Она была необходима, такъ какъ всѣ потеряли головы или, сложа руки, ожидали неизбежнаго удара судьбы, приготовившись ко всему. Она уже видѣла, что большая часть изъ тѣхъ, на чью помощь могли рассчитывать изгнанники, боялись до нихъ дотронуться, чтобы самимъ не подвергнуться преслѣдованію. Ужасный, животный эгоизмъ отталкивалъ людей другъ отъ друга.

Встала она, несмотря на просьбы мужа, рано, и видя, что Любаховскій уже на ногахъ, поспѣшила къ нему. Сначала она хотѣла, жалѣя старика, смягчить видѣнныя ею страшныя картины: однако, пораздумавъ, она рѣшила, что теперь не время было врать, хотя бы даже жалѣючи. Старикъ встрѣтилъ ее со вздохомъ и тихо спросилъ:

— Говори, говори! что же дѣлается? что тамъ дѣлается?

Кристина скрестила руки; горе сдѣлало ее краснорѣчивой.

— Ахъ, баринъ! Я видѣла адъ на землѣ, — вскричала она. — Людей безъ всякой вины гонять, какъ скотъ, въ такое время. Человѣкъ, глядя на все это, теряетъ разсудокъ и хочетъ спросить въ костелѣ у распятаго Бога, что сдѣлалось съ Его евангельскимъ ученіемъ о любви и братствѣ? Простите; баринъ, что я, глупая, можетъ быть скажу глупость. Я слышала, какъ есендзъ говорилъ, что лютеране и кальвинисты слишкомъ много взяли у св. Павла, истолковывая его не такъ, какъ мы; но вѣдь этотъ св. Павелъ прежде всего проповѣдывалъ любовь! А гдѣ же она?

Старикъ приложилъ палецъ къ устамъ.

— Тсъ! — сказалъ онъ — тсъ!.. на землѣ по волѣ Божіей происходятъ такія дѣла, которыхъ мы не понимаемъ; поэтому печего намъ судить о нихъ. И ихъ жестокость, и наша мука, должно быть, были нужны, если Господь Богъ допустилъ ихъ.

— Ахъ, если-бы вы видѣли, баринъ, этихъ изгнанниковъ! — продолжала она. — Сердце у меня разрывалось на части. Я думала про себя: что намъ въ томъ, что ихъ умъ настроилъ желѣзныхъ дорогъ, зажегъ какой-то новый яркій свѣтъ, пустилъ голосъ по проволокамъ на другой конецъ свѣта, — если

сердце у нихъ зачерствѣло и изъ человѣка сдѣлалась какая-то безжалостная машина, когда тѣ, кто долженъ заботиться о примиреніи и согласіи, сами разжигаютъ ненависть и подстрекаютъ къ борьбѣ, истребленію.

Любаховскій вторично положилъ палецъ на уста.

— Что дѣлается въ мѣстечкѣ?—спросилъ онъ,—какъ тамъ настроены чиновники?

— Ни отъ кого нельзя ожидать снисхожденія, — отвѣчала Кристина. — Ландрать, говорятъ, былъ на дурномъ счету... его обвиняли въ излишней снисходительности, податливости; теперь, со страху, чтобы его не прогнали съ мѣста, онъ рветъ и мечется какъ бѣшеный, желая доказать свое усердіе, и клянется, что никому не окажетъ снисхожденія и выгонитъ вонъ до послѣдняго. Даже изъ чиновниковъ тѣ, которые были лучше и добрѣе, со страху стали теперь жестоки. Ни съ однимъ нельзя говорить... самые лучшіе заперлись, чтобы имъ не надѣдали просители. На помощь чиновникамъ выступаютъ цѣлыя толпы доносчиковъ, указывая, гдѣ скрывается кто-нибудь подозрительный, кто пришелецъ или родился отъ такого.

— Прекрасныхъ вещей можно ожидать, — тихо прибавилъ Любаховскій.

— Всѣ дрожатъ, — продолжала Кристина, — потому что достаточно не имѣть доказательствъ, что вы здѣсь родились, чтобы быть изгнаннымъ, достаточно быть полякомъ, ходить въ костель и говорить тѣмъ языкомъ, который они называютъ *verfluchter polnischer Kanderwälsch*.

Любаховскій сдѣлалъ ей знакъ, чтобы замолчала; онъ поныкъ головой.

— Судный день, — вырвалось изъ ея устъ.

Оба замолчали.

— Иди отдохни, — сказалъ старикъ спокойно. — Не отчаявайся. Пути Господни неповѣдимы... надо покориться... Кто знаетъ? Они дѣлаютъ для насъ еще дороже этотъ языкъ и націю, за которые мы страдаемъ; безъ этого мы были-бы гораздо равнодушнѣе ко всему этому... Иди отдохни.

— Некогда отдыхать, — прервала Кристина. — Мнѣ надо опять ѣхать въ мѣстечко, чтобы тамъ хоть разузнать, что насъ ожидаетъ.

— Тоже, что и другихъ, — сказалъ Любаховскій. — Что касается до меня, то я не надѣюсь, чтобы мнѣ позволили спокойно здѣсь остаться, но я приготовился ко всему.

Старикъ еще говорилъ, когда раздался стукъ экипажа, и изъ за плетня мелькнули двѣ головы, два знакомыя лица — Фрейера и Браузе.

Крестю покорило, когда она ихъ увидала, хотя она еще не допускала той мысли, чтобы они посмѣли заѣхать во дворъ; но телѣжка остановилась у воротъ, и оба сосѣда съ дерзкими лицами, хотя не безъ нѣкотораго опасенія оглядываясь вокругъ, ворвались во дворъ, направляясь прямо къ ожидавшему ихъ Любаховскому.

Видно было, что они чувствовали большой страхъ, но имѣли какую-то важную причину, чтобы поговорить лично съ паномъ Григоріемъ.

Фрейеръ шелъ впереди быстро, радуясь, что засталъ старика одного, такъ какъ Дыданъ и Ходзибуй были въ полѣ. Оба нѣмца рассчитывали на это.

Фрейеръ поклонился почти вѣжливо.

— Мы тутъ пришли къ вамъ сосѣдъ, — проговорилъ онъ — не со злымъ намѣреніемъ, но съ добрымъ словомъ. Вы знаете, что теперь происходитъ; вы не здѣшній: если вамъ до сихъ поръ еще не приказали очистить Любаховку, то все равно со дня на день бумага эта можетъ прійти, а Треубернеръ васъ не выручить. Это дудки! Долго ждалъ нашъ канцлеръ, чтобы вы перестали быть поляками. Сами виноваты, что онъ васъ выгоняетъ, потому одни мы, нѣмцы, должны здѣсь остаться. Мы съ Браузе пріѣхали, чтобы помочь вамъ. Разумѣется, вы должны распродать все, понятное дѣло; у поляковъ нѣтъ денегъ и они не заплатятъ вамъ такъ, какъ мы. Мы покупаемъ Любахувку.

Браузе, какъ эхо, повторилъ за нимъ нетерпѣливо:

— Мы съ Фрейеромъ покупаемъ Любахувку.

— Очень вамъ благодаренъ за ваши добрыя желанія относительно Любаховки, но я не получилъ приказанія оставить княжество и надѣюсь не получу, потому что я здѣсь родился, какъ указываетъ метрика.

Фрейеръ и Браузе, въ нѣмомъ изумленіи, переглянулись.

— Шутка шуткой, — отвѣчалъ Фрейеръ, — но вѣдь всѣмъ извѣстно, что вы когда-то откуда-то прибыли сюда, а о помѣщичьихъ правахъ вы не хлопотали.

— Да, но это нисколько не мѣшаетъ тому, — возразилъ Любоховскій, — чтобы я здѣсь родился, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ жилъ, а потомъ опять вернулся на родину.

— Вы шутите, — прервалъ Браузе.

Григорій указалъ на свои сѣдые волосы.

— Я никогда не шучу, — холодно сказалъ онъ.

Онъ приподнялъ шляпу и направился къ дому, и не думая приглашать ихъ съ собой.

Гости стояли въ смущеніи. Фрейеръ ужасно боялся, какъ-бы не явился Дыданъ; Браузе едва удалось его успокоить. Поэтому онъ молчалъ, но все-таки съ нѣкоторой тревогой оглядывался вокругъ.

Браузе громко закричалъ.

— Послушайте.

Панъ Григорій обернулся.

— Совѣтуемъ вамъ не упускать удобнаго случая. Мы хорошо вамъ заплатимъ, — прибавилъ Браузе.

— Если-бы даже вы мнѣ вдвоемъ давали миллионъ талеровъ, — сказалъ Любоховскій, — не продамъ вамъ земли нашей, тѣмъ болѣе, что ничто меня къ тому не принуждаетъ.

На этотъ разъ старикъ поспѣшно удалился, оставляя ихъ на дворѣ. Фрейеръ торопился съ отъѣздомъ. Браузе, все еще не вѣря, хотѣлъ попытать еще какіе-нибудь доводы, когда Крестя, присутствовавшая все время, обратилась къ нему:

— Старый нашъ баринъ не станетъ даже говорить объ этомъ: не ждите понапрасну.

— Пойдемъ, — тихо проговорилъ Фрейеръ. — Надо узнать, откуда взялась эта метрика, о существованіи которой никто до сихъ поръ не зналъ.

Волей неволей приходилось уходить, и Браузе, не отвѣтивъ ничего экономгѣ, проклиная подъ носъ всѣхъ и все, направился къ брчкѣ. Быстро сѣвъ въ нее, они приказали кучеру ѣхать въ уѣздный городокъ.

Всю дорогу они не могли переварить новости, услышанной изъ устъ пана Григорія. Браузе не вѣрилъ въ существованіе

какая-нибудь метрика, то она навѣрное подложна, потому что метрики, Фрейеръ утверждалъ, что если-бы даже и нашлась никто не слыхалъ, чтобы Любаховскій былъ родомъ изъ княжества, а родство его съ Яномъ Непомуцеиномъ еще ничего не доказывать.

Уже далго за полдень остановились они передъ Познанской гостиницей, но, войдя туда съ крикомъ и шумомъ, не нашли тамъ еще никого изъ административныхъ чиновъ городка. Пивной часъ еще не наступилъ.

Оба они знали польское происхожденіе Губы, но считали его уже онѣмечившимся, своимъ, потому что онъ отлично говорилъ по-нѣмцки и старался быть съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Фрейеръ приказалъ подать себѣ ветчины и колбасы, а Браузе потребовалъ пива.

Самъ Губа посѣвшилъ исполнить ихъ требованіе. Онъ желалъ теперь слѣдить за всѣмъ и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы подслушать и поразузнать, что происходитъ.

Браузе, беря изъ его руки кружку, на крышкѣ которой съ замѣчательной реальностью былъ изображенъ кривой Фридрихъ, — поднималъ на него свои взоры.

— Слыхали вы когда-нибудь о томъ, чтобы Любаховскій здѣсь родился?

Вопросъ захватилъ Губу врасплохъ, такъ что онъ принужденъ былъ долго молчать.

— Вы слышите? — повторилъ Браузе.

Губа уже успѣлъ обдумать свой отвѣтъ.

— Какое мнѣ дѣло до того, кто гдѣ родился? — отвѣчалъ онъ, — почему я знаю! —

— Но вѣдь ты же знаешь точно также, какъ и всѣ мы, что онъ притаился сюда изъ королевства?

— Я былъ еще очень молодымъ, когда это было, — отвѣчалъ Губа.

— А слыхалъ ты когда-нибудь, чтобы онъ былъ здѣшнимъ? — подхватилъ Фрейеръ.

— Никогда даже не сомнѣвался въ этомъ, — послѣ нѣкотораго раздумья отвѣчалъ Губа, — онъ больше 20 лѣтъ сидитъ здѣсь спокойно.

Браузе погрозилъ ему пальцемъ, а Губа, избѣгая дальнѣйшихъ разговоровъ, быстро удалился, какъ будто его позвали.

— Не можетъ этого быть, не можетъ быть!—воскликнулъ Браузе, ударяя кулакомъ по столу, —это ложь, обманъ, подлогъ: или зять приказалъ поддѣлать ему метрику, или онъ самъ себѣ ее сдѣлалъ. Это польская поддѣлка... У нихъ на все скоро находятъ документы; но гдѣ же эта метрика?

— Конечно, у пробоща,—сказалъ Фрейеръ, смѣясь.—Пробошъ съ нимъ—другъ и пріятель.

— А ксендзъ первый нашъ врагъ, — прибавилъ Браузе.

— Только теперь шутить нечего, —прервалъ Фрейеръ.—Тутъ и его превосходительство не поможетъ. Онъ долженъ уходить прочь отсюда, это самый опасный человѣкъ. Онъ помнитъ еще старыя времена, которыя были совсѣмъ другія.

Они покачали головой.

Фрейеръ задумчиво сталъ ѣсть и жадно запивать пивомъ, когда на порогѣ появился Ридель. Не обзаведясь еще домомъ, онъ обѣдалъ у Губы и проводилъ здѣсь большую часть свободного времени.

Фрейеръ и Браузе были мало съ нимъ знакомы, а первый изъ нихъ чувствовалъ даже къ нему уваженіе и страхъ, такъ какъ сознавалъ его превосходство надъ собой.

Браузе, болѣе смѣлый, задѣлывалъ всѣхъ и сейчасъ же завязалъ съ новопривывшимъ разговоръ на патріотическую тему. Но Ридель, выслушавъ его, только повелъ плечами, не удостоивъ даже своего отвѣта.

Фрейеръ толкнулъ друга локтемъ.

— Оставь, —прошепталъ онъ,—онъ не любитъ пускаться въ разсужденія съ людьми малознакомыми.

Дѣйствительно, Ридель, повертѣвшись въ бильярдной комнатѣ, направился прямо къ Губѣ, желая избѣжать дальнѣйшаго разговора съ людьми, къ которымъ чувствовалъ какое-то отвращеніе.

Послѣ Риделя явился Бауръ, но и съ нимъ Браузе тщетно старался завязать разговоръ. Бауръ отвѣтилъ ему довольно рѣзко и ушелъ.

Наконецъ, появился старый Плеве, съ которымъ они оба были въ лучшихъ отношеніяхъ. Браузе съ большей предупредительностью далъ ему мѣсто и вступилъ въ разговоръ, начиная прямо съ пана Григорія.

Плеве уже имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что оказалось, что Любаховскій былъ родомъ изъ княжества. Это нисколько его не удивило, да ему и дѣла никакого не было до этого. Когда Браузе высказалъ свои подозрѣнія, Плеве поморщился.

— Метрики поддѣлать нельзя, — сказалъ онъ серьезно. — Если бы такая вещь открылась, судъ приговорилъ бы къ очень строгому наказанію; никто на это не рѣшится, да къ тому же шнурованныя книги никому недоступны, кромѣ тѣхъ, кто стережетъ ихъ. Я ничего не знаю о метрикахъ; но если только она существуетъ, то выбей себѣ изъ головы, что она могла быть поддѣлана. Я не могу и не хочу ничего слышать о подобныхъ вещахъ.

Получивъ такой отпоръ, Браузе, проворчавъ что-то себѣ подъ носъ, замолчалъ и сѣлъ спокойно. Изъ всѣхъ, прибывшихъ потомъ, онъ также не нашелъ ни одного, кто-бы пожелалъ заинтересоваться метрикою и выслушивать его настойчивые доводы.

Наконецъ явилась мелкая сошка — канцелярскій чиновникъ Лоберъ, который усиленно старался какъ-нибудь воспользоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Окинувъ взоромъ все общество и боясь, какъ-бы его не подслушали, онъ кивнулъ Фрейеру и Браузе и повелъ ихъ пить пиво къ Зильберштейну, такъ какъ въ этой грязной конурѣ, за сквернымъ пивомъ, они свободнѣе могли поговорить.

Пока все это происходило въ мѣстечкѣ, панна Мина, которая имѣла достаточно основанія рассчитывать на Дыдана и, несомнѣнно, надѣялась выйти за него замужъ, приходила теперь въ отчаяніе, видя себя покинутой, забытой.

Она ломала себѣ голову, какимъ бы образомъ снова привлечь его. Фрейеръ, не обращая на нее вниманія, совершенно откровенно говорилъ съ женой и Браузе о всѣхъ своихъ планахъ. Мина слушала спокойно, изъ чего онъ могъ заключить, что она раздѣляетъ его убѣжденія, а о Дыданѣ и не думаетъ, убѣдившись, что ея браку съ нимъ не бывать.

Между тѣмъ Дыданъ поклялся себѣ прервать съ ней навсегда и никогда даже не встрѣчаться съ ней. Какъ прежде онъ

искалъ ее, пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поговорить наединѣ, такъ теперь избѣгалъ ея и сторонился. Нѣмку это приводило въ бѣшенство. Она рѣшила во что бы то ни стало поймать его, заставить объясниться и снова привлечь его къ себѣ. Фрейера она никогда не любила, теперь же, когда убѣдилась, что она служила ему только слѣпымъ орудіемъ для его низкихъ цѣлей, она просто ненавидѣла.

По прежнимъ своимъ свиданьямъ съ Дыданомъ, она помнила всѣ его пути, всѣ тропинки, и рѣшилась теперь воспользоваться этимъ.

Съ дерзостью и рѣшительностью, какія могутъ придать только обманутыя надежды, она вечеромъ того же дня, когда Фрейеръ и Браузе были въ городѣ, съ завязанной платкомъ головой, въ тепломъ полушубкѣ, поджидала невѣрнаго на той дорогѣ, по которой онъ долженъ былъ возвращаться съ поля.

Она такъ неожиданно выскочила ему навстрѣчу изъ своей засады, что лошадь чуть было не сбросила Дыдана, если бы тотъ не удержалъ ее своей сильной рукой. Мина, схвативъ его за полу кафтана, начала умоляющимъ голосомъ, со слезами такъ упрашивать, что онъ сжалился надъ ней, въ его душѣ проснулось къ ней какое-то чувство, котораго онъ никогда не анализировалъ и развитію котораго способствовали болѣе всего молодость и доброе сердце.

Онъ слѣзъ съ лошади, желая на этотъ разъ рѣшительно покончить всѣ отношенія съ ней, не оставивъ даже никакой надежды.

Мина сначала залилась слезами и стала осыпая его упреками, выставя на видъ свою любовь и его неблагодарность. Она увѣряла его, что готова на какія угодно жертвы для него, что готова сдѣлаться полькой и служить ему и его несчастнымъ братьямъ, участь которыхъ она согласна была раздѣлить.

Напрасно Дыданъ старался положить предѣлъ этому потоку словъ; долго не давала она ему сказать ни слова и въ концѣ концовъ возбудила въ немъ жалость.

Такимъ образомъ, Дыданъ уже съ нѣкоторымъ расположеніемъ къ ней сталъ оправдываться, сваливая все на Фрейера.

Говоря о немъ, онъ увлекся до того, что выдалъ свое желаніе отмстить ему за его низкую измѣну.

— Слушай-же, вскричала дѣвушка, хватаясь за послѣднее средство исправить зло. — Ты, можетъ быть, думаешь, что я стану его защищать, что я чувствую хоть каплю привязанности къ этому скупцу? Я его ненавижу такъ же, какъ и вы; я готова сдѣлать все, что только пожелаешь, все, что прикажешь. Пусть гибнетъ, пусть пропадаетъ.

Она сильно схватила его за руку.

— Ты не можешь отмстить ему, — вскричала она, — я заступлюсь за тебя и докажу тебѣ, что изъ любви къ тебѣ я готова на все. Увидишь!

Она проговорила это съ такой рѣшимостью, съ такой энергіей и такъ горячо, что Дыданъ даже испугался.

— Отмстить я сумѣю и самъ, — возразилъ онъ, — я ни въ чьей помощи не нуждаюсь.

— Нѣтъ, я отмщу за тебя! — вскричала Мина, — но тогда, когда это случится, помни, чѣмъ ты мнѣ будешь обязанъ и не покидай меня.

Стараясь ее успокоить, Дыданъ началъ говорить мягче, но дѣвушка не слухала его и все страстище повторяла:

— Я отмщу за тебя! Но помни!

Вся эта сцена разыгралась въ сумерки на дорогѣ, рѣдко посѣщаемой, но не совсѣмъ пустой. Стукъ колесъ, издавѣка достигшій до ихъ ушей, принудилъ Дыдана быстро вскочить на лошадь, вырвавшись отъ Мины, которая, уцѣпившись руками за сѣдло, все еще повторяла ему, что отмстить за него. Стукъ приближался и дѣвушка, повторивъ еще разъ свою клятву, наконецъ убѣжала, оставивъ Дыдана одного на дорогѣ. Онъ припоририлъ коня и быстро усекалъ. Мина побѣжала въ другую сторону.

Сначала сильно взволнованный, Дыданъ потомъ сталъ себя убѣждать, что все это не имѣло никакого значенія, что дѣвушка только пробовала снова привлечь его къ себѣ, что, быть можетъ, она даже любила его, но что изъ этого ничего не могло выйти. Онъ сожалѣлъ только, что съ самаго начала позволилъ нѣмкѣ такъ сблизиться съ собой.

Весь вечеръ прошелъ у него въ грустныхъ размышленіяхъ о послѣдствіяхъ, какія влечетъ за собой каждый необдуманный шагъ. Размышленія эти долго не давали ему уснуть. Было уже около полуночи, когда, наконецъ, утомленный, онъ отпра-

вился на покой. Молитвы онъ обыкновенно читалъ впотьмахъ и въ этотъ разъ читалъ ихъ по своему обыкновению, но, въ разсѣянности, начиналъ, прерывалъ и снова начиналъ, упрекая себя за разсѣянность, когда въ окно, черезъ которое доходило немножко свѣта со двора, онъ увидалъ какой-то странный блескъ. Въ испугѣ онъ подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ на небѣ что-то, какъ-бы зарево, которое росло на его глазахъ.

Какъ стоялъ, полураздѣтый, такъ и выбѣжалъ Дыданъ на дворъ.

Въ домѣ всѣ уже спали; оглянувшись, онъ увидалъ за строеніями, которыя стояли черными и молчаливыми, уже довольно широко разлившееся зарево пожара, которое росло такъ быстро, что прежде, чѣмъ онъ опомнился, весь дворъ былъ залитъ его блескомъ. Его охватила какая-то тревога, хотя онъ не могъ еще дать отчета, гдѣ свирѣствовалъ этотъ, невидимому, близкій пожаръ. Однако, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: въ той сторонѣ было только имѣніе Фрейера,

Дыданъ схватился за голову, вспомнивъ месть, о которой ему говорила Мина.

Онъ еще не успѣлъ обдумать, дѣйствительно-ли огонь былъ подложенъ сумасшедшей дѣвушкой, какъ со стороны барскаго дома послышался знакомый голосъ стараго Любаховскаго, стоявшаго уже на крыльцѣ.

Дыданъ подбѣжалъ къ нему.

— Фрейерувка горитъ, нѣтъ сомнѣнія, — вскричалъ старикъ.

— Да... можетъ быть, — запкаясь, отвѣчалъ Дыданъ, — но что намъ до этого? Довольно онъ намъ нагадилъ, это кара Божія.

— Не говори ерунды! — коротко и строго замѣтилъ старикъ. — Никогда не спрашивай, кого спасаешь, — друга или врага. По отношенію ко второму долгъ еще больше. Собирай людей, садитесь на лошадей и поѣзжайте, да поживѣе.

Дыданъ еще не трогался съ мѣста.

— Но, панъ, — возразилъ онъ, — что же мы будемъ помогать нѣмцу, когда онъ на каждомъ шагу насъ преслѣдуетъ?

Голосъ старика начиналъ становиться гнѣвнымъ:

— Ты хочешь, чтобы я самъ собралъ людей и повелъ ихъ? — строго замѣтилъ онъ. — Садись на лошадь, разбуди работниковъ, дай знать эконому, да живо.

Между тѣмъ зарево росло съ неслыханной быстротой и разливалось по небу. Изъ-за строеній видны были снопы искръ, взлетающихъ вверхъ. Издалека вѣтеръ доносилъ голоса тревоги.

Старый панъ зябъ, стоя на крыльцѣ, и громкимъ голосомъ торопилъ всѣхъ. Все живое поднялось на ноги.

— Фрейерувка горитъ!—повторяли не безъ нѣкотораго озлобленія, но приказанія были отданы, и послушный Дыданъ уже сидѣлъ на конѣ среди работниковъ.

Пожаръ распространялся съ такой быстрой, что помощь эта была уже почти бесполезна. Топотъ скачущихъ лошадей раздался по дорогѣ, и панъ Любаховскій одинъ остался на крыльцѣ.

Дыданъ мчался молча, присматриваясь теперь къ открывшемуся виду пожара, который, благодаря соломеннымъ крышамъ и старымъ деревяннымъ строеніямъ, охватилъ уже всѣ хозяйственные постройки.

Какъ разъ въ эту минуту на жиломъ домѣ, до сихъ поръ представлявшемся чернымъ на красномъ огненномъ фонѣ, загорѣлась крыша. Маленькая кучка людей въ полномъ отчаяніи, безсильно вертѣлась вокругъ, когда подоспѣлъ Дыданъ со своими людьми. По дорогѣ, видъ огня, какая-то жажда борьбы съ губительной стихіей, измѣнили его настроеніе. Онъ забылъ, что долженъ спасать Фрейерувку, онъ видѣлъ только, что ему предстоитъ сдѣлать честное дѣло. Его работники и онъ самъ сейчасъ же бросились разбирать горящія постройки, чтобы отдѣлать огонь отъ уцѣлѣвшихъ; начали обливать стѣны, ломать крыши, словомъ,—Дыданъ принесъ съ собой спасеніе, и прежде чѣмъ растерявшійся отъ отчаянія нѣмецъ пришелъ въ себя и замѣтилъ, что случилось, кто явился къ нему на помощь,—слѣды этой помощи были очевидны.

Фрейеръ какъ-бы остолебенѣлъ, казалось, онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Немножко подальше, стоящая на землѣ на колѣняхъ возлѣ старой Фрейерши, Мина глядѣла на суетящагося Дыдана, не понимая, какъ могъ онъ явиться на помощь тому, которому такъ страстно желалъ отомстить.

Прибывшіе работники вмѣстѣ съ мѣстными такъ ловко и удачно принялись за дѣло, что меньше, чѣмъ черезъ часъ, можно уже было считать пожаръ совершенно погашеннымъ.

Правда, остатки стѣнъ, балокъ, крышъ, еще горѣли, но отдѣленные отъ строеній, бывшихъ уже внѣ опасности. Дыданъ, приведя все въ порядокъ, разставивъ стражу, сдѣлавъ распоряженія, куда еще надо носить воду и поливать, почти не глядя на Фрейера, къ которому онъ не хотѣлъ подходить, приказалъ подать себѣ коня и собирался ѣхать. Никто не смѣлъ приблизиться къ нему съ благодарностью, да и онъ ни къ кому не приближался. Издали онъ увидѣлъ Мину, которая устремила на него взоръ, полный страха, но онъ дѣлалъ видъ, что не знаетъ ни ея, ни кого вообще. Фрейеръ не смѣлъ къ нему приблизиться; Мина, которую толкали и просили, отбѣжалась наотрѣзъ, и сама Фрейерша, хотя и неохотно, пошла благодарить уже сидѣвшаго на лошади Дыдана. Дыданъ, которому она была совершенно мало знакома, кивнулъ только головой, махнулъ рукой и позвалъ людей, которымъ только что хотѣли вынести водки. Одинъ изъ работниковъ, Флорекъ, который любилъ выпить, хотѣлъ было обратить вниманіе предводителя на это обстоятельство, но Дыданъ выругалъ его и прибавилъ:

— На коней! Мы не нуждаемся въ ихъ угощеніи.

Послушные работники вскочили на коней и помчались за Дыданомъ, весело болтая и шутя. Уже становился ясный день и на блѣдномъ фонѣ ранняго утренняго неба видѣлись только клубы разстилавшагося по землѣ дыма, когда они вернулись домой, и Дыданъ пошелъ доложить старику, что они спасли, что могли и что имъ удалось спасти почти всѣ запасы хлѣба. Любаховскій даже не спросилъ о Фрейерѣ.

— Слава Богу!—сказалъ онъ и вошелъ въ домъ.

Браузе, который не скоро еще явился на помощь своему ближайшему сосѣду съ горстью лѣнливыхъ и нерасторопныхъ слугъ, встрѣтился на пожарѣ съ Дыданомъ, сталъ было распоряжаться, но убѣдившись, что никто его не слушаетъ, отошелъ въ сторону и сталъ успокаивать плакавшаго Фрейера.

Видъ людей, присланныхъ Любаховскимъ, произвелъ на него, какъ и на Фрейера, удручающее впечатлѣніе. Онъ предпочелъ бы, пожалуй, чтобы все сгорѣло, чѣмъ чтобы полякъ, этотъ ненавистный сосѣдъ, незванный, непрошенный явился на помощь и оказался такимъ великодушнымъ и благороднымъ.

Послѣ отъѣзда Дыдана, два сосѣда сошлись.

— Ну, что ты мнѣ скажешь на то, что старикъ прислалъ мнѣ людей на помощь?—пробормоталъ Фрейеръ.

— Будь увѣренъ, что это не ради тебя,—отвѣчалъ Браузе,—они хотятъ выставить себя такими евангельски безгрѣшными. Они будутъ хвалиться этимъ. Имъ это нужно для чего то. Будутъ потомъ трубить въ газетахъ, что мы злодѣи, а они святые люди. Я предпочелъ бы, чтобы они подожгли.

Онъ махнулъ рукой.

— Но съ чего же это у тебя пожаръ?—спросилъ онъ.

— Не знаю, никто не можетъ сказать отчего,—отвѣчалъ Фрейеръ.—Никого въ этихъ строеніяхъ не было. У меня людямъ запрещено курить, да никто изъ нихъ и не показывался тамъ.

— Можетъ быть, они нарочно подожгли, чтобы потомъ спасать! — прервалъ Браузе и посмотрѣлъ на молчавшаго Фрейера, который ничего не отвѣчалъ.

Догадки о возникновеніи пожара были самыя разнообразныя. Нѣмецъ предполагалъ какую-нибудь месть и вспоминалъ, кого онъ обидѣлъ послѣдняго. Впрочемъ, его гораздо болѣе интересовала теперь страховка, по возможности высокая оцѣнка сгорѣвшаго имущества и то, сколько онъ могъ при этомъ нажить, чѣмъ самая причина пожара. Черезъ нѣсколько часовъ мучительной болтовни, разспросовъ слѣдствія, Фрейеръ, даже не ложась спать, приказалъ запрягать, чтобы ѣхать въ мѣстечко и немедленно начать хлопоты о вознагражденіи за понесенные убытки.

Онъ уже собирался садиться въ бричку, когда блѣдная, съ заплаканными глазами, съ трагическимъ выраженіемъ на лицѣ, вышла изъ боковой комнаты Мина. Отчаяніе, отражавшееся на ея лицѣ, поразило даже очень равнодушнаго Фрейера.

— Возьмите меня, пожалуйста, съ собой,—проговорила она.—Я чувствую себя нездоровой, испугалась. Я вамъ не нужна и хочу вернуться домой, въ Берлинъ.

Она говорила это дрожащимъ и встревоженнымъ голосомъ, но быстро и рѣшительно повторяя:

— Я должна ѣхать! Я должна ѣхать!

Когда же Фрейеръ задумался и долго не отвѣчалъ, она замѣтила нетерпѣливо:

— Отвезите меня, пожалуйста, на станцію, потому что... Я пойду пѣшкомъ!

— Но ты именно теперь нужнѣе всего теткѣ,— прервалъ Фрейеръ.— Больная, испуганная, она не имѣетъ никого возлѣ себя.

— Но я не могу, не могу,— вскричала Мина.— Довольно я сидѣла здѣсь. Я чувствую себя больной.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Фрейеръ только пожалъ плечами; эта настойчивость въ такую непріятную минуту огорчала его. Онъ сказалъ только холодно:

— Хочешь, такъ поѣзжай!

Мина исчезла и черезъ нѣсколько минутъ показалась въ дверяхъ съ маленькимъ узелкомъ, одѣтая по дорожному.

— Вещи мнѣ, пожалуйста, вышлите въ Берлинъ.

— А тетка?— спросила Фрейеръ.

— Я съ ней простилась,—прошептала Мина, которой, повидимому, очень хотѣлось поскорѣе уѣхать отсюда.

Фрейеръ, который дже и не разговаривалъ съ ней, погрузившись въ свои мысли, слышалъ только отъ времени до времени, какъ она плакала и разговаривала сама съ собой. Какъ только они остановились передъ гостиницей, Мина очень холодно и поспѣшно простилась съ дядей, повернулась и исчезла.

Въ мѣстечкѣ уже знали, что у Фрейера ночью былъ пожаръ; его обступили со всѣхъ сторонъ съ утѣшеніями и разсировами.

Золингеръ, который оказался здѣсь, извинялся, что не поспѣшилъ ему на помощь, такъ такъ не былъ въ то время дома.

— Навѣрное, у васъ не было достаточно рукъ для спасенія,—сказалъ онъ,— а изъ сосѣдей едва ли кто вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ.

— Я обязанъ,—забывшись, невольно признался нѣмецъ,— я обязанъ Любаховскому, что у меня отстояли хлѣбъ.

— Какимъ это образомъ?—спросилъ Плеве.

— Онъ прислалъ на помощь своихъ работниковъ и писаря,—отвѣчалъ Фрейеръ.

— Вот видите, — вскричал Золингеръ, — я всегда говорилъ вамъ, что это человѣкъ честный. Трудно нынче требовать отъ поляка, чтобы онъ любилъ насъ и помогалъ, а однако онъ...

Фрейеръ пробормоталъ что-то.

— И такихъ-то людей, — заключилъ Золингеръ, — мы изгоняемъ!..

Плеве наморщился.

— Не говорите этого: законъ твердъ, какъ сталь, одинаково для всѣхъ. Онъ можетъ быть самымъ лучшимъ человѣкомъ, — но онъ полякъ и не здѣшній.

— А я слышалъ, что нашлась метрика, доказывающая, что онъ родился въ Познани.

— Метрика! — проворчалъ молодой канцеляристъ, — что это за метрика! Книга обгорѣла, прошнурованна уже потому — она не имѣетъ никакого значенія.

Золингеръ возмущился.

— Не слѣдуетъ притѣснять его, — съ жаромъ прервалъ онъ. — Онъ старикъ... да и наконецъ, кто-бы могъ поддѣлать метрику? Зачѣмъ предполагать такія вещи!

— Не говорите этого, — вторично предостерегъ Плеве. — Законъ имѣетъ цѣлью избавиться отъ нерасположеннаго къ намъ народа. Мы должны объяснять его, какъ намъ нужно.

— Нѣтъ! нѣтъ! — вскричалъ Золингеръ, — такъ, какъ приказываетъ справедливость. Коль скоро есть метрика...

— Пускай его зять защищаетъ, — сказалъ Плеве, — это не наше дѣло.

— Но вѣдь онъ еще не получилъ приказанія оставить княжество, — вмѣшался Фрейеръ.

— Но сегодня его получить, — прибавилъ канцеляристъ со злобной усмѣшкой, — сегодня... Распоряженіе уже сдѣлано.

— А много ему дано времени? — съ любопытствомъ спросилъ Фрейеръ.

— Даже слишкомъ... двѣ недѣли, — отвѣчалъ канцеляристъ.

— Ого! — отозвался кто-то издалека.

— Имѣетъ время все распродать, — прибавилъ сосѣдъ, — но не имѣетъ на это желанія.

— Значить, зять нисколько не помогъ, — проговорилъ Золингеръ. — Жалко мнѣ очень этого человѣка.

Напрасно Фрейеръ заговаривалъ о своей бѣдѣ — судьба стараго Любаховскаго гораздо болѣе занимала всѣхъ. Отданное ему приказаніе имѣло большое значеніе. Если ужъ онъ не могъ быть спасеннымъ, то кому же надѣяться на большую снисходительность? Губа ходилъ, какъ убитый.

Уже смеркалось, а пивное собраніе въ Познанской гостиницѣ, вмѣсто того, чтобы рѣдѣть, все возрастало. Пожаръ во Фрейерувкѣ, приказъ, отданный Любаховскому, нѣсколько другихъ подобныхъ распоряженій, возбуждали любопытство.

Сначала высказывали сожалѣніе и сочувствіе, но потомъ всеобщее настроеніе умовъ приняло другое направленіе. Патриотизмъ, доказательствомъ котораго должно было быть безжалостное преслѣдованіе поляковъ, — все росъ и принималъ лихорадочный характеръ. Болѣе умѣренные не смѣли слова вымолвить, а остальные съ энтузіазмомъ произносили имя канцлера, превознося до небесъ его политику, предусмотрительную, зоркую, неумолимую и общающую блестящую будущность нѣмецкому народу.

Заставляли молчать тѣхъ, которые оказывались болѣе мягкими.

— До сихъ поръ мы были здѣсь только гостями, — говорила молодежь, — и должны были терпѣть возлѣ себя поляковъ съ равными правами; ихъ языкъ, ихъ чириканье, раздавались въ нашихъ школахъ... Мѣра терпѣнія наконецъ переполнилась...

Къ этимъ доводамъ, повторяемымъ стократно, съ прибавленіемъ, что законъ не долженъ имѣть жалости, присоединяли еще насмѣшки, циничныя шутки, сравнивающія поляковъ съ цыганами.

Можно себѣ представить, какой болью, какимъ горемъ наполняло все это сердце бѣдной Кристи, которая какъ разъ въ это время пріѣхала въ мѣстечко и, зайдя къ Губѣ, должна была выслушивать всѣ эти сарказмы и видѣть, что то, что вызывало на ея глазахъ слезы, нѣмцамъ доставляло величайшее удовольствіе.

Съ ужаснымъ хладнокровіемъ рассказывали о нуждѣ изгнанниковъ, о ихъ численности, о приготовленіяхъ къ очищенію этой земли и ея колонизаціи, о великомъ значеніи этого закона, который долженъ былъ нанести ударъ всему польскому въ этой несчастой польской провинціи.

Губа, который замѣтилъ Крестю и видѣлъ, какъ то, что она услышала, приковало ее къ мѣсту, боясь, какъ-бы она въ порывѣ отчаянія не сказала чего-нибудь раздражительнаго и опаснаго, — шепнулъ ей что-то на ухо и отвелъ къ дочери.

Крестя съ рыданіями бросилась на диванъ.

— Я пріѣхала въ отчаяніи, — проговорила она, — ища спасенія. Писарь привезъ сегодня Любаховскому приказъ, чтобы онъ не позже, какъ черезъ 2 недѣли, оставилъ этотъ край. Мы представили его метрику, ее приняли, но высказали сомнѣніе въ томъ, чтобы она могла быть принята за достовѣрный документъ.

— Что же дѣлаетъ старикъ?

— Молится и сидитъ спокойно; невозможно понять, что онъ думаетъ, — говорила Крестя. — Онъ беспокоится только о дочери и внукахъ, о которыхъ не имѣетъ никакихъ извѣстій. Три раза писалъ къ зятю — напрасно...

Отдохнувъ немножко, экономка поѣхала къ ксендзу.

Ксендзъ-деканъ былъ погруженъ въ чтеніе какой-то газеты и протиралъ себѣ глаза. Увидѣвъ вошедшую, онъ быстро всталъ и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Старикъ?.. Что дѣлаетъ вашъ старикъ? — спросилъ онъ. — Я смертельно за него боюсь. Говорили мнѣ, что онъ получилъ приказъ... Я представилъ метрику...

Тутъ ксендзъ понизилъ голосъ.

— Метрики не признаютъ, — прибавилъ онъ, — она не имѣетъ никакого значенія, подозрѣваютъ даже, что она поддѣльная... Но кто же бы посмѣлъ?..

Онъ поднялъ вверхъ руки.

— Великій Боже! — прибавилъ онъ, — до какого страшнаго времени мы дожили!..

— Но вѣдь метрика... — прервала Крестя.

— Метрика выписана изъ обгорѣвшей книги, — сказалъ деканъ. — Канелька доброй воли — и ее признали-бы законной: злоба и недоброжелательство могутъ ее откинуть. Просить — ничего не поможетъ. Что же будетъ съ Любаховкой?

— Бросимъ ее на волю Божию, на тѣхъ, кому можно будетъ здѣсь остаться, но ни мой мужъ, ни Дыданъ — не будутъ имѣть права жить здѣсь. Любаховскій готовъ ее продать, лишь-бы она перешла въ польскія руки.

Деканъ долго раздумываль.

— Любахувку онъ можетъ оставить дочери, — прошепталъ онъ.

— Но намъ не на что будетъ жить, — вздохнула Кристина. — Изъ княжеской семьи нѣтъ никого, кто-бы оказалъ покровительство старику. Куда мы дѣнемся? Что сдѣлаемъ съ собой? На дорогу даже не хватаетъ денегъ, а добыть не откуда.

Ксендзъ Романъ задумался; подошелъ къ окну и выглянулъ на дворъ, слегка освѣщенный блѣднымъ мѣсяцемъ.

— Я долженъ ѣхать къ старику, хотя не могу привезти ему никакого другого утѣшенія, кромѣ того, чтобы онъ покорился волѣ Божіей.

Онъ позвалъ мальчишку и приказалъ запрягать. Лошади и люди привыкли къ подобнымъ ночнымъ поѣздкамъ къ больнымъ и умирающимъ. Кристина осталась ночевать въ мѣстечкѣ, потому что должна была искать денегъ.

Меньше чѣмъ въ четверть часа старая бричка декана уже катилась въ сторону Любахувки. Когда ксендзъ пріѣхалъ и выскочилъ изъ нея, старикъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ улыбкой и сказалъ:

— Я чувствовалъ, что вы сегодня пріѣдете. Богъ вамъ заплатитъ. Душа моя нуждается въ поддержкѣ, которую вы несете. Ожидаемый приказъ пришелъ: я былъ и теперь готовъ къ всему, что будетъ угодно Господу Богу, но душа моя мрачна, какъ могила. Меня не страшитъ убожество, нужда, сиротство... Жаль мнѣ этого клочка земли, въ которомъ мнѣ такъ хотѣлось уложить свои кости; жаль мнѣ, что я поведу за собой на мученья и всѣхъ этихъ людей, дѣлвшихъ со мной и долю и недолю. Куда мы дѣнемся? Съ чѣмъ пойдемъ? Что будетъ съ этой бѣдной Любахувкой? Нѣмцы хотятъ ее купить... Изъ нашихъ не являлся никто... Я отдалъ бы дешево.

Онъ вздохнулъ.

— Я именно съ тѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ; вызовемъ сюда къ намъ Ороховскаго. У него лежатъ въ банкѣ деньги, Любахувка недалеко отъ его деревни.

— Ороховскій! Ороховскій! — вздохнулъ старикъ. — Онъ не разъ приходилъ мнѣ на мысль, но это человѣкъ черствый, безжалостный... Деньги для него составляютъ все.

— Попробуемъ,—прервалъ ксендзъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Григорій.

Стали совѣтоваться, что лучше: написать-ли Ороховскому или поѣхать къ нему. Ороховскій, не женатый, не молодой, пускался въ разныя спекуляціи съ землей, хлѣбомъ, торговалъ лошадьми, былъ въ компаніяхъ съ жидами. Рѣдко видѣли его гдѣ-либо, кромѣ ярмарокъ и аукціоновъ. Особенной сердечной добротой онъ не отличался.

Старый панъ Григорій не хотѣлъ ѣхать къ нему. Ксендзъ предложилъ свои услуги.

— Это ни къ чему не поведетъ, отецъ мой,—сказалъ Любоховскій.

— Поѣду,—прошенталъ ксендзъ,—утопающій за соломинку хватается.

Утромъ ксендзъ Романъ былъ уже въ дорогѣ. Въ двухъ миляхъ оттуда, въ лѣсу, стоялъ хуторокъ, въ которомъ жилъ Ороховскій. Ксендзъ засталъ его въ кожухѣ и шерстяной шапочкѣ на лысой головѣ, занятаго овечьими шкурками, которыя онъ покупалъ.

При видѣ этого гостя, заставлявшаго предполагать какую-нибудь просьбу о помощи, Ороховскій, крайне смущенный, вышелъ ему навстрѣчу, извиняясь, что ксендзъ застаётъ у него такой безпорядокъ.

— Мы люди простые, промышленные, объ эlegantности не заботимся,—сказалъ онъ,—ужъ вы извините; мы живемъ такъ со дня на день, рѣдко бываемъ дома.

Дѣйствительно, страшный безпорядокъ господствовалъ въ комнатахъ, заброшенныхъ разными вещами, смѣшанная вонь которыхъ дѣлала воздухъ невыносимымъ. Шкуры, деготь, мыло, бочки съ сельдами, сушеная рыба, сало,—все это, нагроможденное въ большія и малыя кучки по всѣмъ угламъ, издавало убійственную вонь.

Для ксендза съ трудомъ разыскали какое-то старое кресло. Ороховскій считался за очень набожнаго, онъ выказывалъ большое усердіе въ исполненіи религіозныхъ обязанностей и уваженіи къ духовнымъ; ксендзъ надѣялся, что его слова подѣйствуютъ на поляка.

— Дорогой мой Ороховскій,—проговорилъ онъ, садясь,—я пріѣхалъ къ тебѣ съ просьбой... Во имя Божіе я требую отъ тебя доброе дѣло, которое не разорить тебя.

Ороховскій всплеснулъ руками.

— Я готовъ, готовъ, отецъ мой,—воскликнулъ онъ,—но я бѣденъ, безъ гроша теперь... Все въ оборотѣ.

— Можно-ли такъ говорить?!—прервалъ ксендзъ Романъ.

Тотъ смѣшался.

— Люди безъ сердца и совѣсти выгоняютъ Любаховскаго, у него нѣтъ ни гроша за душой, надо продать Любахувку. Онъ продаетъ ее дешево, а ты долженъ купить.

— Я? Любахувку!—вскричалъ Ороховскій. —Да на что мнѣ она! Земля плохая, я ее знаю, пустырь, хозяйство запущено, луга залиты. Если бы онъ даже даромъ ее отдавалъ, я бы не взялъ.

Говоря это, онъ смотрѣлъ на ксендза и, прочитавъ что-то въ его лицѣ, закончилъ уже гораздо тише:

— Денегъ нѣтъ, не могу.

— Ты выступишь по частямъ. Земля не должна выйти изъ польскихъ рукъ, — говорилъ ксендзъ, — нѣмцы имѣютъ на нее виды.

— Знаю, знаю, Фрейеръ и Браузе, — прибавилъ Ороховскій и поцѣловалъ ксендза въ руку.

— Отчего-бы нѣмцамъ и не купить? — прибавилъ онъ. — Рано или поздно они насъ выживутъ отсюда, мы не удержимся! Пускай только хорошо платятъ.

— Любаховскій ни за что не продастъ имъ, — сказалъ ксендзъ Романъ.

— А я не куплю, — прошепталъ хозяинъ, покачивая головой.

Онъ вдругъ замолчалъ, подумалъ.

— Сколько же онъ хочетъ за эту Любахувку? — спросилъ онъ.

— Самъ оцѣни ее.

— Для меня она очень мало стоитъ.

— Говори, сколько?

Надо было видѣть, какъ, припертый къ стѣнѣ, Ороховскій потѣлъ, заикался, считалъ, находилъ все болѣе и болѣе недостатковъ въ несчастномъ хуторкѣ, дѣлавшихъ его ничего нестоящимъ клочкомъ земли.

Ксендзъ торопился.

— Ороховскій, — сказалъ онъ, — хоть разъ въ жизни покажи, что у тебя есть еще немножко сердца, Господь много грѣховъ проститъ тебѣ за это.

— Ну, покупаю, — послѣ нѣкотораго размышленія пробормоталъ Ороховскій, — покупаю.

— Одѣвайся и поѣзжай со мной.

— Теперь не могу, явлюсь черезъ часъ.

— Слово!

— Ей Богу — приѣду, — подтвердилъ спекуляторъ. — Слово сказано, а для меня слово свято.

Ксендзь, отказавшись даже отъ кофе и рюмки вина, всталъ и сейчасъ направился обратно въ Любахувку.

Долго ждали здѣсь Ороховскаго, а кто могъ-бы прослѣдить его шагъ за шагомъ, тотъ легко угадалъ-бы причину такой проволоочки. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ Браузе и просидѣлъ у него полчаса. Послали за Фрейеромъ, но не застали того дома. Браузе и Ороховскій долго шепотомъ совѣщались другъ съ другомъ, два раза Ороховскій порывался ѣхать, и каждый разъ его удерживали. Наконецъ, они, повидимому, поладили, подали другъ другу руки и шляхтичь, взобравшись на телѣжку, поспѣшилъ въ Любахувку.

Тутъ лежали уже разложенные на столѣ карты, планы, инвентари, документы, а грустный панъ Григорій сидѣлъ надъ ними понутивъ голову. Ксендзь не хотѣлъ его покидать и утѣшалъ его набожными словами.

Ороховскій началъ говорить, что готовъ услужить уважаемому сосѣду, прсраженному ударами судьбы, но взамѣнъ этого требовалъ справедливой и умѣренной оцѣнки.

Слабыя стороны были ему отлично извѣстны; онъ доказалъ это, не взглянувъ ни на карту, ни въ инвентарь, да притомъ, по его мнѣнію, имѣнія вообще упали въ цѣнѣ, такъ что — что же онъ могъ дать за Любахувку?

Послушать его — такъ казалось, что ему еще придется доплатить, лишь-бы только онъ согласился взять. Ксендзь остановилъ его.

Любаховскій несмѣло пробормоталъ весьма умѣренную цѣну. Ороховскій закричалъ.

Съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушалъ старикъ вторично все то, что выдумывалъ покупатель на его дорогое сокровище. Онъ еще уменьшилъ свои требованія, но и этого оказалось недостаточно.

Ксендзъ, потерявъ терпѣніе, хотѣлъ было уже прекратить всѣ переговоры, какъ вдругъ Ороховскій, поцѣловавъ его въ руку, согласился уплатить ту сумму, которую сначала призналъ невозможной. У него даже оказалось случайно при себѣ нѣсколько сотъ талеровъ, которые онъ и отдалъ, написавъ на скорую руку условіе.

Со слезами на глазахъ подписалъ его старый панъ Григорій, когда двери распахнулись, и дочь съ плачемъ бросилась къ нему въ объятія...

Трогательную картину представлялъ видъ этого старика, съ лицомъ яснымъ, но грустнымъ, какъ ночь, — склоненнаго надъ дочерью, возвращавшейся къ нему въ минуту скорби. Марыня, уже начинавшая сѣдѣть, ничего не говорила, слышны были только ея рыданія и тяжелое дыханіе отца.

Ксендзъ, какъ ни хотѣлъ ободрить ихъ словами утѣшенія, но не находилъ ихъ, не находилъ голоса въ груди: онъ сложилъ руки и сталъ молиться въ душѣ.

Ороховскій, не понимая сначала, что произошло, сильно смутился, осмотрѣлся, увидалъ, что никто не обращаетъ на него вниманія, и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Сейчасъ же за порогомъ человѣкъ этотъ, который, быть можетъ, никогда не былъ свидѣтелемъ подобной сцены, остановился, задумался, постоялъ нѣкоторое время, забывшись, гдѣ онъ и что дѣлаетъ, наконецъ, очнулся и тихо, медленнымъ шагомъ, въ раздумьи, направился къ своей брчкѣ.

Онъ имѣлъ полное право радоваться заключенной сдѣлкѣ, но этого не было на немъ замѣтно, скорѣе беспокойство и неловкость.

Нѣмая сцена отца съ дочерью продолжалась довольно долго. Наконецъ, Любоховскій вырвался изъ ея объятій. Въ блѣдное лицо и за минуту передъ тѣмъ совершенно почти безжизненное, вступила какая-то новая жизнь, глаза засверкали, уста задрожали, все лицо приняло выраженіе энергіи и силы.

— Довольно этихъ безсильныхъ слезъ! — вскричалъ онъ, — будемъ помнить, что мы дѣти тѣхъ отцовъ, которые съ большимъ геройствомъ переносили все: турецкую неволю, бунты и

рѣзню хлоповъ, ужасныя мученія, что мы дѣти земли, пропитанной кровью. Это былъ-бы слишкомъ большой триумфъ для безчеловѣчнаго преслѣдователя, если-бы онъ увидалъ въ глазахъ нашихъ слезы. Мужества, мужества!.. Я иду въ изгнаніе, гордясь тѣмъ, что попалъ въ число представителей того прошлаго, котораго и до сихъ поръ боятся непріатели, хотя теперь оно уже стало трупомъ, призракомъ. Марынка, будь спокойна... Смотри... Я готовъ идти даже пѣшкомъ.

Говоря это, старый Лобаховскій сталъ по-солдатски маршировать по комнатѣ.

— Да, я ничего, ничего! — прибавилъ онъ. — Даю тебѣ слово, что я даже радуюсь. Бѣдный народъ гонять, надо же и намъ раздѣлить съ нимъ ихъ участь; безъ этого они могли-бы подумать, что мы отдѣляемся отъ нихъ. Говорятъ, что въ народѣ охладѣло братство; не вѣрю, не можетъ этого быть, найдутся сердца, протянутся руки, откроются двери. Мы не погибнемъ.

Марынка слушала и съ удивленіемъ, съ восторгомъ смотрѣла на отца.

— А! цивилизованные варвары! — воскликнула она.

— Тсъ! — почти уже даже весело прервалъ ее оживившійся Любаховскій. — Не надо ни ругать, ни проклинать; они только орудіе въ рукѣ Господа. Намъ необходимо было страданіе... Я слышалъ, что нынѣшніе доктора поднимаютъ иногда унавія силы больного мышьякомъ. Такимъ же точно образомъ и Богъ даетъ намъ страданіе — мышьякъ, чтобы воскресить въ насъ исчерпанныя силы... Мы оживлены подъ ударами судьбы!

Старикъ, дѣйствительно, могъ служить самымъ лучшимъ примѣромъ дѣйствія на человѣка горя, какъ лѣкарства. За минуту передъ тѣмъ совершенно павшій духомъ, теперь онъ двигался, жилъ, помолодѣлъ.

— Но я тебя ни за что не покину, — прервала Марыня, — дорогой отецъ, я съ тобой, ни на шагъ не отойду отъ тебя.

— Это невозможно, — холодно отвѣчалъ Любаховскій, — ты имѣешь дѣтей, имѣешь извѣстныя обязанности по отношенію къ нимъ, и чѣмъ менѣе въ твоемъ духѣ они воспитаны, тѣмъ болѣе ты должна бодрствовать надъ ними! Ахъ, а мой славный, бѣдный Гриша? — Говори же, что съ нимъ? Его схватили здѣсь, что же его тамъ ожидало?

Мать оживилась при воспоминаніи о сынѣ.

— Его могло постичь дѣйствительно строгое наказаніе за бѣгство, — отвѣчала она, — но отецъ заступился за него, — такъ, по крайней мѣрѣ, я предполагаю; все наказаніе ограничилось тѣмъ, что его продержали подъ сравнительно легкимъ арестомъ. Бѣдный, какъ ему хотѣлось-бы вырваться изъ ихъ рукъ и прилетѣть сюда, но онъ не можетъ.

— И не долженъ, — вскричалъ старикъ, — я напишу ему, — онъ долженъ слушаться отца. За его любовь къ тебѣ и ко мнѣ я люблю его, люблю горячо, но, сохрани Богъ, подстрекать его къ бунту; онъ долженъ остаться...

— Дорогой отецъ, если бы ты зналъ, какое это мученье для него, — сказала Марія. — Я добилась позволенія видѣть его, конечно, при свидѣтеляхъ; офицеръ былъ такъ любезенъ, что оставилъ мать съ сыномъ почти совсѣмъ однихъ, такъ что отошелъ къ самымъ дверямъ. Гриша могъ откровенно рассказать мнѣ все, что съ нимъ произошло. Всѣ преслѣдуютъ его, какъ поляка, и во всей школѣ нѣтъ иного разговора, какъ объ этихъ «Polaken aus der Polakei, Polnische Wirthschaft», и вообще всего того, чѣмъ насъ доникаютъ нѣмцы. Гриша настолько уменъ, что не сердится на дураковъ; но то же самое, что происходитъ въ его школѣ, повторяется въ газетахъ, въ обществѣ, въ литературѣ... Слово «полякъ» стало для нихъ синонимомъ падшаго, оглупѣвшаго человѣка. Изъ парламента идетъ инициатива ненависти, объявленіе войны, подстрекательства; что же удивительнаго, что такой громкій голосъ будить всѣхъ!

— А твой мужъ? — чуть слышнымъ голосомъ спросилъ Любаховскій.

Лицо дочери покрылось румянцемъ.

— Мой мужъ, — отвѣчала она, съ тревогой поглядывая на Ксендза, который былъ молчаливымъ свидѣтелемъ всей этой сцены, — мой мужъ, я должна отдать въ этомъ справедливость, что онъ, по крайней мѣрѣ, ни однимъ словомъ не раздражаетъ меня, не подстрекаетъ, не вызываетъ. Онъ молчитъ; я знаю, что онъ страдаетъ, но навѣрное думаетъ то же, что и всѣ они, раздѣляетъ ихъ взгляды и убѣжденія и ничего не сдѣлаетъ для насъ. Онъ будетъ стараться удержать Гришу и передѣлать его на свой ладъ.

Старикъ больше ничего ужъ не спрашивалъ.

— Будь спокойна обо мнѣ, — прибавилъ онъ, — изгнаніе уже постановлено, рѣшено окончательно, — но у меня достаточно и мужества, и силы. Я старался защитить свою случайно найденную метрику, о существованіи которой я самъ сначала ничего не зналъ, подлинность которой сомнительна для меня самого, — но, съ другой стороны, кто же и съ какой стати сталъ бы ее поддѣлывать? Метрику эту, подъ предлогомъ ея неформальности, откинули...

— Не знаю, кто-то, — прибавила дочь, — прислалъ съ нея копію моему мужу; мнѣ дали объ этомъ знать изъ его канцеляріи. Я почти увѣрена, что если бы только Робертъ пожелалъ заняться этимъ, поддержать ее, замолвить хоть одно слово въ твою пользу, — ты былъ-бы спасенъ. Я, такъ давно не выдавая его, даже не говорившая съ нимъ, превозмогла себя. Пошла къ нему, на колѣняхъ просила его за тебя. Онъ весь поблѣднѣлъ. Я думала, что мнѣ удастся тронуть его; онъ молчалъ, но, наконецъ, сказалъ своимъ рѣшительнымъ, холоднымъ, сухимъ тономъ, который я такъ хорошо знаю: „Не могу, не сдѣлаю ничего... Я не могу принести въ жертву твоему отцу всей моей будущности, будущности моихъ дѣтей. Если хочешь для него денежной помощи, я дамъ, сколько ты пожелаешь, приказывай“... Я закричала на него, что ты ничего не примешь...

— Ты знаешь меня, — сказалъ Любаховскій гордо. — Братскую помощь я могу принять, но милостыню отъ зятя, — никогда, никогда... Господь послалъ тебя сюда ко мнѣ въ рѣшительную минуту. Орховскій, котораго ты застала здѣсь, купилъ мою Любахувку... Отчего я не могъ оставить ее тебѣ?! Увы, у меня ничего нѣтъ, катастрофа эта застала меня врасплохъ, безъ гроша; мнѣ не на что было ѣхать и самому, и вытянуть отсюда всѣхъ этихъ бѣдняковъ, моихъ старыхъ слугъ... Орховскій обязался уплатить мнѣ впродолженіе нѣсколькихъ дней то небольшое, что ему еще осталось доплатить. Немного... но довольно, чтобы не умереть съ голода. Мнѣ легко будетъ найти аренду въ королевствѣ. Я очень радуюсь, что не продалъ нѣмцу, такъ что ты спокойно можешь оста-

Марынка покачала головой.

— Срокъ назначенъ, какъ и для другихъ, — проговорила она, — какъ для другихъ, такъ и для тебя его можно затянуть.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? — возразилъ Любаховскій. — Горькое лѣкарство надо глотать сразу. Откладываніе только продлило бы мученіе, и вмѣсто того, чтобы просить объ этомъ, ускорили бы лучше развязку. Ты видишь, что я силенъ, крѣпокъ, здоровъ и приготовленъ къ тому, что посылаетъ мнѣ Господь... Пусть Жабская укладывается; да пускай сдѣлаетъ для меня это одолженіе, чтобы какъ можно меньше брала съ собой узелковъ и тряпокъ.

Старый Григорій принудилъ даже себя улыбнуться, говоря это. Когда слезы навертывались ему на глаза, онъ притворялся веселымъ и шутилъ.

— Я слишкомъ долго засидѣлся на одномъ мѣстѣ, — началъ онъ, — такъ бы я и сгнилъ здѣсь, заплѣсневѣлъ; это случилось какъ разъ въ самую пору, это мнѣ здорово, ты увидишь сама... Движеніе, новыя занятія, все это молодить стариковъ, я даже ужъ теперь чувствую себя свѣжѣе, и вѣрь мнѣ, Марыня, что наша участь, моя участь въ тысячу разъ сноснѣе, чѣмъ многихъ другихъ.

Дочь слушала все это и молчала; когда же она отъ времени до времени говорила что-нибудь, то видно было, что половина ея мыслей летѣли подъ покинутую кровлю, къ дѣтямъ, а другая витала вокругъ ея достойнаго отца, показывающаго такой примѣръ геройства.

— Богъ немножко покаралъ меня, — говорилъ онъ ксендзу, — я слишкомъ привязался къ своей Любахувкѣ, а вѣдь все это, — мірская суета... Провелъ же я большую часть жизни, не имѣя ея, — и хорошо было, такъ и теперь сумѣю обойтись безъ нея, не надо баловать себя. Если бы даже и пожелали затянуть для меня срокъ, то я не могу принять этой милости, не могу и не хочу. Просить такихъ людей — это уже тяжелое испытаніе; принимать отъ нихъ что-либо — униженіе...

Ксендзь, слушавшій съ нѣмымъ изумленіемъ и восторгомъ, сталъ прощаться.

— Отецъ мой, — сказалъ старикъ, цѣлуя ему руку, — прошу васъ, подѣйствуйте на Марыню, чтобы она не настаивала со-

проводить меня,—при дѣтяхъ она гораздо нужнѣе. Тѣмъ болѣе, что Гриша нѣтъ, а я боюсь, какъ-бы отецъ насильно не отѣмечилъ его.

Марынка ничего не говорила, и это молчаніе больше всего тревожило старика, знавшаго характеръ дочери. Съ той же рѣшимостью и твердостью, съ какой она прежде выходила замужъ, переносила она теперь всѣ послѣдствія этого шага, всѣ удары судьбы, ей самой себѣ приготовленной.

Сейчасъ же послѣ отъѣзда ксендза, Любаховскій приказалъ позвать къ себѣ Дыдана и эконома.

Тѣ, хотя и ничего еще не знали, уже беспокоились насчетъ пріѣзда Ороховскаго. Вмѣстѣ съ Ходзибуемъ притащилась и исхудавшая, охрипшая, изнуренная Кристина.

— Господь Богъ помогаетъ намъ въ нашемъ горѣ,—очень спокойно началъ говорить Любаховскій. — Мнѣ удалось продать Любахувку и продать весьма недурно для такого времени...

— Не Ороховскому ли, избави Богъ?—прервалъ его Дыданъ.

— Отчего же, избави Богъ? — грозно сказалъ Любаховскій. — Что это значитъ?

— Ахъ!—вскричалъ Дыданъ,—иначе я и выразиться не могу! Вѣдь это лучший другъ Браузе и Фрейера, съ которымъ вмѣстѣ онъ обдѣлываетъ разные темныя дѣлишки. Если они согласился купить Любахувку, то ужъ, конечно, не для себя, а для нихъ..

Лицо старика омрачилось.

— Я не зналъ этого,—проговорилъ онъ. — Ксендзъ мнѣ рекомендовалъ его.

— Потому что это ханжа, но очень дурной, злой чловѣкъ,—прибавилъ Дыданъ.

— Уже сдѣлано!—вздохнулъ старикъ. — Я подписалъ купчую, взялъ задатокъ, отступить уже не могу. Побѣждай ты теперь, Дыданъ, въ городъ и постарайся продать все остальное: лошадей, упряжь, остатки хлѣба. И мнѣ, и вамъ нужны деньги, а я долго засиживаться не хочу... Сердце мякнетъ, надо его подкрѣпить.

Кристина стояла, опершись на руку, и поплакивала, но въ то же время беспокойный умъ ея работалъ.

— Баринъ, развѣ уже нѣтъ никакой надежды, развѣ же нельзя хоть попробовать... попросить? Пани Марыня могла бы написать къ графинѣ Ранцау, быть можетъ, похлопотала бы за васъ передъ отцомъ...

Старичекъ разсмѣялся.

— Ты наивна, дитя мое, — сказалъ онъ. — Политика не знаетъ чувства, не имѣетъ сердца. Подумайте и вы о томъ, чтобы сбыть все, что могло-бы обременить васъ въ дорогѣ. Я ужъ говорилъ твоему мужу, что я ему дарю изъ разныхъ вещей — пускай продаетъ. Дыданъ тоже.

Молодой парень молча поклонился.

— Э! что мнѣ тамъ! я не хочу думать о себѣ..

— Ну, такъ думай обо мнѣ, — отвѣчалъ старикъ, — потому что черезъ недѣлю я долженъ уѣхать. Отвѣта отъ тѣхъ, кому я писалъ, жду со дня на день. Изъ лошадей остается только гнидая четверка для моей рессорной брички, четыре темногнѣдыхъ подъ фургонъ, больше мнѣ не надо. Что останется изъ вещей непроданныхъ, раздайте бѣднымъ крестьянамъ.

Всѣ эти распоряженія и мельчайшія подробности, касающіяся приготовленій къ дорогѣ, старикъ отдавалъ съ такимъ присутствіемъ духа, съ такою твердою памятью и хладнокровіемъ, что дочь не могла ему надивиться.

Дѣйствительно, эта катастрофа произвела на него оживляющею дѣйствіе. Старикъ нарочно, чтобы не позволить себѣ задуматься и грустить, ходилъ, суетился, заглядывалъ въ каждый уголокъ, выбирая, что ему взять съ собой, что можно было сложить у ксендза, который отдалъ въ его распоряженіе пустой чуланъ, — что, наконецъ, онъ желалъ кому-нибудь подарить.

Одного изъ слугъ онъ постоянно имѣлъ при себѣ. Онъ возвращался въ домъ, чтобы не оставить дочку одну, опять уходилъ, даже ни на минуту не отдохнувъ до самаго вечера.

Отъ ксендза вѣсть о продажѣ Любахувки облетѣла сейчасъ-же всѣхъ сосѣдей, а такъ какъ старика всѣ уважали и любили, то стали являться знакомые, съ разспросами и сожалѣніями.

Марынка, между тѣмъ, взяла въ свое вѣдѣніе домовое хозяйство и ни на шагъ не отступала отъ отца. По всему, что она дѣлала, онъ ясно видѣлъ, что она упорствовала въ своей

мысли сопровождать его; онъ все время противился этому, но Марынка ничего не отвѣчала.

Между тѣмъ у Фрейера производилось слѣдствіе о причинѣ пожара, которое доказало, что тутъ несомнѣнно былъ поджогъ, но не могли найти даже слѣдовъ виновника.

Правда, посреди хлѣва, откуда показался огонь, нашли втоптаннй въ грязь носовой платокъ, который прачка признала за собственность Мины, но это ни къ чему не повело, потому что, кто-же осмѣлился-бы подозрѣвать ее?

Жена Фрейера, женщина подозрительная и нелюбившая Мины, шептала, что передъ пожаромъ слышала, какъ та быстро вышла и съ большой торопливостью вернулась, но Фрейеръ считалъ эти подозрѣнія смѣшными.

Между людьми ходили самыя странныя предположенія и догадки, а поспѣшный отъѣздъ нѣмки дѣлалъ ихъ до нѣкоторой степени вѣроятными, хотя, все-таки, загадочными.

Фрейеръ утѣшалъ себя тѣмъ, что ожидалъ себѣ солиднаго вознагражденія изъ страхового общества, надѣялся пополамъ съ Браузе купить у Ороховскаго Любахувку, а, главное, нѣмецкимъ триумфомъ въ этомъ княжествѣ, которое вскорѣ должно было совсѣмъ освободиться отъ поляковъ.

Вмѣстѣ съ поляками, исчезли звуки ненавистнаго Kanderwelsch'a, сеймъ, напоминающій республику, споры о языкѣ въ школахъ, польскіе депутаты въ парламентѣ, ненавистное духовенство и все, что еще напоминало здѣсь о Польшѣ.

Рѣдко, кто умѣетъ сохранить здравый умъ и сердце въ минуту побѣды, и мало есть народовъ, которыхъ-бы не опьяняло счастье.

Нѣмцы, съ далеко не цивилизованнымъ цинизмомъ, бѣсновались не только въ тѣхъ классахъ общества, дикости которыхъ нельзя и удивляться, но даже въ высшихъ сферахъ, въ сферахъ науки и высшей образованности.

Преслѣдуемымъ не оставалось ничего, какъ только смотрѣть, чтобы съ гордостью и достоинствомъ переносить не только физическіе притѣсненія, но и нравственныя обиды.

Просьбы о снисхожденіи вызывали насмѣшки. Непріязненное настроеніе противъ поляковъ было до такой степени повсемѣстно, что даже тѣ, которые имѣли съ своимъ сердцемъ другія чувства, должны были скрывать ихъ и молчать.

Золингеръ ночью пріѣхалъ къ старому Любаховскому, который, съ благодарностью, протянулъ ему руку.

Лицо нѣмца было омрачено чувствомъ стыда и боли. Любаховскій принималъ его какъ и прежде, благодаря за расположеніе.

— Вѣрите мнѣ, — проговорилъ Золингеръ, садясь, — что судьба ваша очень интересуетъ меня, очень больно затрагиваетъ меня, но невозможно противиться теченію... По моему, это политическая ошибка, долженствующая повлечь за собой плачевныя для насъ послѣдствія, не считая стыда; но какъ остановить человѣка, который напился?! По моему, постыдно не уметь привлечь къ себѣ людей, не уметь управлять ими и быть вынужденными избавляться отъ нихъ такъ, какъ французская революція, которая осуждала на смерть, потому что не могла сладить съ живыми. Это явный признакъ слабости; но теперь объ этомъ нельзя говорить.

Золингеръ пожалъ руку старика.

— Жаль мнѣ васъ, — продолжалъ онъ, — жаль мнѣ всѣхъ вашихъ, но намъ невозможно даже открыто выказать свое сочувствіе. Произволъ одного человѣка управляетъ толпой.

— Мнѣ жаль васъ, — возразилъ Любаховскій, — я предпочитаю быть осужденнымъ самому, чѣмъ осуждать другихъ. Когда вы остынете, вы должны будете стыдиться, что, называя себя такимъ великимъ народомъ, вы поступаете, какъ самые слабые и боязливые.

— Мало у насъ здѣсь земли! — вздохнулъ Золингеръ. — Борьба идетъ за землю. Голодъ страшный совѣтчикъ... Что-же вы думаете дѣлать съ собой?

— Я, — весело отвѣчалъ старикъ, — я возвращусь туда, откуда пріѣхалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ... къ своимъ. Тяжело это для меня, но мы научились страдать.

— А дочь? а внуки ваши?

У Любаховскаго потемнѣло въ глазахъ.

— Я оставляю ихъ здѣсь, — сказалъ старикъ. — Къ счастью, они могутъ остаться.

— Не смѣйтесь надо мной и не презирайте меня, — прибавилъ нѣмецъ, — что я пріѣхалъ къ вамъ ночью, какъ-бы стыдясь любви и уваженія, которыя я къ вамъ питаю. Въ дѣйствительности, я просто не хочу воевать съ этой толпой.

— Я понимаю ваше положеніе,—сказалъ Любаховскій,—если васъ спросятъ о мнѣніи, вы принуждены будете лгать и отрекаться отъ своихъ убѣжденій?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Золингеръ,—я буду молчать. Минуты безумія надо прожить подольше отъ него. Я собираюсь въ Австрію, тамъ настроеніе умовъ гораздо спокойнѣе. Печальныя времена настали, когда приходится уходить отъ террора опьянѣвшей толпы.

Любаховскій больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, а Золингеръ путался, повторялъ по нѣсколько разъ тоже самое, скорбѣлъ.

Наконецъ, они распростились, и хозяинъ, провожая гости до крыльца, обнялъ его, почти съ жалостію.

Дни летѣли быстро, приближался и назначенный для отъѣзда срокъ; но съ Ороховскимъ вышли затрудненія въ уплатѣ денегъ и пришлось продолжить срокъ.

Въ особенности раздражало Любаховскаго такое продолжительное пребываніе дочери, которую онъ непремѣнно хотѣлъ уговорить остаться при дѣтяхъ; но Марынка, не противясь ему, не говоря ни слова, не трогалась съ мѣста, упорно стояла на своемъ и, будучи совершенно готовой въ путь, все ждала.

Однажды вечеромъ, Любаховскій, измученный, пришелъ къ дочери, чтобы немножко отдохнуть, прося ее почитать ему, какъ вдругъ, какъ-то тревожно, таинственно, вошла панна Жабская и шепнула что-то на ухо Марынкѣ. Покраснѣвъ и смутившись, что не укрылось отъ глазъ отца, дочь вскочила съ кресла и попросила позволенія на минутку уйти. Жабская, которой онъ сдѣлалъ знакъ головой, осталась въ комнатѣ.

— Какую ты, тамъ, новость принесла Марынкѣ?—спросилъ старикъ.—Зачѣмъ это вы ее мучите?

— Но... ничего тамъ нѣтъ...,—живо заговорила старая дѣва,—это дѣла по хозяйству.

Любаховскому пришлось удовольствоваться этимъ; долго ждалъ онъ дочь, и скоро вернулась она на свое кресло, извиняясь передъ отцомъ.

— Напрасно чѣмъ-то тебя беспокоили,—промолвилъ панъ Григорій.—Тебѣ все надобѣдаютъ съ разными пустяками... Вѣдь ты у меня гостя... Что-же тамъ случилось?

Марынка покраснѣла.

— Я давала Жабской порученіе, — отвѣчала дочь, — но вышло иначе; не стоитъ говорить объ этомъ.

Старикъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь ужъ поздно читать, — сказалъ онъ. — Я не люблю отрывочнаго чтенія; оставимъ его. Иди, отдохни, я тоже прочту свои вечернія молитвы.

Они разошлись. Любаховскій, хотя вовсе не догадывался, что могло такъ интересоваться Марынку, замѣтилъ однако вечеромъ какую-то бѣготню, движеніе. Это продолжалось такъ долго, что наконецъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ Дыдана.

— Что у васъ тамъ такое? — спросилъ онъ. — Вы что-то отъ меня скрываете. Дочь нѣсколько разъ куда-то уходила... въ домъ кака-то бѣготня. Говори, что тамъ?

— Ничего нѣтъ, баринъ, — пробормоталъ Дыданъ, — по крайней мѣрѣ, я ничего не знаю.

— Ты? Чтобы ты чего-нибудь не зналъ въ домѣ? — разсмѣялся старикъ. — Не говори ерунды.

— Да когда же нѣтъ ничего, — подтвердилъ Дыданъ. — Развѣ можетъ быть какое-нибудь бабье дѣло! Вы вѣдь знаете, какъ Жабская умѣетъ изъ мухи слона дѣлать, изъ-за пустяковъ поднять шумъ и суматоху. Навѣрное, что-нибудь съ прислугой — у нея вѣдь всегда есть любимчики и враги... Дѣвки между собой разругались.

Любаховскій, видя, что и отъ него ничего не узнаешь, приказалъ ему идти спать. Самъ же, хотя уже легъ было, сейчасъ-же всталъ и началъ развѣдывать. Вскорѣ онъ еще болѣе укрѣпился въ убѣжденіи, что у дочери дѣйствительно было какое-то особенное дѣло. Къ ней то и дѣло приходили Жабская и кто-то еще, кого онъ не могъ разглядѣть ночью.

Онъ притаился на крыльцѣ. Сдержанный шопотъ доходилъ до него изъ корридора. Принесли что-то на подносѣ. Старикъ испугался, не больна ли дочь. Онъ постучался къ ней — двери были закрыты на ключъ изнутри. Онъ окликнулъ дочь — она отвѣчала, что уже лежитъ въ постели, что здорова и проситъ его также ложиться.

Бормоча себѣ что-то подъ носъ, все еще не довѣряя, старикъ потащился въ другой уголъ. Въ помещеніи Марынки ясно

слышался чей-то шепотъ. Далеко уже за полночь, ничего не разузнавши, мучимый догадками, Любаховскій долженъ былъ наконецъ, вернуться въ спальню и лечь, но уснулъ онъ только подъ утро.

Ему казалось, что въ домѣ, гдѣ обыкновенно царила тишина, вплоть до утра слышны были осторожные шаги, шепотъ, открываніе дверей, но онъ сказалъ себѣ, что навѣрное это ему послышалось. Утромъ онъ не нашелъ ничего новаго, все было въ порядкѣ, только на лицахъ прислуги и вообще всѣхъ окружающихъ онъ замѣтилъ какое-то безпокойство. Два или три раза онъ поймалъ Жабскую на мѣстѣ преступленія въ ту самую минуту, какъ она дѣлала какіе-то таинственные знаки Марынкѣ.

Вдругъ въ 10 часовъ, когда старикъ уже успокоился, на дворъ влетѣли двѣ брички. На обѣихъ сидѣли жандармы, которые и выскочили передъ крыльцомъ. Солдаты встали у дверей, никого не пропуская.

Любаховскій не понималъ, что это значило, и думалъ уже, что, должно быть, его насильно хотятъ переправить черезъ границу, когда въ комнату вошелъ его знакомый фельдфебель Мейнертъ.

Прежде съ этимъ Мейнертомъ, какъ говорится, можно было жить. Приглашаемые на помощь въ случаѣ контрабанды — здѣсь вообще часто появлялись жандармы — бывалъ и Мейнертъ. Подъ веселую руку и съ глазу на глазъ съ нимъ даже можно было разговаривать по-польски. Продолжительное пребываніе въ этомъ краѣ освоило его съ этимъ языкомъ.

Но прошло то время. Теперь онъ держалъ себя холодно и строго и дѣлалъ видъ, что никого не знаетъ. Войдя въ комнату, онъ даже не снялъ шапки и, не отвѣчая на вопросъ хозяина, рѣзко спросилъ: гдѣ находится дезертиръ Григорій Треубернеръ?

Старикъ перекрестился.

— Вѣдь вы же его ужъ схватили, — сказалъ онъ; — съ тѣхъ поръ я его не видалъ... ничего о немъ не знаю.

Мать, присутствовавшая при этой сценѣ, стояла молча. Фельдфебель обратился къ ней — она пожала плечами, утверждая, что ничего о немъ не знаетъ, такъ какъ уже нѣсколько дней живетъ сама въ деревнѣ.

Послѣ минутнаго раздумья, жандармъ счелъ необходимымъ предупредить стараго Любаховскаго, что за укрывательство дезертира назначено строгое наказаніе, что если кто знаетъ о его убѣжищѣ и не доносить, тотъ также подвергается отвѣтственности. Марышка стояла блѣдная, но спокойная на видъ.

Любаховскому сейчасъ же пришла на мысль ночная бѣготня; но онъ не выказалъ ни малѣйшей боязни.

Солдаты тотчасъ же начали производить на дворѣ тщательный обыскъ. Марышка то блѣднѣла, то краснѣла.

Осмотрѣли всѣ комнаты, углы, даже шкафы, взяли ключи отъ подваловъ, отъ чердаковъ, отъ разныхъ чуланчиковъ, а у остальныхъ построекъ разставили стражу. Изъ дома никого не выпускали, такъ что старую бабу, пришедшую изъ деревни и желавшую вернуться назадъ, задержали и перетрясли всѣ ея узелки, не отпуская до тѣхъ поръ, пока все не кончилось.

Дыдана арестовали и не позволяли ему двинуться съ мѣста.

Оставаясь наединѣ съ дочерью, старикъ съ нѣмымъ упрекомъ взглянулъ на нее, долго не смѣя промолвить ни слова. Только, когда жандармы ушли, онъ тихо проговорилъ:

— Былъ... ночью... я знаю... Что же вы съ нимъ сдѣлали?

— Я думаю, что теперь онъ уже въ безопасности.

— Ребенокъ съ ума сошелъ!—проворчалъ Любаховскій и поднималъ руки къ небу. Мать закрыла лицо руками.

Между тѣмъ, жандармы хозяйничали по всей Любахувкѣ, такъ тщательно и добросовѣстно исполняя возложенныя на нихъ обязанности, что пробовали даже палкой стогн съ сѣномъ, ища, не спрятался ли тамъ кто-нибудь.

Дыданъ обратился, наконецъ, съ одному знакомому солдату съ наивнымъ вопросомъ: кого они ищутъ? Разсерженный жандармъ, сначала выругавъ его, объяснивъ, наконецъ, что изъ Берлина пришелъ приказъ арестовать Григорія Треубернера.

— Признаться сказать,—возразилъ на это Дыданъ,—я не считаю нашего панича до такой степени ограниченнымъ, чтобы скрываться тамъ, гдѣ зналъ навѣрное, что его будутъ искать.

— Мы исполняемъ, что намъ приказано,—сказалъ солдатъ—а я вамъ скажу, что бѣглець всегда скрывается тамъ, гдѣ всего менѣе вѣроятности, что его будутъ искать, а именно—у васъ самихъ. Я готовъ присягнуть, что вы знаете, гдѣ онъ.

Дыданъ пожалъ плечами и ничего не отвѣчалъ.

Во все время обыска, старый Григорій не тронулся съ дивана, на которомъ сидѣлъ и, устремивъ взоръ въ полъ, тихо молился. Мать ходила отъ окна къ окну.

Часа два продолжался обыскъ, и наконецъ утомленный жандармъ, вытирая со лба потъ, долженъ былъ отдохнуть. Ему было приказано взять съ собой Любаховскаго и отвезти его въ мѣстечко, чтобы лишить его возможности содѣйствовать бѣгству внука. Однако, фельдфебеля удалось упросить и вмѣсто того, чтобы увозить хозяина, онъ согласился оставить въ Любахувкѣ двухъ жандармовъ, чему не были рады ни старикъ, ни его дочь.

Цѣлый день прошелъ съ этимъ обыскомъ, болтовней, совѣщаніями и только уже вечеромъ всѣ могли немного отдохнуть. Одна только Марынка не успокоилась и послѣ отъѣзда жандармовъ, сильно опечаленная оставленнымъ гарнизономъ. Любаховскій такъ былъ занятъ этимъ неожиданнымъ происшествіемъ, что совсѣмъ забылъ о самомъ дѣятельномъ существѣ—экономкѣ, которой не видно было во все время обыска. Онъ очень удивился этому обстоятельству.

— Господи!—воскликнулъ онъ,—да вѣдь мы были безъ нашей правой руки!.. Гдѣ же Крестя?

— Она еще вчера вечеромъ уѣхала по своимъ дѣламъ въ мѣстечко и до сихъ поръ не вернулась, но сейчасъ должна пріѣхать.

Позвали Ходзибуя, который также заявилъ, что жена его навѣрное вернется вечеромъ.

Дѣйствительно, черезъ часъ она пріѣхала и прямо приѣхала къ Марынкѣ. Лицо ея сіяло.

Марынка бросилась къ ней навстрѣчу.

— Нашъ паничъ,—закричала она еще съ порога,—уже въ безопасности... за границей... Будьте за него спокойны. Если выслѣдятъ, что онъ былъ здѣсь, я отвѣчаю за все, такъ какъ я его переправила черезъ границу. Мнѣ удалось даже достать ему паспортъ и я не уѣзжала до тѣхъ поръ, пока не помѣстила его въ мѣстечкѣ у человѣка, за котораго могу поручиться. Тамъ будетъ онъ ожидать насъ всѣхъ или вашихъ приказаній.

Марынка, не говоря ни слова, обнимала ее и на такой радости, желая что-нибудь подарить ей на память, быстро сняла съ руки браслеть и заставила Кристину принять этот подарок. Любаховскій благословил ее, торжествующую, и поцѣловалъ въ голову.

— Вотъ что значить женщина!..—проговорилъ онъ.—Мы необходимы для разговоровъ, совѣщаній, но только однѣ онѣ умѣютъ воспользоваться временемъ и во время взяться за дѣло.

—Что-же Гриша?—прервала мать.

— Приказывалъ поцѣловать вамъ ручки,—отвѣчала Кристина.—Онъ былъ неустрашимъ и такъ красиво выглядѣлъ въ хлопской сермягѣ, что хотъ картину пиши. Два раза мы встрѣчались съ жандармами.

Мать задрожала.

— Я слышала, что они здѣсь все перевернули вверхъ ногами—прибавила она,—мой мужъ даже не попробовалъ напoить ихъ. Говорить, что они не хотѣли пить. Конечно, если онъ подчивалъ ихъ обоихъ сразу: надо имъ было каждому наединѣ предложить шнапса. На ночь я имъ такого дамъ рому, что намъ всѣмъ можно будетъ спокойно спать. Паничу тамъ тоже послано въ теплой избѣ, такъ что онъ можетъ теперь выспаться за двѣ безсонныя ночи.

— Теперь нашъ чередъ!—сказалъ Любаховскій. — Лишь бы Ороховскій привезъ деньги, ни минуты здѣсь не останемся, чтобы по возожности сократить покинутому Григорію часы и дни тревоги.

Мать подбѣжала къ нему, поцѣловала руку и вскричала:

— Ъдемъ! Ъдемъ!

Давно уже не видалъ Любаховскій своего зятя. Сначала отношенія были еще сносныя, хотя важный чиновникъ, чѣмъ выше занималъ мѣсто, тѣмъ холоднѣе становился къ старику и, наконецъ, окончательно прервалъ съ нимъ всякія сношенія.

У нихъ не было ни ссоръ, ни размолвокъ, ни недоразумѣній; но Марынка не могла пріѣзжать къ отцу и самъ Треубернеръ никогда не показывался. Воспитаніе дѣтей, упорное молчаніе, жалобы дочери—оттолкнули Любаховскаго отъ зятя.

Мы уже видѣли, чѣмъ все это кончилось.

Человѣкъ, посвятившій свое домашнее счастье, семью, жену, службѣ, общавшей ему высокое мѣсто въ чиновной іерархіи, заставилъ Марынку почти совершенно забыть обязанности дочери. Для него всѣ эти жертвы казались естественными, потому что онъ не имѣлъ въ жизни другой цѣли, кромѣ того, чтобы выдвинуться, насколько позволяли его способности, строгость, исполнительность и трудолюбіе.

И дѣйствительно, онъ шагаль впередъ очень быстро, потому что въ немъ видѣли идеаль чиновника, который по военному исполнялъ свои обязанности и завелъ военную дисциплину въ своемъ отдѣленіи.

Треубернеръ никогда не дѣлалъ никакихъ задержекъ, никогда за нимъ самимъ не бывало остановки, съ желѣзной энергіей исполнялъ онъ все, что ему повѣряли, ни на волосъ не уклоняясь, не отставая ни на шагъ, но и не выскакивая впередъ. Никогда не хворалъ, никогда не просилъ отпуска; какъ хорошо смазанное колесо быстро и безъ шума вращался онъ въ бюрократичномъ механизмѣ. Среди такихъ занятій, хлопотъ, утомленія, сердце его никогда не откликалось. Все шло отлично до самой минуты катастрофы и перелома.

Здѣсь въ первый разъ всей силы, какой обладалъ Треубернеръ, оказалось недостаточно для того, чтобы побороть сопротивление, оказанное ему женой и однимъ изъ дѣтей. Онъ думалъ, что сладить съ Марынкой,—и не могъ ее сломить.

Она покидала его.

Въ глубинѣ души этого холоднаго человѣка, въ которомъ никто не могъ бы заподозрить никакой привязанности, никакого чувства, проснулась, хотя и слишкомъ поздно, любовь и сожалѣніе о томъ, что онъ долженъ былъ утратить.

Онъ любилъ жену по своему; онъ чувствовалъ, что лишиться этой подруги жизни, этой отличной хозяйки, дамы, которая сумѣла его мѣщанскому кружку придать аристократическій отбѣнокъ и подняла его на такую высокую ногу, какъ онъ самъ выдвинулся по службѣ, — было для него ужасно.

Воспоминанія о жизни, проведенной съ ней, о ея достоинствахъ и качествахъ, которыя онъ такъ высоко цѣнилъ въ

ней, о ея добротѣ и кротости, привязанности къ дѣтямъ, вѣрности и любви къ нему,—отравляли ему жизнь.

Надежда, что она вернется, побѣжденная его неумолимой строгостью и суровостью—обманула его. Ударъ, нанесенный ему побѣгомъ Гриши, отъѣздъ жены къ отцу,—все это дѣлало его несчастнымъ.

Онъ думалъ выдержать, отречься отъ младшаго сына, ожидать возвращенія матери; но черезъ нѣсколько дней, когда даже занятія, усиленный трудъ и борьба съ самимъ собой не привели ни къ чему, онъ почувствовалъ, что силы покидаютъ его. Послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ своей службы, онъ въ первый разъ былъ принужденъ признать себя больнымъ и не идти на службу.

Приглашенный докторъ нашелъ чрезвычайное истощеніе силъ, нервное раздраженіе, доходящее до крайней степени, и предписалъ совершенный покой. Все это случилось какъ разъ въ ту минуту, когда онъ былъ всего нужнѣе на службѣ, такъ какъ никто не могъ его замѣнить.

Его потребовали изъ высшихъ сферъ; готовый принести свою жизнь въ жертву службѣ, Робертъ всталъ съ постели, дотащился кое-какъ до бюро и... его вынесли оттуда безъ чувствъ.

На другой день его навѣстилъ министръ, заставилъ его признаться во всемъ, тѣмъ болѣе что всѣ знали его положеніе,—и далъ ему отпускъ на нѣсколько дней.

Треубернеръ надѣялся, что когда онъ самъ пріѣдетъ къ женѣ, то ему удастся убѣдить ее вернуться.

О томъ, чтобы спасти стараго отца отъ изгнанія, Робертъ даже и не подумалъ. Черезъ часъ послѣ полученія отпуска, онъ уже ѣхалъ въ Любахувку.

Съ ужасомъ смотрѣла на него жена, когда онъ вылѣзалъ изъ экипажа. Любаховскій не узналъ его. Это былъ мужчина, преждевременно состарѣвшійся, сухой, серьезный, вытянутый, точно прусскій солдатъ. Привыкшій къ приказаніямъ и повиновенію, онъ потерялъ все, что свойственно человѣку свободному, одаренному волей и управляющему самимъ собой; онъ двигался медленно, какъ будто ему не доставало какого-то импульса, голоса свыше и подчиненныхъ, которыми онъ при-

выкъ повелѣвать. Предоставленный самому себѣ, онъ двигался тяжело и несмѣло.

Марынка, увидѣвъ его такимъ блѣднымъ, сослѣ дами болѣзни и истощенія на лицѣ, выбѣжала къ нему навстрѣчу.

Онъ принудилъ себя встрѣтить жену холодно, хотя самъ весь дрожалъ. Онъ собирался сейчасъ-же начать съ ней свое объясненіе, но появившійся въ эту минуту старикъ повелъ его въ комнату.

Встрѣтились они молча, никто не рѣшался заговорить.

— Я пріѣхалъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ,—за тобой, Марынка. Я готовъ даже выхлопотать прощеніе Гришѣ или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе наказанія. Невозможно было избѣгнуть того, что случилось съ нами. Необходимо покориться волѣ Божіей... мы не можемъ требовать для себя особенныхъ законовъ.

— Ради Бога,—проговорилъ старикъ голосомъ, въ которомъ слышалась боль,—ради Бога, не думай, чтобы я требовалъ для себя жертвы, или чѣмъ-нибудь вызвалъ ее и добровольно принялъ. Я просилъ Марынку вернуться къ тебѣ. Что же касается Гриши, то такой дѣтскій поступокъ можетъ быть прощенъ ему въ виду благородныхъ побужденій.

— Къ несчастію,—замѣтилъ строгій отецъ,—Григорій рецидивистъ. Я надѣюсь, однако...

— Гриша уже за границей,—проговорила жена, къ которой вернулась уже вся сила воли и самообладаніе.—О немъ не можетъ быть и рѣчи, а я ни отца, ни его не покину.

Это рѣшительное заявленіе на минуту замкнуло уста Треубернеру; онъ поблѣднѣлъ.

— Не знаю, чѣмъ заслужилъ я это,—началъ онъ дрожащимъ голосомъ, послѣ краткаго молчанія,—но, прошу тебя, моя дорогая Марынка, сжался надо мной. Я совсѣмъ убитъ... не знаю, буду ли въ силахъ перенести эти утраты. Вѣрь мнѣ, что я говорю это не для угрозы... тутъ дѣло идетъ не обо мнѣ одномъ, а объ насъ всѣхъ. Итакъ, все должно быть потеряно?.. Треубернеръ поблѣднѣлъ, опустил глаза.

— Это просто невозможно,—сказалъ онъ,—ни для кого не дѣлается исключенія, я не могу его требовать для себя. Такова воля того, чья воля правитъ всѣми, чтобы законъ этотъ

былъ неумолимъ... Малѣйшая тѣнь какой-нибудь уступки—и все бы испортилось. Потребовать этого — достаточно было бы для того, чтобы погубить самого себя и разрушить дѣло цѣлой жизни.

— Да я этого и не требую, я бы даже и не принялъ единичнаго снисхожденія, я стыдился бы этого,—сказалъ старикъ, волнуясь.—Марынка, прошу тебя...

Всѣ замолчали. Треубернеръ задумчиво глядѣлъ въ окно, но ничего не видѣлъ. Онъ молчалъ, облокотившись на руку, какъ бы ища въ мысляхъ, что-бы ему сказать въ свою защиту, чѣмъ поправить свое дѣло.

— Ты сдѣлаешь невыносимой мою жизнь, — пробормоталъ онъ, обращаясь къ женѣ.—Все, что я такъ долго и съ такими усиліями воздвигалъ, распадается...

— Мы должны разойтись,—не давая ему говорить, начала жена. — Я оставляю тебѣ одного ребенка, можешь мнѣ отдать другого... Я отдала тебѣ свою молодость, служила вѣрно, ни разу ты не услышалъ жалобы изъ моихъ устъ... Позволь же мнѣ теперь служить отцу и исполнить свой священный долгъ.

Любаховскій опять сталъ протестовать.

— Я не могу принять этой жертвы...

Никто не уступалъ; на всѣхъ лицахъ, кромѣ менѣе всѣхъ выразительнаго лица Роберта, видна была твердая рѣшимость.

Марынка подошла къ отцу, встала предъ нимъ на колѣни, обняла его и начала умолять его удалиться.

— Позволь мнѣ остаться съ нимъ наединѣ, проститься съ нимъ,—сказала она.—Не слушай, не мучайся тѣмъ, въ чемъ не ты, а одна я виновата.

Любаховскій хотѣлъ встать, но силы на минуту покинули его.

Марынка вдругъ обратилась къ мужу и, указывая на погруженнаго въ мысли отца, быстро проговорила:

— Выпроси для него не милость, потому что онъ и самъ этого не требуетъ, но облегченіе... Могутъ продолжить ему этотъ несчастный срокъ..., а потомъ... Ты видишь, что онъ боленъ, знаешь его года...

Треубернеръ задумался; наконецъ, онъ, казалось, былъ побѣжденъ.

— Попробую, — тихо проговорилъ онъ такимъ тономъ, который заставлялъ усомниться, чтобы проба эта удалась.

Марынка хотѣла броситься къ его ногамъ, но онъ отскочилъ въ испугъ.

— Попробую, — повторилъ онъ еще разъ.

Любаховскій сѣлъ, считая все оконченнымъ и, желая отвлечь вниманіе отъ себя и своихъ страданій, обратился къ зятю:

— Я не понимаю этого закона, хотя мы всего могли ожидать отъ такой ненависти... Въ особенности я не понимаю этого момента, когда этотъ законъ вдругъ сдѣлался необходимымъ... Побудительныя причины къ этому, должно быть, лежать внѣ сферы нашихъ свѣдѣній о политическихъ отношеніяхъ государства, такъ какъ причинъ этихъ никакъ нельзя угадать. Кажется, никакихъ новыхъ обвиненій противъ насъ нѣтъ...

— Я ничего не знаю, — проговорилъ Треубернеръ. — Я никогда бы и не осмѣлился требовать объясненія приказаній. Я знаю только, что никакой важный шагъ не дѣлается безъ причины и повода...

— А! ненависть! ненависть объясняетъ все, все оправдываетъ, — замѣтила Марынка. — Зачѣмъ же искать еще другихъ причинъ?..

Разговоръ этотъ, въ которомъ Треубернеръ мало принималъ участія, продолжался до обѣда. Зять Любаховскаго, радуясь близости жены, начиналъ мало-по-малу приобрѣтать свободу мыслей. Пробовалъ нѣсколько разъ спрашивать о Гришѣ, но жена отвѣчала ему молчаніемъ.

Сейчасъ же, послѣ обѣда, Робертъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ, такъ какъ хотѣлъ поспѣшить выхлопотать продолженіе срока. Но не успѣли еще заложить лошадей, какъ въ воротахъ стали появляться никогда невиданные экипажи никогда здѣсь не бывавшихъ сосѣдей.

Пріѣздъ въ Любахувку его превосходительства былъ слишкомъ важнымъ происшествіемъ. Всѣ хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ и извлечь изъ него выгоды для себя.

Первый явился графъ изъ Жарнова, пріятель Треубернера, который, несмотря на холодный пріемъ, какой онъ такъ недавно оказалъ старику, не постѣснился пріѣхать, чтобы повидать такого важнаго чиновника.

Робертъ принялъ его съ изысканной вѣжливостью, но чрезвычайно церемонно. Смущенный этимъ, графъ, несмотря на то, что чувствовалъ себя оскорбленнымъ такимъ холоднымъ приемомъ, поспѣшилъ оправдаться во всемъ, что могло набросить малѣйшую тѣнь подозрѣнія на его политическую неблагонадежность.

Онъ зашелъ даже такъ далеко въ своей апологіи новаго закона, что призналъ это распоряженіе за истинное благодѣяніе.

Треубернеръ, разсѣянный, ничего не отвѣчалъ. Затѣмъ графъ перешелъ на другую тему, на придворныя новости и старался развеселить его превосходительство, но и это ему не удалось.

Его превосходительство оставался молчаливымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ. Слѣдовавшіе за графомъ гости такъ надоели, наконецъ, Треубернеру, что онъ, какъ можно скорѣе, простившись съ хозяиномъ и женой, не возобновляя при постороннихъ щекотливаго разговора, уѣхалъ.

Всегда радушный, Любаховскій на этотъ разъ долженъ былъ извиниться и, приказавъ принести вина, упросилъ дочь замѣнить его; самъ же ушелъ къ себѣ въ комнату.

Это послужило для всѣхъ сигналомъ къ отъѣзду, быть можетъ, болѣе поспѣшному, чѣмъ бы имъ хотѣлось. Графъ первый соблюдая самыя необходимыя правила приличія, уѣхалъ, не безъ удивленія, что въ дочери этого Любаховскаго, къ которому относился такъ свысока, онъ нашелъ особу, знакомую съ высшимъ берлинскимъ обществомъ.

Для всѣхъ вообще это былъ день обманутыхъ надеждъ, ошибокъ въ расчетахъ и недовольства самими собой.

Одна только Марынка радовалась, что принудила мужа къ уступкѣ, на которую она возлагала нѣкоторыя надежды.

Въ Любахувкѣ наплывъ гостей, посѣщеніе зятя, приемъ почти незнакомыхъ гостей — было страшной тяжестью для панвы Жабской и для всѣхъ. Въ особенности горевала панна Жабская, что они застали домъ въ такомъ безпорядкѣ и должны были увезти съ собою скверное представленіе.

Старый Григорій, пробравшись къ себѣ въ спальню, сѣлъ на постель и, найдя на столикѣ разложенную книжку Омы Кемпійскаго, погрузился въ чтеніе, забывая о горькой дѣйствительности.

Марынка нисколько не сомнѣвалась, что «проба» удастся мужу. Въ такомъ случаѣ надо было вернуть назадъ Гришу.

Призвали на совѣтъ Кристину...

Выслушавъ, что ей было рассказано, прекрасная экономка съ покорностью заявила, что... пожалуй, лучше бы... подождать.

— Съ Гришей тамъ ничего не случится, — прибавила она, — я за это ручаюсь; впрочемъ, я готова пробраться къ нему, посмотрѣть, и если ему чего-либо недостаетъ, — доставить ему. А вдругъ придется ему вторично бѣжать?..

— Отецъ выхлопочетъ, что обѣщалъ, — проговорила пани Марыня.

— Обѣщалъ? — спросила Кристя.

— Обѣщалъ постараться, — поправилась Марынка, — а такъ какъ у него много друзей и большое вліяніе, то я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ выхлопочетъ эту милость.

Послѣ пребыванія его превосходительства, въ Любахувкѣ все измѣнилось. Чиновники въ мѣстечкѣ, убѣдившись, что сношенія не окончательно прерваны, стали снисходительнѣе къ старику, предвидя, что для него будетъ исключеніе, что ему будетъ позволено остаться.

Экономка воспользовалась этимъ, дѣлая разные приготовленія... на всякій случай, менѣе всего, однако, надѣясь на то, чтобы они остались.

Безуміе охватило всѣхъ. Подстрекаемая съ обѣихъ сторонъ росла ненависть, раздавались угрозы, осмѣивали слезы несчастныхъ.

Жабская съ большимъ усердіемъ собирала всѣ слухи, хотя панъ Григорій не позволялъ ихъ повторять. Каждый день ждали извѣстія отъ Треубернера, но тотъ — молчалъ.

Сейчасъ же, послѣ своего возвращенія въ Берлинъ, обдумавъ все по дорогѣ, Треубернеръ попросилъ частную аудіенцію у своего начальника, который одинъ отдѣлялъ его отъ высшей власти.

Его сейчасъ же приняли.

Что касается до строгости образа дѣйствій и характера, то его начальникъ былъ положительно вторымъ томомъ его самого.

Одна изъ задачъ отлично устроенной бюрократіи — это сдѣлать

всѣ орудія такъ похожими другъ на друга, до такой степени безличными, чтобы они выглядѣли, какъ солдаты въ строю.

Баронъ В. былъ похожъ на Роберта, какъ родной братъ, не потому, чтобы онъ родился таковымъ, но потому, что служба сдѣлала изъ нихъ обоихъ одинъ и тотъ же типъ. Тотъ же холодъ, та же неумолимая строгость были въ обоихъ. Даже лица ихъ сдѣлались похожими одно на другое.

Поздоровались они очень вѣжливо. Они были одни.

— Ты имѣешь что нибудь сказать мнѣ съ глазу на глазъ? — проговорилъ баронъ, подавая ему стулъ. — Я къ твоимъ услугамъ. Ну, какъ твое путешествіе?

— Благодарю, хорошо, — отвѣчалъ Треубернеръ. — Я въ не-пріятномъ положеніи... Оно безъизвѣстно и вамъ, конечно.

Баронъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я въ очень грустномъ положеніи, — повторилъ Робертъ, — но я не говорилъ бы вамъ о немъ ни слова, если бы не былъ доведенъ до крайности. Будучи молодымъ, я женился на женщинѣ, къ которой чувствовалъ и чувствую еще и теперь пылкую привязанность и любовь. Вы знаете мою жену: это особа такая развитая, такая умная, такая образованная и благово-спитанная...

Баронъ сдѣлалъ знакъ, что вполне раздѣляетъ его мнѣніе.

— Но на ней, — грустно продолжалъ Робертъ, — тяготѣлъ перво-родный грѣхъ. Она была полькой. Я думалъ, что, выйдя за меня замужъ, она будетъ въ состояніи забыть это. Я старался не принимать у себя въ домѣ ея соотечественниковъ. Дѣтей воспиталъ такъ, чтобы они могли приносить пользу родинѣ... Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя... Все шло хорошо, по моему желанію, до объявленія новаго закона...

Лицо барона приняло строгое выраженіе. Треубернеръ сказалъ:

— Живъ еще отецъ моей жены, старикъ... увы, закоренѣлый полякъ. Я не зналъ о томъ, что онъ родился не въ княжествѣ и что законъ этотъ можетъ быть примѣненъ и къ нему. Все зданіе, съ такимъ трудомъ мною воздвигнутое, мой покой и домашнее счастье — рушилось: жена убѣжала отъ меня къ отцу, за ней пошелъ одинъ изъ сыновей. Я долженъ потерять женщину, отсутствіе которой ошутитъ и все общество; безъ сомнѣнія — это возбудитъ неудовольствія, развяжетъ языки...

Баронъ не находилъ надобности слушать далѣе, онъ съ безпокойствомъ взглянулъ на часы.

— Дорогой мой коллега, — проговорилъ онъ, — конечно, я все это и самъ зналъ, но чѣмъ же тутъ помочь? Посуди самъ... Неужели ты желаешь, чтобы для тебя сдѣлали исключеніе, уступку, которая тебѣ повредила бы?

— Будьте справедливы, баронъ, — прервалъ Робертъ. — Я давно уже страдаю... никогда мнѣ и въ голову не приходило просить для себя милости, исключенія...

— Вотъ именно мы, чиновники, должны подавать примѣръ послушанія и повиновенія этому новому закону.

— И я точно такого же мнѣнія, — прибавилъ Треубернеръ, — и ничего не требую.

Удивленіе, выразившееся теперь въ лицѣ барона, казалось, говорило: «такъ чѣмъ же ты мнѣ все это рассказываешь?»

Робертъ опустилъ голову.

— Отецъ моей жены боленъ и можетъ представить объ этомъ свидѣтельство; дѣло идетъ только о продолженіи ему срока.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на барона, который стоялъ, опустивъ одну руку въ карманъ, а другой опершись на столъ, мрачный и молчаливый.

— Я твой другъ, — проговорилъ баронъ, — мы давно уже служимъ вмѣстѣ, ты не можешь сомнѣваться въ моемъ къ тебѣ расположеніи, дорогой Робертъ. Если ты ищешь у меня совѣта, то я скажу тебѣ одно: ты долженъ все игнорировать.

— Слезы жены, мученье этого старика, потерю сына! — замѣтилъ Робертъ.

— Что же ты хочешь? Чего же ты хочешь? Иначе я тебѣ ничего не могу посовѣтывать. Довольно малѣйшаго движенія твоего сердца, чтобы потерять плоды многолѣтнихъ трудовъ. Въ такую минуту выказать слабость — по отношенію къ поляку.

— Ты считаешь это невозможнымъ?

— Я ничего не знаю, — отвѣчалъ баронъ, — но считаю съ твоей стороны неудобнымъ и неловкимъ вмѣшиваться въ это.

— Ты правъ, — сказалъ Треубернеръ, — вставая.

— Говоря тебѣ откровенно, князь разспрашивалъ меня о твоихъ семейныхъ отношеніяхъ. До него дошли слухи.

— Онъ знаетъ все, — пробормоталъ Робертъ.

— Я отвѣчалъ ему, что, что касается тебя, то я ручаюсь, что ты не поддашься никакому влиянію.

— Благодарю,—прошенталъ Робертъ, протягивая ему руку.

— Уступки вещь опасная,—прибавилъ баронъ,—начинаются онѣ легко, но потомъ имъ нѣтъ конца.

Робертъ уже не смѣлъ сказать больше ни одного слова; онъ взялся за шляпу.

— Я предвидѣлъ результатъ нашей бесѣды,—прибавилъ онъ.

— Законъ этотъ гораздо важнѣе, чѣмъ онъ можетъ казаться поверхностному наблюдателю,—откровенно заговорилъ баронъ. — Я никогда не сомнѣвался и не сомнѣваюсь въ патріотическомъ настроеніи нашего народа; но что бы тамъ ни было, бываютъ минуты охлажденія,—въ такіе моменты патріотизмъ требуетъ новыхъ жертвъ. Исчезаетъ онъ, когда дѣло идетъ о наложеніи налога на табакъ, объ акцизѣ на пиво, объ обложеніи акцизомъ производства спирта и т. п. Тогда экономная хозяйка бросаетъ немножко дрожжей въ кадку, чтобы вызвать броженіе. А ты знаешь, что нѣтъ болѣе дѣйствительныхъ дрожжей для вызова броженія въ нашемъ патріотизмѣ, какъ ненависть къ полякамъ. Для насъ ничего не значитъ удалить хоть бы нѣсколько тысячъ бѣдняковъ, а такія мѣропріятія противъ нихъ раздражаютъ ихъ, опьяняютъ и тѣмъ самымъ облегчаютъ намъ введеніе новыхъ законовъ. Поляки служатъ намъ козлами ощущенія. Вдобавокъ, это матеріалъ, которымъ мы можемъ распорядиться по нашему благоусмотрѣнію. Никто за нихъ не заступится, они слабы и беззащитны.

Робертъ ничего не отвѣчалъ.

Баронъ закончилъ щекотливую конференцію другимъ вопросомъ о текущихъ дѣлахъ, и Треубернеръ вышелъ взволнованный, смущенный, не зная, какъ ему теперь поступить.

Въ тотъ же вечеръ одинъ изъ его подчиненныхъ, въ вѣдѣніи котораго находились донесенія и отчеты, касающіеся выселяемыхъ поляковъ, пришелъ къ Роберту съ докладомъ. Онъ зналъ положеніе дѣлъ и надѣялся извлечь какія-нибудь выгоды.

Отъѣздъ изъ Берлина жены, вторичное бѣгство сына—все это было ему извѣстно. Онъ не требовалъ даже прямого приказанія, онъ ждалъ только малѣйшаго намека и готовъ былъ спасти Любаховскаго. Треубернеръ былъ въ томъ состояніи духа, которое даетъ

ясновидѣніе и когда чиновникъ вошелъ къ нему въ канцелярію съ бумагами, онъ уже зналъ, что его навѣрно будутъ испытывать.

Привычка къ строгой дисциплинѣ вернула ему всю твердость души. Холодно, официально, сухо, разложилъ докладчикъ свои списки и указалъ исключительныя обстоятельства, касающіяся нѣкоторыхъ изгнанниковъ. Болѣзнь стараго Любаховскаго также была здѣсь отмѣчена; все дѣло было только въ томъ, могла ли она служить достаточной и основательной причиной къ продолженію срока. Треубернеръ стоялъ, устремивъ взоръ на бумаги, и слушалъ; ни однимъ знакомъ не выказалъ онъ какого-либо безпокойства или волненія.

Чиновникъ долго держалъ свой палецъ противъ рубрики имени и фамиліи старика, давая своему начальнику время сказать хоть одно слово, дать понять однимъ движеніемъ; но Робертъ съ полнымъ хладнокровіемъ обратилъ его вниманіе на другое обстоятельство: относительно молодежи, отбывшей воинскую повинность въ Пруссіи и не имѣющей правъ оставаться.

— Военное начальство должно быть запрошено по этому предмету и должно высказать свое мнѣніе, — сказалъ онъ. — Вообще, дѣло идетъ о строгомъ исполненіи, а не о смягченіи закона.

Изумленный докладчикъ подождалъ еще, но, наконецъ, видя, что молчаніе Роберта не случайное, а умышленное и обдуманное, пошелъ дальше. Итакъ, старому Любаховскому нельзя было продолжить срокъ.

Чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ довольно странной особой среди чиновнаго міра. Въмѣсто того, чтобы увлечься этимъ призваніемъ, которое открывало ему широкую дорогу въ будущемъ, онъ страдалъ немножко литературнымъ бредомъ, пописывалъ фельетоны подъ псевдонимомъ Plautulus, и даже уже написалъ цѣлый романъ изъ уголовной хроники. Ему необходимо было знакомиться съ различными сферами общества, проѣзжать въ салоны, а пани Траубернеръ какъ разъ открыла ему свои двери. За это онъ чувствовалъ къ ней большую благодарность и признательность, а Марыня — довѣріе къ нему, такъ какъ она считала его за человѣка съ сердцемъ. Онъ желалъ услужить ей теперь, зная, какъ горячо интересуется она судьбой его.

Въ этотъ же день онъ получилъ по почтѣ записку, подписанную только инициалами М. Т. Въ послѣднихъ словахъ она заключала просьбу за больного старика. Почтовый штемпель

позволяя догадываться, откуда было это письмо. Она побудила его поспѣшить явиться къ Треубернеру съ докладомъ, а когда это не привело ни къ какимъ результатамъ, онъ сталъ раздумывать, могъ ли онъ и долженъ ли былъ жертвовать собой мало его интересующему семейству. Но онъ просто боготворилъ Марыню, это единственное въ своемъ родѣ явленіе среди аристократіи. Будь онъ бѣденъ и женатъ — онъ навѣрное не пожертвовалъ бы собой; но, къ счастью, онъ былъ холостой и имѣлъ богатаго отца, по прихоти котораго онъ только и служилъ.

Два дня спустя принесли уже подписанные высшимъ начальствомъ проскрипціонныя листы. Въ нихъ стояло имя Любаховскаго съ примѣчаніемъ, что, на основаніи докторскихъ свидѣтельствъ ему дозволено остаться, не долѣе, однако, какъ допервыхъ дней весны.

Читая это, Робертъ обрадовался, но вмѣстѣ съ тѣмъ и испугался. Кто былъ виновникомъ этой милости? Кто хлопоталъ объ ней? Развѣ нельзя было заподозрить именно его самого въ этомъ снисхожденіи?

Треубернеръ задержалъ бумаги и не поставилъ своей подписи. Позвали того чиновника.

— Кто разрѣшилъ этотъ случай? — спросилъ онъ.

— Прецедентъ, и даже не одинъ, а много, — отвѣчалъ чиновникъ. — Нельзя отказать одному въ томъ, что получилъ и другіе.

— Извините, — прервалъ Робертъ, — бываютъ случаи схожіе между собою, но не совершенно одинаковые, а обстоятельства требуютъ строгости.

Съ большимъ присутствіемъ духа, доказывающимъ ясно, что онъ былъ подготовленъ къ отпору подобныхъ возраженій, чиновникъ сталъ приводить разные случаи.

Послѣ нѣкотораго раздумья, Робертъ, смущенный, тихо проговорилъ:

— Моя подпись была бы здѣсь лишней и неумѣстной.

— Хотя она и не необходима, но отсутствіе ея можетъ обратить вниманіе на этотъ случай, — сказалъ чиновникъ.

Холодный потъ обливалъ чело его превосходительства.

— Перейдемъ къ другимъ дѣламъ, — съ усиленіемъ проговорилъ Робертъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось, хотя и не безъ послѣдствій, которыхъ не могъ предвидѣть услужливый чиновникъ. Въ тѣхъ

сферахъ, которыя должны бы, повидимому, стоять выше канцелярскаго соперничанья, каждый, хоть сколько-нибудь успѣвъ выдѣлиться и обогнать товарищей, непременно вызываетъ зависть.

Робертъ былъ окруженъ завистливыми людьми, и на другой же день уже стали шептать, что онъ позволилъ себѣ сдѣлать въ своихъ интересахъ послабленіе, выхлопотавъ отцу своей жены дозволеніе остаться, несмотря на то, что секретные рапорты выставляли старика, какъ закоренѣлаго поляка.

Изъ этой мелочи сдѣлали важное дѣло, которое все больше и больше расходилось въ высшихъ сферахъ. Вовсе не подозрѣвая этого, Робертъ какъ разъ радовался своей энергіи, съ какою онъ противостоялъ искушенію, когда его вдругъ предупредили, что онъ въ подозрѣніи.

Даже отсутствіе его подписи объясняли, какъ доказательство его ловкости и хитрости. Между тѣмъ быстро были отданы распоряженія, и въ мѣстечкѣ всѣ съ радостью встрѣтили извѣстіе о томъ, что Любаховскій получилъ милость.

Экономка, которая больше сидѣла на караулѣ въ уѣздномъ мѣстечкѣ, чѣмъ дома, узнавъ объ этомъ поздно вечеромъ отъ Риделя, поспѣшила домой съ этимъ извѣстіемъ.

Старый Григорій, который успѣлъ уже остыть и ко всему приготовиться, принялъ эту вѣсть почти равнодушно. Дочь видѣла въ этомъ свою побѣду, хотя не получила письма отъ мужа.

— Это нисколько не измѣняетъ моего положенія, — сказалъ Любаховскій, — только вмѣсто валенковъ мнѣ придется одѣть на дорогу калоши.

— Подумаемъ лучше, что намъ дѣлать съ Гришей, — прибавилъ старикъ, — дѣло тутъ не обо мнѣ, старикѣ; вѣдь онъ имѣетъ еще всю жизнь впереди. Сидѣть тамъ взаперти въ какой-то дырѣ, неизвѣстно, въ какомъ обществѣ — онъ не можетъ. Для меня проволочка представляется милостью, для него будетъ наказаніемъ. Что онъ тамъ дѣлаетъ?

Присутствовавшая при этомъ экономка старалась успокоить старика, что панъ Григорій имѣетъ тамъ приличное общество, что ему доставляютъ книги, что панъ Леонъ Водинскій собирався взять его къ себѣ въ деревню, — но этого было мало старику.

Мать казалась спокойной, хотя и она беспокоилась о Гришѣ.

— Бросимъ мы эти проволочки! Тронемся, — заключилъ Любаховскій.

Жабская запротестовала, что она еще не готова.

— Я бы тѣмъ временемъ добрался до Варшавы, — сказалъ старикъ, — Марынка вернулась бы къ мужу.

— Ты знаешь хорошо, отецъ мой, — прервала дочь, — что я тебя не покину.

Поднялся споръ, возобновлявшійся тысячу разъ. Панъ Григорій не желалъ принять отъ дочери такую жертву, но она не хотѣла отказаться отъ нея. Наконецъ, онъ позволилъ ей провожать себя до Варшавы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы оттуда она вернулась къ мужу.

Съ нетерпѣніемъ отъ него ожидавшееся письмо не приходило, между тѣмъ нужно было знать, что онъ думаетъ, что собирается предпринять.

Послѣ многихъ разсужденій, Марынка рѣшилась сама ѣхать въ Берлинъ. Отецъ соглашался на это, обѣщая ждать ея возвращенія. Однако, она сначала хотѣла увидѣться съ Гришей.

Безъ экономки и здѣсь дѣло не могло обойтись; она одна при своемъ обширномъ знакомствѣ могла облегчить переѣздъ черезъ границу. Она не предвидѣла новыхъ затрудненій.

Продажа Любахувки, которую старикъ считалъ уже поконченной, не двинулась ни на шагъ. Невозможно было понять Ороховскаго, который съ такой поспѣшностью* подписалъ купчую, имѣлъ и нужную сумму, а между тѣмъ такъ оттягивалъ ея отдачей.

Причину этого не могли угадать даже люди, близко знавшіе его. Случилось то, что случается очень рѣдко — въ немъ проснулась совѣсть. Послѣ того, что онъ слышалъ отъ Ксендза, что онъ видѣлъ своими глазами, — онъ колебался сдѣлать эту подлость. Онъ покупалъ Любаховку, чтобы отдать ее съ барышемъ для себя въ руки Фрейера и Браузе. Таковъ былъ планъ въ началѣ, и онъ вовсе не заботился о томъ, что люди скажутъ. Ксендзъ напугалъ его.

Быть привлеченнымъ къ отвѣту людьми, для него ничего не значило, но имѣть дѣло съ Господомъ Богомъ, Который зналъ его сокровенныя мысли и навѣрное защититъ Любаховскаго, онъ не желалъ. Съ другой стороны ему было очень жалко потерять задатокъ, выданный имъ при заключеніи условія.

Къ числу жертвъ этихъ мелкихъ, незамѣтныхъ, почти забытыхъ недоразумѣній, принадлежалъ Дыданъ.

Человѣкъ это былъ простой, всегда жилъ въ согласіи съ самимъ собой и своей совѣстью, работалъ и никогда не выходилъ изъ своей колеи. Онъ любилъ своего стараго пана и уважалъ его, за нимъ сейчасъ же слѣдовала обожаемая имъ экономка. За нее онъ готовъ былъ отдать жизнь, такъ же какъ и за пана. Съ этими двумя чувствами, хотя онъ и не былъ счастливъ, но привыкъ жить.

Все было хорошо, пока мирное теченіе его жизни не было смущено этой испорченной когда-то красивой, чуждой всякому благородному чувству Миной.

Дыданъ, отвергаемый Бристиной, постоянно уважаемый нѣмкой, хотя онъ и сопротивлялся, хотя онъ и не любилъ, въ концѣ концовъ позволилъ вскружить себѣ голову. За недостаткомъ другихъ, онъ готовъ былъ болтать, улыбаться, слушать и откровенничать даже съ Миной.

Иногда на него нападало какое-то отвращеніе, какъ-будто ему удавалось заглянуть ей въ душу, и онъ хотѣлъ бѣжать отъ нея; то снова соблазнъ овладѣвалъ имъ, и хотя онъ и ударялъ себя въ грудь, сознавая, что грѣшится, — онъ снова упивался нездоровой фальшивой любовью. Началась она дѣйствительно притворствомъ, но въ концѣ концовъ Мина влюбилась въ него не на шутку.

Любовь въ такихъ существъ, какъ она, переходя въ страсть, ослѣпляетъ, доводитъ до безумія и часто даетъ въ руки ножъ или огонь. Прийдя въ отчаяніе, дѣвушка, чтобы привлечь его и привязать къ себѣ, взяла на помощь огонь. Ей казалось, что послѣ доказательства такой любви, Дыдану уже нельзя будетъ ее бросить.

Между тѣмъ, пожаръ, который она устроила, онъ пріѣхалъ тушить. Онъ не желалъ имѣть съ ней ничего общаго.

Въ эту же ночь Мина убѣжала отъ Фрейера, отрекаясь отъ неблагодарнаго. Гнала ее также и тревога, какъ бы не открыли виновницы пожара.

Причина его такъ и осталась неразгаданной, но дѣвушка, вернувшись на ту мостовую, которой она уже не надѣялась видѣть и ходить по ней, почувствовала себя такой несчастной, что жизнь стала для нея невыносимой.

Бросивъ своихъ родныхъ, прервавъ съ ними всякія сношенія, Мина переѣхала къ своей старой пріятельницѣ.

Остатокъ красоты, смѣлость, дерзкія слова, маленькій голосокъ и умѣнье наряжаться ярко и пестро, доставляли ей поклонниковъ, въ особенности среди молодыхъ военныхъ. Ее поочередно называли то капитаншей, то поручицей, то майоршей.

Съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, съ игривой пѣсенкой на устахъ, своими эксцентричными движеніями она вызывала рукоплесканія и бурные восторги; но когда занавѣсь опускалась, огни гасли, рюмки и бокалы разбивались и приходилось оставаться наединѣ съ самой собой, всецѣлье превращалось въ страшное отчаяніе.

У спокойнаго Дыдана она научилась мечтать объ идеальномъ счастьи, которое навѣки исчезало передъ ней.

Она плакала въ уединеніи, прогоняя подругъ, проклиная свою долю, думая о самоубійствѣ.

— Броситься въ воду! — по ея мнѣнію, было неизбѣжной послѣдней сценой этой мерзкой драмы.

Къ Дыдану она чувствовала ненависть и такую злобу, что съ удовольствіемъ вонзила бы ножъ ему и себѣ въ грудь.

По временамъ она порывалась летѣть туда и привести въ исполненіе свою месть, такъ какъ теперь она только ею одной и жила. Но она помнила, что за местию слѣдуетъ исправительный домъ, обстриженные волосы, грубый кафтанъ, хлѣбъ, какъ камень и жесткая постель...

Иногда она ложилась съ этимъ жгучимъ желаніемъ мести, спала съ ней, мечтала и вставала съ одной и той-же мыслью: сжечь Любахувку и вмѣстѣ съ нею и его, истребить безъ всякаго слѣда все, что тамъ было, и самой броситься въ пламя. Эта жажда мести, то остывая, то разгораясь, сдѣлалась наконецъ ея единственной мечтой.

Въ одно воскресенье она рѣшила поѣхать навѣстить Фрейеровъ. Отъ пожара тутъ ужъ слѣдовъ не было, свозили дерево на новыя постройки; Фрейеръ уже обдумалъ, какъ онъ раздѣлитъ съ Браузе Любахувку.

Здѣсь знали почти все, что дѣлалось въ Любахувкѣ, разсказывали о самоотверженіи Дыдана, объ отправленіи Грини за границу, о пребываніи его матери въ Любахувкѣ, о его

отцѣ... И вдругъ вся эта кучка ненавистныхъ людей должна была выскользнуть у нихъ изъ рукъ, убѣжать, а Дыданъ — преспокойно сопровождать ихъ.

Кто знаетъ, что у нее тамъ сидѣло въ головѣ. Она пріѣхала къ дядѣ и разъ, и другой, а за третьимъ разомъ осталась у тетки, — но трудно было удержать ее дома. Она бѣгала по полямъ, заглядывая въ корчмы на большой дорогѣ, стояла на одномъ мѣстѣ по цѣлымъ часамъ, поджидая того, который и не думалъ къ ней ѣхать.

Дыданъ, гдѣ-бы ее ни встрѣчалъ, былъ-ли верхомъ или пѣшкомъ, убѣгалъ, чтобы не встрѣтиться съ нею.

Вмѣсто того, чтобы обидѣться, Мина, отвергнутая, желала, по крайней мѣрѣ, насытиться местию, думая, что угрозой заставитъ его поддаться. Она осталась у Фрейеровъ. Она имѣла здѣсь полную свободу, ей ни передъ кѣмъ не надо было отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи. Фрейеръ пользовался ею, чтобы снискать расположеніе пограничной стражи. Итакъ, она ходила и ѣздила, гдѣ ей вздумается. Отъ ея взора не укрылось постоянное шмыганье за границу Дыдана, экономки къ Гришѣ. Она знала его исторію и знала, что не могла причинить своимъ врагамъ большаго огорченія, какъ предать его въ руки нѣмецкихъ жандармовъ.

Дыданъ, которому она иногда надоѣдала анонимными письмами, наконецъ даже и не читалъ ихъ.

Марынка, будучи наконецъ не въ состояніи противиться желанію видѣть сына, упросила экономку перевести ее черезъ границу. Все здѣсь было заранѣе подготовлено къ этому, но для женщины, не привыкшей укрываться, представляло тысячи трудностей. Гриша, зная, какъ это будетъ трудно для матери, умолялъ, чтобы ему, позволили пріѣхать къ матери.

Борьба между сыномъ и матерью кончилась тѣмъ, что Гриша побѣдилъ.

Назначили безопасное мѣсто, куда должна была пріѣхать мать. Не было и тѣни опасности. Гриша имѣлъ друзей, и въ хлопской сермягѣ свободно бродилъ на границѣ.

Наружность Марынки не позволяла ей нигдѣ показаться, не обративъ на себя вниманія.

Любаховскій, съ безпокойствомъ отпуская дочь и экономку,

предписывалъ имъ осторожность, помня о положеніи Гриши, который былъ дезертиръ.

Съ несказанной радостью, перешелъ юноша границу со своимъ проводникомъ, спѣша къ матери.

Онъ былъ одѣтъ работникомъ, но, присмотрѣвшись внимательно, можно было замѣтить, что это переодѣтый. Весело болталъ онъ, идя по лѣсу, спрашивая товарища о названіяхъ птицъ и деревьевъ, какъ вдругъ выскочившіе съ двухъ сторонъ жандармы схватили ихъ.

За контрабандистовъ ихъ нельзя было принять, потому что они не имѣли при себѣ ничего подозрительнаго, и проводникъ надѣялся, что ихъ сейчасъ-же отпустятъ, только обыщутъ. Они говорили, что идутъ къ роднымъ въ сосѣднюю деревню. Гриша сначала не потерялъ храбрости, но, узнавъ одного изъ жандармовъ, который схватилъ его въ первый разъ, онъ испугался, бросился бѣжать, но его сейчасъ-же поймали.

Проводника отпустили, записавъ его фамилію, а бѣднаго юношу жандармы увели съ собой.

Между тѣмъ мать сидѣла невдалекѣ, поджидая сына, терзаемая тревогой.

При каждомъ шелестѣ она порывалась бѣжать навстрѣчу, такъ что экономка съ трудомъ ее удерживала.

Часъ прибытія Гриши болѣе или менѣе былъ опредѣленъ; онъ не пришелъ. Съ возрастающей тревогой ждала мать еще нѣсколько часовъ; наконецъ, Дыданъ, стоявшій на стражѣ, побѣждалъ разузнать—и его тоже не было видно.

Мужественная обыкновенно Кристина на этотъ разъ потеряла свою храбрость и слезы наворачивались у нея на глазахъ. Мать была почти увѣрена въ какомъ-нибудь несчастіи, ломала руки и заливалась слезами.

Только уже вечеромъ, когда бѣдныя женщины совсѣмъ пали духомъ, и не знали, что дѣлать, потому что ночь могла ихъ застать въ этомъ лѣсу, прибѣжалъ Дыданъ.

Онъ не хотѣлъ ничего скрывать.

— Ахъ, пани!—вскричалъ онъ,—несчастье случилось! Пана Григорія взяли! Клянусь, что тутъ было чье-то предательство, на него была засада.

Несчастная мать хотѣла знать, какъ все случилось, приписывая все это несчастіе себѣ.

Возвращеніе въ Любаховку было грустное. Старый дѣдъ съ горя, упалъ безъ чувствъ.

Марынка немедленно, поцѣловавъ его, вскочила въ тележку и помчалась въ мѣстечко, откуда собиралась ѣхать въ Берлинъ спасать своего ребенка. Это было трудной задачей даже въ первый разъ, при строгой прусской дисциплинѣ, — а что-же теперь, когда онъ бѣжалъ вторично и снова былъ схваченъ!

Въ Любаховкѣ, послѣ отъѣзда дочери, Любаховскій впалъ въ какое-то оцѣпененіе: постоянно молился, не могъ ни ѣсть, ни пить, не отвѣчалъ на вопросы.

Кристина послала за ксендзомъ.

Ксендзъ могъ пріѣхать только на другой день послѣ обѣдни и засталъ своего пріятеля въ томъ же состояніи апатіи.

Не скоро удалось ксендзу добиться отъ старика признанія.

— Всегда, — сказалъ онъ, — бываетъ такъ, какъ теперь со мной, съ тѣми людьми, которые не хотятъ принять посланной Богомъ кары, а умничаютъ и стараются ускользнуть. Я не хотѣлъ перенести того, что мнѣ было предназначено, и вотъ теперь моя тяжесть увеличилась. Надо было просто взвалить всю тяжесть себѣ на плечи. Дочь теперь поѣхала къ мужу по дѣлу сына; мнѣ ничего не остается, какъ тронуться отсюда не ожидая ея. Но Ороховскій мѣшаетъ. Вы мнѣ его отыскиали, дорогой отецъ, уговорите же его теперь, ради Бога, разъ навсегда со мной покончить, потому что я не могу дольше такъ оставаться.

Ксендзъ охотно согласился быть посредникомъ.

Любаховскій, какъ будто прибытіе духовнаго отца его ожидало, отдалъ рѣшительныя приказанія: онъ хотѣлъ сейчасъ-же уѣзжать отсюда.

Нужно было сдѣлать нѣсколько неизбѣжныхъ прощальныхъ визитовъ въ окрестностяхъ. По старинному обычаю, непременно слѣдовало проститься съ доброжелательными людьми.

На первомъ мѣстѣ былъ графъ изъ Жарнова, тѣмъ болѣе, что ему надо было еще отдать визитъ.

На другой же день, панъ Григорій уже сидѣлъ въ бричкѣ. Въ Жарновъ пріѣзжали такіе же скромные гости, какъ онъ, — къ управляющему; затѣмъ посылали гофмаршала и, такимъ образомъ, получали аудіенцію.

Управляющій, старый знакомый Любаховскаго, человѣкъ не молодой, только тѣмъ и держался у графа, что былъ извѣстенъ по своему патріотизму и заслонялъ собой графа, который знать ничего не хотѣлъ о дѣлахъ своего народа. Съ огромными усами, хотя самъ очень маленькаго роста, Мальвачъ привѣтствовалъ старца на порогѣ, съ уваженіемъ, но съ такимъ измѣнившимся лицомъ, точно съ нимъ случилось какое горе. Онъ жалъ руки Любаховскаго, а въ груди у него слышались рыданія.

— Отецъ мой! стоило-ли тебѣ утруждать себя изъ-за этого трутня! — вскричалъ онъ.

— Какъ, трутня! я пріѣхалъ проститься съ графомъ — сказалъ Любаховскій.

— Развѣ онъ этого стоитъ, — воскликнулъ управляющій, — этотъ подлый предатель?

Любаховскій остолбенѣлъ.

— Что съ тобой? — вскричалъ онъ.

— Что со мной? — еще громче закричалъ Мальвачъ. — Такъ ты не знаешь, что онъ сдѣлалъ? Онъ уже не принадлежитъ болѣе къ нашему обществу: подлецъ, негодяй.

Онъ говорилъ все это, задыхаясь отъ негодованія.

— Что случилось? — повторилъ изумленный Любаховскій.

— Что? Онъ безъ всякаго принужденія, по своей волѣ, чтобы заработать 200.000 марокъ, а, быть можетъ и орденъ получить, продалъ всѣ свои земли для нѣмецкой колоніи.

Старикъ всплеснулъ руками.

— Можетъ ли это быть? Что его принудило къ этому?

— Ничего его не побуждало, кромѣ алчности и подлости, — живо заговорилъ Мальвачъ. — Пусть-бы, главное, самъ лѣзъ въ грязь по уши, а то вѣдь я у него 20 лѣтъ службу управляющимъ; люди готовы приписать мнѣ участіе въ этой подлости.

— Расскажи, какъ-же все это случилось?

— Со дня изданія новаго закона, я всегда видѣлъ графа безпокойнымъ, — продолжалъ Мальвачъ. — Онъ все считалъ, расспрашивалъ меня о доходахъ, старался доказать мнѣ, что и 4 проц. неполучали, что совсѣмъ неправда, потому что въ хорошіе года я давалъ ему шесть чистыхъ. Я видѣлъ его безпокойство. Узнавъ о пріѣздѣ къ вамъ зятя, онъ такъ торопился поговорить съ нимъ, что мы всѣ головы потеряли

отъ его нетерпѣнія. Наконецъ, онъ сталъ напѣвать, что «какъ вѣрный подданный, спѣшитъ исполнить желаніе правительства и продаетъ за весьма умѣренную плату свое имѣніе, отлично поддающееся колонизаціи». Это еще ничего! Надо знать исторію имѣнія, чтобы понять весь ужасъ этой подлости. Онъ унаслѣдовалъ его не отъ родителей, а отъ дяди, который прямо и громко заявилъ, что для того отдаетъ свое имѣніе ему, чтобы быть увѣреннымъ, что оно не перейдетъ въ нѣмецкія руки.

Панъ Григорій не могъ ничего сказать Мальвачу; слезы навертывались у него на глазахъ, онъ ломалъ руки и охалъ.

— Мой трудъ, все мои заботы объ этой дорогой землѣ, которую я берегъ, какъ родную мать,—все, все пропало! А если бы вы знали еще, съ какимъ холодомъ, съ какимъ равнодушіемъ ведетъ онъ эту спекуляцію! Онъ оставляетъ могилы отцовъ, могилу жены, но для него гораздо дороже нѣсколько сотъ тысячъ марокъ!..

Разгоряченный Мальвачъ проклиналъ графа.

— Еще дня два,—прибавилъ онъ,—только бы мнѣ свести счеты—и я бросаю Жарновъ, я не могу присутствовать при этой позорной продажѣ.

Разгоряченный Мальвачъ излилъ всю свою душу въ упрекахъ графу и, должно быть, хорошо представилъ его старику, если тотъ, обыкновенно очень снисходительный къ людямъ, не пожелалъ видѣть Жарновскаго.

— Я ему скажу, что вы были и, узнавъ, что онъ сдѣлалъ, не захотѣли имѣть съ нимъ никакихъ дѣлъ. Пусть же знаетъ, что его ожидаетъ!

Любаховскій улыбнулся.

— Мой честный старый другъ,—возразилъ онъ,—ты ошибаешься. Будутъ завидовать его смѣлости, будутъ его ругать, но никто не прекратитъ съ нимъ знакомства. Наши братья, бѣдняки, возьмутся какъ и мы, но только они одни.

— Ты правъ,—сказалъ Мальвачъ,—въ среднемъ классѣ, въ народѣ, надо искать привязанности къ землѣ и обычаямъ.

Просидѣвъ здѣсь часъ, Любаховскій распростился со своимъ раздраженнымъ другомъ и поѣхалъ къ ближайшему сосѣду, пану Матросинскому. Это былъ домъ, считавшійся патріотичнымъ, семейство старыхъ нравовъ и обычаевъ, люди набожные.

Старый панъ Григорій рѣдко ихъ видѣлъ, но уважалъ. Навстрѣчу ему вышла вся семья. Знали, что онъ принадлежитъ къ числу изгнанниковъ, и приняли съ сочувствіемъ и участіемъ. Но на самомъ порогѣ хозяинъ наклонился къ нему и шепнулъ ему на ухо:

— Прошу васъ, дорогой сосѣдъ, будьте осторожны въ разговорѣ. Мы окружены шпионами, доносчиками, принуждены молчать.

— О, мы ихъ не обманемъ!—сказалъ Любаховскій.—Они сами хорошо знаютъ, что они заслужили съ нашей стороны.

Начавшійся разговоръ дѣйствительно ни разу не коснулся злобы дня. Говорили обо всемъ, кромѣ этого. Хозяинъ, не смотря на это, тревожно оглядывался. Видя, что онъ принести съ собой тревогу, Любаховскій посидѣлъ недолго, уѣхалъ еще къ одному сосѣду, Скальскому.

Это былъ человѣкъ образованный, состоятельный, которому нельзя было отказать въ способностяхъ, но который ни на что не годился. Онъ имѣлъ совершенно инныя понятія, чѣмъ всѣ.

— Безцѣльный патріотизмъ, шумный, бурный,—говаривалъ онъ всегда,—слишкомъ дорого намъ стоилъ. За него насъ преслѣдуютъ, не даютъ намъ шевельнуться свободно.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, панъ Іеронимъ—сказалъ Григорій, входя. — Вы навѣрное слышали, что я принужденъ покинуть этотъ край.

— Благодарите за это журналистовъ и ораторовъ.—Сказалъ хозяинъ.—Мы такъ хвастаемся своей силой, что наконецъ стали даже притворяться, что мы сами вѣримъ въ нее. Я ненавижу заговоры и тайную пропаганду, которая деморализуетъ людей; но, ей-Богу, въ ней больше логики, чѣмъ въ нынѣшней нашей болтовнѣ и похвальбѣ. Куда же вы отправитесь?—прибавилъ хозяинъ.

— Въ Королевство.

— А какъ съ Любахувкой?

— Ее покупаетъ Ороховскій.

— Вѣроятно, не для себя,—отвѣчалъ хозяинъ,—онъ вѣдь все плутуетъ.

Послѣ минутнаго молчанія, панъ Іеронимъ спросилъ его, откуда онъ ѣхалъ. Любаховскій упомянулъ о графѣ.

— Правда-ли, что онъ предлагаетъ Жарновъ для колонизаціи? — быстро спросилъ хозяинъ.

— Не только предложилъ, но предложеніе уже принято.

— Сколько же ему даютъ?

Любаховскій сказалъ сумму.

— Го, го! Славная сумма! — вскричалъ хозяинъ. — Не знаете, куда онъ теперь отправится?

— Не знаю.

По лицу пана Иеронима почти навѣрное можно было судить, что онъ завидуетъ смѣлости графа.

— Графъ Жарновскій очень мало, или даже вовсе не виноватъ, — говорили многіе. — Онъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Имѣніе пошло бы съ молотка, правительство все равно купило бы его, и онъ былъ бы разоренъ. Онъ спасалъ себя, какъ могъ, а вѣдь все-таки, если не онъ самъ, то, быть можетъ, его семейство могло быть полезно отечеству.

Другіе заходили еще дальше въ своихъ разсужденіяхъ, приводимыхъ въ его оправданіе.

— Намъ говорятъ: земля, земля, она даетъ намъ силу! — твердили другіе. — Неправда! Жиды нынче правятъ всей Европой. А что помогло имъ въ этомъ?.. А вотъ именно то, что они не привязывались къ землѣ, которая есть самый неблагодарный рабочій станокъ. Свободные они шли всюду, гдѣ заработокъ былъ легче и больше, барыши прятали въ карманы въ то время, какъ другіе окончательно раззорялись, они зарабатывали, создавая силу капитала. Нынче имъ весь свѣтъ служить за плату. Они господа, а мы ихъ слуги и невольники.

На другой день Любаховскій покончилъ свои визиты по сосѣдямъ, и когда Ксендзъ спросилъ его, какое они произвели впечатлѣніе, онъ отвѣчалъ:

— Не особенно пріятное. Говорятъ много, но что надо дѣлать — никто не знаетъ; а такъ какъ здѣсь надо дѣйствовать сообща, а мы къ этому не привыкли, то очень грустно!

Ксендзъ Романъ заявилъ, что общество должно бы строго карать такихъ отступниковъ, какъ графъ и тѣмъ удерживать другихъ отъ подобныхъ подлостей.

— Да, отецъ мой, — сказалъ Любаховскій, — но у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія. Каждый кружокъ судитъ иначе.

Вернувшись отъ Ороховскаго, ксендзь привезъ съ собой только обѣщаніе скоро покончить это дѣло — и ничего больше.

— Все это для меня непонятно, — говорилъ онъ, — у Ороховскаго деньги есть, и дѣло это онъ могъ бы покончить хоть завтра, а между тѣмъ не хочетъ.

— Такъ онъ думаетъ еще что нибудь выторговать у меня? — спросилъ старикъ.

— Не знаю и не понимаю его, — прибавилъ ксендзь. — Безпокоясь за васъ, я велѣлъ слѣдить за нимъ. Мнѣ говорятъ, что онъ постоянно сносится съ Фрейеромъ и Браузе. Я подозреваю его въ какой нибудь хитрой штулкѣ.

— Въ такомъ случаѣ надо бы бросить это дѣло съ нимъ.

Ксендзь замолчалъ и подумалъ минуту.

— Не принимайте меня за софиста, — проговорилъ онъ, — но надо быть осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ поступкахъ и не требовать отъ себя слишкомъ многого. Вы не хотите продать нѣмцу — очень хорошо; но не можете же вы караулить, чтобы этотъ клочекъ земля никогда не попалъ въ ихъ руки. Если Ороховскій сдѣлаетъ этотъ грѣхъ, то онъ падетъ не на вашу совѣсть.

— Да, если бы я этого не предвидѣлъ, — возразилъ Григорій, — но если предвидѣлъ и не принялъ мѣръ, то дѣло другое.

На другой день Любаховскій послалъ Ороховскому письмо съ требованіемъ немедленно покончить дѣло. День былъ прекрасный, сухой и сравнительно теплый. Одѣтый по домашнему, съ палкой, служившей ему въ послѣдніе годы въ его ежедневныхъ прогулкахъ по хозяйству, никому ни слова не говоря, собрался панъ Григорій обойти въ послѣдній разъ свои поля, проститься съ лѣскомъ, взглянуть еще разъ на постройки.

Лыдандъ, который издали постоянно слѣдилъ за нимъ, потащился за старикомъ, боясь, какъ бы тотъ, слишкомъ огорченный, не ослабѣлъ гдѣ нибудь въ этой прощальной прогулкѣ. Всѣ, кончая даже работниками, поняли старика, и слезы навернулись у нихъ на глазахъ.

Всѣ видѣли, какъ медленно, шагъ за шагомъ, тащился старичекъ, и останавливался. На нѣкоторыя изъ плодовыхъ деревьевъ, которыя онъ самъ прививалъ, онъ клалъ руку — онъ прощался съ ними. Быть можетъ, и въ нихъ что-то дрогнуло.

Его развлекали и успокаивали воробы, которымъ онъ спалъ иногда зерно, летавшіе теперь вокругъ него, сопровождавшіе его цѣлой стаей.

Природа, не раздѣляя его печали, улыбалась радостнымъ днемъ, яснымъ. Дорожка вела изъ сада въ лѣсъ. Она шла по высокому берегу рва, выкопаннаго для осушки полей. Дыданъ видѣлъ, какъ онъ наклонился, чтобы посмотрѣть не засыпался ли онъ.

До дороги въ лѣсъ онъ раза два останавливался, опирался на палку и осматривался вокругъ. Отсюда онъ могъ видѣть границы своихъ небольшихъ владѣній. Съ одной только стороны ихъ заслонялъ лѣсокъ. Въ то время, когда ему досталось Любахувка, лѣсъ былъ страшно истребленъ, въ немъ оставалось только нѣсколько старыхъ деревьевъ. Панъ Григорій засадилъ вырубленный лѣсъ и теперь это былъ уже порядочный лѣсокъ. У самаго края стоялъ вѣковой дубъ, который уважали все владѣльцы. Пень у него былъ точно высѣченный изъ камня, вѣтви грубыя, часть которыхъ уже высохла, не вездѣ листья покрывали его, но онъ выглядѣлъ очень величественно, точно стражъ границы, какъ отецъ семейства, которое его окружало. Любаховскій присматривался ему издалека, потомъ подошелъ къ нему, обошелъ его вокругъ и долго стоялъ подъ нимъ, опершись на палку, и думалъ. Потомъ межей, по серединѣ полей, часть которыхъ была засѣяна, онъ вернулся назадъ домой. Здѣсь, въ полѣ онъ встрѣчалъ груши, на вѣтвяхъ которыхъ висѣли палки, бросаемыя осенью пастухами; онъ прошелъ на межѣ нѣсколько камней, обросшихъ мхомъ.

Хозяйственные постройки, разбросанныя довольно широко, онъ обошелъ все.

Старый дворовый песъ, съ торчащей шерстью, съ опшареннымъ бокомъ, притаился къ барину, понюхалъ его, помахалъ хвостомъ и вернулся въ свою берлогу.

Дыданъ, слѣдившій за нимъ издали, рѣшилъ, что теперь онъ можетъ уже подойти. Немножко дальше стоялъ и экономъ, ожидая, не позовутъ-ли его.

Онъ обратился къ Дыдану, какъ-бы доканчивая свою мысль:

— Съ этой стороны надо было непременно загородить въ этомъ году.

— А пускай себѣ Ороховскій городить, — сказалъ Дыданъ.

— Хорошій плетень изъ хвороста держится гораздо дольше, чѣмъ кажется, — прибавилъ старикъ, — но и изъ хвороста надо строить аккуратно.

Дыданъ не возражалъ.

Вмѣстѣ вошли они черезъ калитку на дворъ передъ домомъ. Когда-то, когда старикъ почучилъ Любахувку, онъ былъ совсѣмъ голый; онъ самъ обсадилъ его вокругъ тополями, липами, а между ними густо росли сирень, розы, акація. Маленькій полисадникъ подъ самыми окнами, окруженный бѣлымъ березовымъ плетнемъ, заключалъ теперь только сухіе стебли растений и цвѣтовъ.

Старикъ остановился здѣсь, оперся обѣими руками на палку и остался на мѣстѣ какъ прикованный. Этотъ маленькій полисадничекъ находился подъ присмотромъ Марыни, которая сама садила здѣсь цвѣты, поливала, ухаживала за ними, забавлялась ими, дѣлала изъ нихъ букеты отцу, имѣла даже здѣсь свою маленькую лавочку, на которой сидѣла, когда эта часть двора была въ тѣни.

Толпой хлынули воспоминанія дней, проведенныхъ здѣсь съ ней, о томъ счастьи, какимъ они наслаждались, пока Треубеннеры не купили Любока и не пріѣхали поблагодарить его за сосѣдскую услугу.

А потомъ, потомъ Марія привязалась къ человѣку, ради котораго должна была отречься отъ всѣхъ и отъ всего. Вся жизнь этого единственного возлюбленного ребенка такъ ясно представилась ему, такъ стѣснила его сердце, что онъ совершенно забылъ о себѣ.

Что осталось теперь отъ всѣхъ тѣхъ надеждъ, отъ прошлаго счастья?

Съ садикомъ Марыни онъ никакъ не могъ разстаться. Ему какъ-то странно было представить себѣ, что кто-нибудь чужой, хотя-бы даже Ороховскій, будетъ хозяйничать въ этомъ дорогомъ садикѣ. Дыданъ, стоявшій не вдалекѣ, казалось, ожидалъ приказаній, старикъ чувствовалъ, что онъ гдѣ-то близко, обратился къ нему и подозвалъ.

— Дыдась, — тихо сказалъ онъ, — зачѣмъ намъ оставлять чужимъ хотя-бы сухія палки, по которымъ текли наши слезы,

чтобы они надругались надъ ними? Мы все отдаемъ имъ въ цѣлости, но садика этого мнѣ жалко, пусть и онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ нами. Эти розы садила Марыня. Веля ихъ вырвать и сжечь. Плетень тоже. Понимаешь?

Дыданъ отлично понималъ это.

— Ахъ, будьте спокойны, они вѣдь покупаютъ Любахувку не для забавы и не для цвѣтовъ и готовы посадить здѣсь капусту. Это извѣстно.

Старый панъ Григорій медленными шагами вошелъ въ домъ.

Принужденный кончать дѣло, платить деньги и брать купленное имѣніе, Ороховскій послѣ долгаго колебанія общалъ наконецъ пріѣхать съ нотаріусомъ, купчей и деньгами.

Этого только и ждалъ старикъ, чтобы уѣхать, не пользуясь продолженіемъ срока. Онъ хотѣлъ избѣжать самопожертвованія дочери. Его тревожила только судьба несчастнаго Гриши, который принесъ себя въ жертву любви къ нему и къ матери. Ему казалось, что отецъ навѣрное выхлопочетъ смягченіе кары малолѣтнему преступнику; но, съ другой стороны, кто не знаетъ, какъ неумолима для всѣхъ и безъ исключенія прусская дисциплина?

— Ъхать! ѣхать! мы не нуждаемся въ милости! Ъдемъ.

Въ назначенный день явился Ороховскій, такой кислый, смущенный, недовольный, какъ будто онъ собирался обдѣлать невыгодное для себя дѣло, принести жертву. Любаховскій съ нетерпѣніемъ встрѣтилъ его. Начали писать купчую.

Старикъ требовалъ помѣстить тамъ пунктъ, чтобы помѣстье это никогда не могло перейти въ руки человѣка другой націи и религіи. Ороховскій протестовалъ.

— Зачѣмъ это писать! Зачѣмъ навлекать на себя ихъ мечь! Я не намѣренъ подвергать себя опасности изъ-за Любахувки.

— Вы мнѣ это общали!—вскричалъ панъ Григорій.

— Ну, я не спорю, и даю вамъ слово, что буду стараться избѣжать этого; но вписывать въ купчую? Купчая вѣдь должна быть вписана въ актовую книгу.

— Вы не можете отвѣчать за условіе, поставленное мною. Ясно, что это моя вина.

Ороховскій сдѣлалъ порывчатое движеніе.

— Условія этого я не признаю.

— А я отъ него не отступаю, — сказалъ Любаховскій.

— Что-же будетъ? — спросилъ Ороховскій.

— Ничего не будетъ, — рѣшительно отвѣчалъ Любаховскій.

Ксендзь взглянулъ на него.

— Если онъ дастъ слово... — вмѣшался онъ.

— Почему же онъ не хочетъ написать этого слова? — сказалъ старикъ. — Онъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности за мои требованія.

— Довольно у меня и безъ того хлопотъ, чтобы еще за дѣвать теперь полицію и попасть подъ надзоръ!

Онъ пожалъ плечами.

— Я не могу возвратить вамъ задатокъ, — проговорилъ Любаховскій. — У меня нѣтъ ни гроша.

Ороховскій сталъ что-то бормотать, поглядывая на декана. Ксендзь Романъ принялся уговаривать обоихъ, чтобы они какъ-нибудь поладили. Ручательство свое Ороховскій могъ выдать частнымъ документомъ.

— Не дамъ письменнаго обязательства! — кричалъ Ороховскій.

Поладить было невозможно. Такъ какъ панъ Григорій не могъ вернуть денегъ, то невольно возникалъ вопросъ, должны ли онъ былъ вернуть ихъ въ томъ случаѣ, когда Ороховскій не желалъ вписать въ купчую пунктъ, который онъ прежде принялъ.

Ксендзь былъ того мнѣнія, что ничто не обязываетъ его къ возврату.

— Не знаю, что въ данномъ случаѣ говоритъ законъ, — проговорилъ Любаховскій, — но я не хочу присвоивать себѣ чужую собственность. Во всякомъ случаѣ, я долженъ отдать, и прошу только подождать, потому что у меня нѣтъ денегъ.

Ороховскій молчалъ, но казалось былъ очень доволенъ этимъ недоразумѣніемъ и не торопился съ разрѣшеніемъ его.

Все такъ и осталось не рѣшеннымъ; подали обѣдъ, пошли къ столу. Все время обѣда покупатель сидѣлъ угрюмо, ѣлъ мало, думалъ и морщился. Любаховскій ни до чего не дотронулся: говорилъ, что постится; одинъ только ксендзь Романъ закусывалъ, да и то какъ-то разсѣянно.

Жабская принуждена была вести съ нимъ разговоръ, чтобы не давать воцариться зловѣщему молчанію.

Во время обѣда ее вызвали.

Она долго не являлась, что, впрочемъ никого не удивило; а когда вернулась, то шаталась на ногахъ, хваталась за стулья, и добравшись до своего мѣста, сѣла съ такимъ смущеніемъ, что ксендзъ испугался. Она налила себѣ стаканъ воды и торопливо выпила. Разговоръ послѣ этого уже какъ-то не вязался.

Послѣ обѣда снова начались споры. Ороховскій сталъ мало-по-малу уступать и согласился уже на особенный частный документъ, обеспечивающій, что онъ никому не продастъ этого имѣнія, какъ только католику и поляку.

Ксендзъ воспользовался свободной минутой и подойдя къ Жабской, тихо спросилъ ее:

— Что съ вами случилось?

— Я не могу здѣсь говорить, — отвѣчала Жабская, — ради Бога, зайдите ко мнѣ. Страшное несчастіе случилось, я теряю голову, нашъ панъ этого не переживетъ.

Говоря это, она вышла. Ксендзъ Романъ употребилъ все свое вліяніе, весь свой авторитетъ на то, чтобы поскорѣе уладить окончательно дѣло продажи, и покончивъ его, вышелъ за Жабской. Онъ засталъ ее въ ея комнатѣ, на колѣняхъ передъ иконою, въ слезахъ.

— Ахъ, отецъ, отецъ, — заговорила она, увидѣвъ его, и, шатаясь, пошла ему навстрѣчу. — Господь Богъ поразилъ насъ. Я получила письмо отъ нашей барыни, она лежитъ и — не знаю, встанетъ-ли. Она прислала съ этимъ письмомъ свою довѣренную прислугу, чтобы та рассказала намъ о несчастіи, которое сама барыня не въ силахъ была описать. Вы знаете, что Гриша, благодаря чьему-то низкому, подлому доносу, схваченъ былъ жандармами. Бѣдный малый, говорятъ, былъ въ отчаяніи. Когда привезли его на мѣсто, гдѣ должны были судить, такъ какъ онъ вторично дезертировалъ, съ нимъ обходились очень строго, несмотря на отца. Надѣли ему на руки кандалы, а такъ какъ онъ отвѣчалъ бойко, смѣло и дерзко, то даже просьбы отца не подѣйствовали, чтобы судьи приняли во вниманіе его молодость, его благородныя побужденія. Оказывается, что у Гриши либо были друзья, либо онъ сумѣлъ пріобрѣсти ихъ,

довольно того, что онъ нашелъ средство распилить себѣ кандалы и спустился на одѣялѣ и простынѣ изъ окна. Онъ настолько хорошо зналъ мѣстность, что могъ проползти нѣсколько шаговъ по землѣ, добраться до частокола, который онъ конечно легко перелѣзъ-бы, какъ отличный гимнастъ. Разъ уже очутившись за ней, Гриша имѣлъ все наготовѣ, чтобы съ быстротой молніи пробраться за границу. Повидимому, все шло счастливо. Ему удалось благополучно спуститься внизъ по импровизированной веревкѣ, но когда онъ поползъ по землѣ, направляясь къ частоколу, часовой замѣтилъ его и окликнулъ. Гриша вскочилъ и во весь духъ побѣжалъ къ частоколу, такъ какъ все равно ему уже нечего было терять, надѣясь при томъ на свою большую ловкость. Онъ былъ уже на частоколѣ, когда часовой прицѣпился и выстрѣлилъ.

Ксендзъ болѣзненно вскрикнулъ:

— Убили его?

— Ахъ, убили его, убили!—Смертельно раненый въ грудь, онъ еще жилъ нѣсколько часовъ. Дали знать отцу и матери; на ея рукахъ онъ и скончался. Наша добрая барыня лежитъ теперь въ постели, по временамъ теряя разсудокъ. Говорятъ, что мужъ высказываетъ большую заботливость, но перенесетъ-ли она такой ударъ! А что будетъ съ нашимъ бѣднымъ старикомъ, когда онъ узнаетъ объ этомъ горѣ?!

— Надо скрыть отъ него это несчастье, — проговорилъ ксендзъ. Пускай уѣзжаетъ отсюда. Дочь можетъ выздороветь и пріѣхать къ нему. Это будетъ утѣшеніемъ имъ обоимъ.

Ксендзъ Романъ говорилъ такъ, но и самъ не очень-то вѣрилъ, чтобы можно было спасти разбитого жизнью Любаховскаго. Жабская заливалась слезами.

— Ради Бога, не выдай себя плачемъ!—напомнилъ ксендзъ.

Когда надо было вернуться въ комнату, гдѣ совершилась купчая, у него самого не хватило силъ явиться съ веселымъ лицомъ. Любаховскій сейчасъ же замѣтилъ въ немъ перемѣну.

— Что съ вами, отецъ мой?—спросилъ онъ.

— Жаль мнѣ Любахувки, а еще больше — васъ, которые насъ покидаютъ; мы съ Жабской всплакнули.

— Не было-ли тамъ письма отъ Марынки?—подозрительно спросилъ онъ.

— Не знаю; но Жабская навѣрное мнѣ сказала-бы, — отвѣчалъ ксендзь. — Не пишетъ она, повидимому, потому, что скоро сама надѣется пріѣхать.

— Прежде всего она должна похлопотать за Гришу, — прибавилъ панъ Григорій. — Жаль мнѣ мальчугана и я ужасно боюсь за него. Вы знаете, какъ строги прусскіе законы, какъ строго караютъ они малѣйшій проступокъ противъ дисциплины, а онъ дважды у нихъ бѣгалъ.

— Онъ малолѣтній; каждый кодексъ принимаетъ это во вниманіе, — сказалъ ксендзь.

Такимъ образомъ удалось нѣсколько отвлечь мысли старика отъ послѣдствій бѣгства внука. Ороховскій сталъ считать деньги, не опустивъ случая подпустить всѣ акціи провинціальныхъ банковъ, саксонскіе билеты, ганноверскіе, которые ему трудно было сбыть съ рукъ. Къ счастью, ксендзь контролировалъ и, замѣтивъ это, сдѣлалъ строгое внушеніе спекулянту, который, поцѣловавъ ему руку, взялъ обратно всѣ эти бумаги и долженъ былъ расплатиться прусскими билетами.

Теперь у Любоховскаго не было никакихъ препятствій, онъ могъ ѣхать когда угодно. Онъ самъ готовъ былъ ускорить отъѣздъ, отдавалъ приказанія и необходимыя распоряженія, но въ рѣшительную минуту всегда являлось что-нибудь, что, какъ-будто нечаянно, затягивало его отъѣздъ.

Въ эту ночь, послѣ отъѣзда Ороховскаго, на фольваркѣ, куда собралась вся дворня, Жабская рассказывала имъ объ участи, постигшей бѣднаго Гришу!

Дыданомъ овладѣла такая дикая жажда мести, такое безуміе, что Ходзибуй испугался за него. Онъ торжественно поклялся, что отмститъ за кровь бѣднаго юноши, хотя-бы съ опасностью для собственной жизни.

Экономка, не смотря на свое собственное отчаяніе, зная всю власть надъ нимъ, стала его умирать.

— Оставь ты эти угрозы, — говорила она. — Что бы сказалъ на это нашъ старый панъ, если бы слышалъ тебя, онъ, который постоянно твердилъ намъ о прощеніи. Вѣдь мы христіане, и то-то и отличаетъ насъ отъ язычниковъ и людей другихъ религій, что намъ запрещена месть. Гришу вѣдь все равно не вызовешь изъ гроба тѣмъ, что самъ сдѣлаешь преступленіе.

— Развѣ вы думаете, что я этого не знаю? — вскричалъ Дыданъ. — Но человекъ перестаетъ владѣть собой, когда такое отчаяніе овладѣетъ имъ. Что теперь будетъ съ нашимъ бѣднымъ паномъ!

— Пускай бы ужъ уѣзжалъ поскорѣе отсюда и мы съ нимъ, — прервала экономка, — покрайней мѣрѣ можно будетъ дольше скрывать передъ нимъ истину, а тутъ того и гляди, какое-нибудь неосторожное слово, — и все откроется.

Итакъ, рѣшили уговаривать старика къ отъѣзду и ускорить разставаніе съ Любахувкой. Ходзибуи съ женой должны были еще остаться для сдачи хозяйства.

Оказалось однако, что никто не могъ этого сдѣлать такъ хорошо, какъ Дыданъ, и потому старикъ хотѣлъ поручить это ему. До поздней ночи все сидѣли и разговаривали о своей несчастной долѣ, а Кристина все бѣгала къ Жабской, ухаживая за старушкой.

Дыданъ, заходя къ старику, радовался, что находилъ его немного спокойнѣе. Каждый разъ приходя къ нему, онъ получалъ приказанія, относительно укладыванія и отъѣзда.

Слѣдующій день былъ пятница, относительно которой нѣмцы имѣютъ тѣже предразсудки, какъ мы относительно понедѣльника. Предразсудокъ этотъ мало-по-малу сталъ уже распространяться и среди поляковъ.

Любаховскій, не желая въ этомъ сознаться, подъ какимъ-то предлогомъ перенесъ день отъѣзда на субботу; потомъ, найдя субботу неудобной по причинѣ еврейскаго шабаша, окончательно назначилъ день отъѣзда на вторникъ.

Вѣрнѣе всего, онъ все откладывалъ потому, что надѣялся получить какое-нибудь извѣстіе отъ дочери. Нѣсколько разъ онъ намекалъ экономкѣ, чтобы она съѣздила въ Берлинъ и привезла ему отъ Марынки какія-нибудь утѣшительныя извѣстія о Гришѣ; но всегда готовая на всякія услуги, Крестя на этотъ разъ ни за что не хотѣла понять, чего онъ отъ нея хотять.

Случай съ молодымъ Треубернеромъ былъ слишкомъ трагиченъ, да и самъ онъ принадлежалъ къ слишкомъ извѣстной фамиліи, чтобы остаться не замѣченнымъ.

Газеты, жаждущія подобныхъ исторій, чтобы потомъ долго питаться ими, съ жадностью принялись расписывать о семей-

ствѣ преступника, о причинахъ, побудившихъ его на такой шагъ и т. п. При этомъ, само собой разумѣется, не забыли указать на то, что его мать была полька, — и въ его происхожденіи видѣли причину преступленія. Это подало давно желанный поводъ глумиться надъ поляками.

Спустя нѣсколько дней послѣ смерти бѣднаго юноши, всѣ берлинскія газеты были переполнены самыми ужасными сплетнями, самыми злостными предположеніями. Къ счастью, Любаховскій изъ принципа давно уже бросилъ читать нѣмецкія газеты, такъ что не надо было слѣдить за тѣмъ, какъ-бы они не попали ему въ руки. Онъ получалъ только «Курьеръ», а такъ какъ онъ доставлялъ ему минутное развлеченіе, то ему аккуратно приносили его. Никто въ него и не заглядывалъ.

„Курьеръ“ вообще мало помѣщалъ этихъ уголовныхъ хроникъ, которыми переполнены бывають другія газеты, но злобная статья какой-то нѣмецкой газеты, упиравшей на то, что мать Гриши была полькой, — заставила его напечатать отвѣтъ.

Никто и не подозрѣвалъ этого, когда въ понедѣльникъ вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, передъ Любаховскимъ положили послѣдній нумеръ „Курьера“. Старикъ принялся читать. Всѣ были на фольваркѣ онъ одинъ былъ въ домѣ.

Прошло уже часа два, когда Дыдану вздумалось провѣдать старичка. Были сумерки; онъ велѣлъ подать свѣчу, а самъ потихоньку вошелъ въ комнату.

Первое, что бросилось ему въ глаза, это былъ скомканный нумеръ „Курьера“, лежавшій подъ столомъ. Онъ не нашелъ старика ни въ креслѣ, ни на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ. Дыданъ подумалъ-было, что онъ прошелъ въ спальню, какъ вдругъ пришедшій съ огнемъ мальчикъ вскрикнулъ на порогѣ.

Любаховскій сидѣлъ передъ диваномъ съ поникшей головой. Дыданъ бросился къ нему.

Старикъ былъ безъ чувствъ, въ обморокѣ, но жизнь еще не покинула его.

— За докторомъ! — закричалъ Дыданъ, а самъ положилъ его на диванъ и сталъ приводить въ чувство.

Въ одно мгновеніе, созванные его крикомъ, прибѣжали экономка, Жабская, вся прислуга, дворня и съ плачемъ и стономъ, окружили ложе больного.

Старикъ тяжело вздохнулъ и медленно раскрылъ глаза. Ему подали воды, стали растирать, согрѣвать и, къ великой радости, экономка и Дыданъ замѣтили, что онъ понемногу приходитъ въ себя.

Посланный за докторомъ, встрѣтивъ его на дорогѣ, привезъ гораздо раньше, чѣмъ ожидали.

Молодой докторъ, полякъ, увѣжавшій и любившій старика, сейчасъ же осмотрѣлъ его и причалъ мѣры, чтобы опасность, угрожавшая его жизни, не повторилась.

Любаховскій съ трудомъ могъ говорить, но во всемъ остальномъ былъ нормаленъ, онъ постепенно успокоивался, плакалъ и молился.

Несмотря на упадокъ силъ, оставшійся послѣ обморока, онъ старался превозмочь его и не поддаться, и когда, пріобрѣлъ способность говорить, то выразилъ желаніе ѣхать къ дочери.

Докторъ прямо объявилъ, что не можетъ позволить этого въ интересахъ ихъ обоихъ, а такъ какъ онъ главнымъ образомъ настаивалъ на томъ, какое впечатлѣніе должно было это произнести на Марынку, то Любаховскій съ покорностью принялъ это рѣшеніе.

Кристина предложила теперь свои услуги, — не медля ни минуты поѣхать въ мѣстечко, откуда съ первымъ поѣздомъ отправиться въ Берлинъ и привезти ему извѣстіе о дочери.

Докторъ былъ пораженъ самообладаніемъ Любаховскаго.

— Другіе то были люди, — думалъ про себя молодой докторъ. — Школа несчастія научила ихъ страдать и стоять твердо на своемъ посту. Мы отлично развиваемъ въ себѣ гимнастикой мускульную силу, но силы духа у насъ нѣтъ.

Когда Жабская стала подъ утро со слезами разспрашивать его о здоровьи стараго пана, онъ отвѣчалъ успокоительно.

— Такіе мужи стараго закала, — сказалъ онъ ей, — умираютъ, когда сами того хотятъ. Никакая болѣзнь не можетъ ихъ сломить. Слава Богу, ему гораздо лучше, опасность уже миновала.

Дѣйствительно, подъ утро старикъ заснулъ довольно спокойнымъ сномъ, въ обыкновенное время всталъ, помолился, потребовалъ одѣться и долго разговаривалъ съ докторомъ, который съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Правда, онъ ошибся

въ діагнозѣ и предсказаніи своемъ относительно больного, но— къ лучшему. Онъ поражался этой силой, приписывая ее крѣпкому организму старика, тогда какъ у него былъ могучій духъ.

Докторъ былъ увѣренъ, что уже нѣтъ опасности и что скоро на Любаховскомъ и слѣда не будетъ отъ пережитаго кризиса.

Только Дыданъ и остальная прислуга замѣтили въ немъ какую-то перемѣну, которую не могли себѣ объяснить. Черты лица его были тѣ же, но выраженіе совсѣмъ другое. Какая-то торжественная важность облекла ихъ, взоръ его смотрѣлъ на землю, но, казалось, искалъ какіе-то призраки, невидимые для людей. Онъ ходилъ, не глядя впередъ, руководясь инстинктомъ, тогда какъ взоръ его блуждалъ гдѣ-то далеко.

Со времени отъѣзда Кристи, которая должна была привести ему извѣстіе о дочери, онъ считалъ часы и минуты, не могъ ничѣмъ другимъ заняться.

Въ тотъ же день онъ еще заказалъ въ ближайшихъ костелахъ заупокойныя обѣдни за душу внука и у своего ксендза заказалъ торжественную панихиду.

Цѣлый день онъ ни о чемъ не говорилъ, ни о чемъ не просилъ, кромѣ этой панихиды, на которой онъ желалъ присутствовать.

Экономка между тѣмъ сѣвшила къ Марынкѣ и прямо съ вокзала поѣхала къ ней.

Худая, желтая, съ глазами, пылающими отъ внутренняго жара, лежала въ постели несчастная мать, ускоренное и тяжелое дыханіе которой слышно было среди окружающаго ее молчанія. Замѣтивъ Кристию, она протянула бѣлыя руки.

— Отецъ!— вскричала она.

— Онъ меня къ вамъ прислалъ,—проговорила экономка.— Самъ онъ не имѣлъ силъ пріѣхать, но я могу васъ увѣрить, что онъ принялъ этотъ тяжелый ударъ какъ истинный христіанинъ, уповая на Божественное Провидѣніе. Одно время мы боялись за него, но теперь онъ уже на ногахъ.

Марынка сложила руки какъ бы для молитвы.

— Теперь у меня уже никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ одного его; другой мой сынъ принадлежитъ отцу, онъ не мой.

Она покачала головой.

— Онъ не мой; я ему не нужна. Мужу я тоже помѣха.

Если бы я могла тронуться съ мѣста, я поѣхала бы съ тобой ухаживать за отцомъ; но я не могу подняться.

— Насколько я знаю,—прервала Кристина,—нашъ панъ вовсе не желаетъ отрывать васъ отъ дома. Онъ желалъ бы васъ видѣть, но самъ сталъ бы отговаривать васъ отъ поѣздки.

— Изъ жалости ко мнѣ онъ долженъ взять меня отсюда,—проговорила Марынка—здѣсь все мнѣ напоминаетъ о моей ошибкѣ, которую такъ жестоко покаралъ Господь. Ахъ, мой дорогой, мой добрый Гриша!.. Если бы только видѣла его съ закрытыми глазами и съ блѣднымъ лицомъ въ гробу! Какъ онъ былъ прекрасенъ, онъ будто улыбался!.. Должно быть, ему пріятно было покидать эту юдоль плача.

Послышался стукъ въ двери, вошелъ осторожно Треубернеръ, который узналъ, что пріѣхалъ кто-то, посланный отъ отца. Человѣкъ этотъ, до сихъ поръ казавшійся невозмутимымъ, выглядѣлъ теперь какъ приговоренный къ смерти, взоръ его какъ-то странно блуждалъ, походка была неувѣренная.

Видя, что онъ подходитъ къ кровати, жена тихо отвернулась, избѣгая его взгляда и разговора. Понявъ это, онъ не подошелъ ближе, шепнулъ что-то Кристѣ, спросилъ у сидѣвшей у постели сестры милосердія о докторѣ, немного постоялъ и вышелъ медленными шагами.

Услыхавъ, что онъ вышелъ, Марынка обратилась къ Кристѣ.

— Не зачѣмъ тебѣ сидѣть при мнѣ,—возвращайся къ отцу, берегите его, утѣшайте. Пусть ѣдетъ отсюда, далеко; здѣсь самый воздухъ отравленъ ненавистью. Ахъ, не могу долѣе выдержать, не хочу, пойду за моимъ Гришей.

— У васъ есть другой сынъ,—замѣтила экономка.

— Я говорила тебѣ: у меня нѣтъ никого; онъ принадлежитъ отцу, онъ нѣмецъ, онъ меня не знаетъ. Не нуждается во мнѣ, и я не хочу мучиться изъ за него на этомъ свѣтѣ.

Она начала тихо плакать. Кристя цѣловала ея холодныя руки, прося успокоиться.

Поздно ночью явился домашній докторъ съ другимъ еще, взятымъ имъ на помощь. Жаръ уже увеличивался и положеніе больной говорило, что минута развязки приближается. Кристина, не предвидѣвшая этой страшной катастрофы, только

тогда поняла страданія Марынки, когда докторъ по обязанности шепнулъ, что пора позвать духовника.

Предупреждая его, Марынка сама позвала ксендза.

Для экономки, не понимающей, какъ это горе могло такъ быстро сломить жизнь, это былъ неожиданный ударъ!

Опять пришелъ мужъ и подошелъ къ кровати, но и на этотъ разъ она закрыла глаза, чтобы не видѣть его и ничего не отвѣчала, когда онъ съ ней заговорилъ.

Приходъ ксендза заставилъ всѣхъ удалиться изъ комнаты.

Послѣ религіознаго обряда, больная заснула отъ утомленія, а Кристина снова усѣлась у ея кровати.

Утромъ, бѣлый саванъ уже покрывалъ ложе, передъ которымъ стоялъ на колѣняхъ Треубернеръ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, и молился.

Кристи уже нечего было здѣсь дѣлать; какъ опьянѣвшая, вышла она изъ комнаты, думая только о томъ, какъ она вернется въ Любахувку и что скажетъ старому отцу.

— Изъ жалости, я не могу сказать ему всей правды—думала она, садясь въ вагонъ.—Я привезу ему поклонъ и это желаніе покойницы, чтобы онъ уѣзжалъ, какъ можно скорѣе.

По дорогѣ, она мечтала, плакала, засыпала отъ утомленія и просыпалась съ испугомъ. Пріѣхавъ въ мѣстечко, она должна была остановиться отдохнуть у Губы, прежде чѣмъ ѣхать въ Любахувку. Думая о своемъ пріѣздѣ туда, она теряла всю храбрость и рѣшительность. Она не знала, сумѣетъ-ли соврать.

Въ гостиницѣ Губы, несмотря на грозное положеніе, на борьбу двухъ раздраженныхъ націй, веселились шумно. Стучали бильярдные шары, слышенъ былъ звонъ кружекъ, раздавались голоса краснорѣчивыхъ ораторовъ, проповѣдывавшихъ ненависть къ полякамъ. Кристина ушла въ комнату Рузи, а, когда старый Губа всталъ передъ ней, не смѣя разспрашивать, она сказала:

— У насъ все кончено! Гришу застрѣлили солдаты, мать убила таже пуля, теперь очередь за нашимъ старикомъ, который уже одной ногой въ гробу. И все это проклятые нѣмцы!

— Ради Бога!—прошепталъ Губа,—перестань. Молчи. Что, если бы кто услышалъ!

Она пожала плечами.

— Никого здѣсь не было отъ насъ, изъ Любахувки?—спросила она.

— Мужъ вашъ прїѣзжалъ,—прервала Рузя,—узнавать объ васъ. Отъ него мы узнали и про Фрейера.

— Что же, какую еще новую подлость выкинулъ нашъ прїятель?—спросила Кристина.

— Теперь ужъ онъ никому больше не будетъ вредить,—сказалъ Губа.—Я ему всегда такой конецъ предсказывалъ.

— Что же съ нимъ случилось?

— Онъ постоянно имѣлъ дѣло съ контрабандистами—это ихъ штука,—прибавилъ Губа.

— Какая штука?—выходила изъ себя эконома.

— Да развѣ же вы не знаете? Вѣдь это и въ газетахъ уже было,—сказалъ Губа,—что пограничная стража, объѣзжая утромъ границу, нашла его на землѣ, уже похолодѣвшаго, съ пулей въ груди. Выстрѣлъ, говорятъ, былъ такъ мѣтокъ, что пуля попала ему въ самое сердце.

Кристя вскрикнула, но въ ея крикѣ не было горя, а скорѣе изумленіе и радость.

— Производится слѣдствіе, потому что ни на кого нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія; къ тому же Фрейеръ не имѣлъ теперь ни съ кѣмъ никакихъ споровъ.

Кристина задумалась и сморщила брови.

— Въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, — прошептала она.—Они подстрекаютъ два народа ко взаимной другъ къ другу ненависти; можно было предвидѣть, что это должно вызвать кровопролитіе. Тѣ, которымъ нѣмцы объявили войну, не могутъ любить ихъ.

Она встала и начала прощаться со старымъ Губой, который уже подавалъ ей знаки молчать.

— Мы, съ нашимъ старымъ паномъ, быть можетъ, даже ужъ и завтра тронемся отсюда, такъ какъ намъ дольше не зачѣмъ здѣсь сидѣть. Будьте здоровы, да сохранить васъ Господь.

Рузя съ плачемъ проводила ее на крыльцо. Она уже сѣлась въ телѣжку, когда подбѣжалъ Ридель, съ улыбкой на устахъ, представлявшій рѣзкій контрастъ съ ея глубокой грустью. Онъ непремѣнно хотѣлъ удержать ее, но она на него разсердилась.

— Я везу съ собой смерть!—вскричала она.—Не до шутокъ мнѣ теперь.

И телѣжка быстро помчалась въ Любахувку. Она была уже на полдорогѣ, какъ къ ней приблизился галопомъ, скакавшій по полямъ мужчина. Только вблизи она узнала въ немъ Дыдана.

— Вы знаете, что Фрейера убили, какъ собаку,—сказалъ онъ смѣясь.—Пуля попала ему въ самое сердце. Онъ только схватился за грудь, повернулся и упалъ лицомъ въ грязь, которая ему всегда была такъ пріятна.

Дыданъ дико захохоталъ.

— А вы откуда знаете, какъ онъ падалъ и умиралъ?—спросила экономка.

— Гей, гей, люди мнѣ говорили,—весело отвѣчалъ онъ.—Еще тутъ кое-кому слѣдуетъ получить по счету. Но въ концѣ концовъ заслуженную плату получать всѣ.

Онъ ѣхалъ съ ней рядомъ. У воротъ ждалъ мужъ съ распростертыми объятіями.

— Нашъ панъ?—вскричала она.

— Молится, слава Богу, спокоенъ. Докторъ говоритъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности... Я видалъ его черезъ окно. Лицо ясное, только глаза немного впали и щеки съежились.

Экономка уже сама бѣжала къ дому. Любаховскій почувствовалъ, что она пріѣхала и вышелъ къ ней навстрѣчу. Въ ту минуту, какъ она собиралась говорить и приготовилась вратъ, энергія бѣдной женщины вдругъ исчезла, и она разразилась страшнымъ плачемъ.

Старикъ, какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣни. снявъ шапку и сталъ вслухъ читать молитву.

— Помилуй, Господи, душу усопшей рабы твоей Марины. Аминь...

Дыданъ долженъ былъ подать ему руки, чтобы помочь встать, и довелъ до спальни. Кристина шла за ними, не говоря ни слова.

Онъ упалъ на свое старое кресло, въ груди его что-то душило, но онъ не могъ плакать. Экономку онъ ни о чемъ не спросилъ. Казалось, онъ примирился со всѣмъ и былъ спокоенъ.

Съ четверть часа прошло такъ въ нѣмомъ для всѣхъ ожиданіи, какъ вдругъ онъ поднялъ голову и сказалъ Дыдану: — Дайте знать ксендзу, что я желаю его видѣть и убѣдительно прошу пріѣхать проститься со мною.

Услыхавъ это, Кристина обрадовалась, думая, что онъ собирается ѣхать на другой день; отъѣздъ изъ этихъ мѣстъ, окруженныхъ воспоминаніями,—было его единственное спасеніе.

Кристина все ждала, думая, что, быть можетъ, старикъ пожелаетъ разспросить ее; и старикъ хоть и смотрѣлъ на нее, однако, не говорилъ ни слова.

Пришла Жабская, бормоча что-то объ ужинѣ и жалуюсь, что онъ во весь день ничего въ ротъ не бралъ.

— Мнѣ ужъ не надо ѣсть!—отвѣчалъ старикъ,—дайте мнѣ только воды, а то во рту пересохло...

Зажгли лампу, мальчикъ пришелъ раздѣвать его.

— Дай мнѣ воды умыться и привеси мнѣ чистое бѣлье; а Жабской скажешь, что хотя сегодня не день перемѣны, но желаю имѣть чистое бѣлье на себѣ...

Жабская сейчасъ-же принесла сама. Любаховскій старательно умылся, надѣлъ рубашку, свой старый халатъ и, раскрывъ книжку, началъ молиться.

Такъ прошла вся ночь.

Дыданъ, сидѣвшій насторожѣ, хотѣлъ уговорить его лечь, но онъ прогналъ его движеніемъ руки, а потомъ пробормоталъ:

— Иди ты спать.. тебѣ, молодому, сонъ нуженъ...

Вдругъ какая-то мысль поразила старика, онъ взглянулъ прямо въ глаза Дыдану, который не выдержалъ этого пронзительнаго взора и смутился.

— Ты знаешь десять заповѣдей Господнихъ? — вдругъ спросилъ онъ.

— Знаю,—прошепталъ тотъ.

— Читай...

Запинаясь, началъ говорить Дыданъ.

— ...Пятая: не убій...

Старикъ остановилъ его, повторяя:

— Пятая: не убій!

И воцарилось глубокое молчаніе.

— Спи, если сегодня ты будешь въ состояніи спать, — прибавилъ Любаховскій и вернулся къ молитвѣ.

Подъ утро лампа на столѣ догорѣла. Любаховскій сидѣлъ въ креслѣ, со сложенными на груди руками, вѣки его были закрыты, уста слегка открыты, съ радостной, счастливой улыбкой...

Тихо, на ципочкахъ, вошелъ пріѣхавшій ксендзь Романъ. Онъ приблизился къ сидѣвшему, нѣжно положилъ ему на лобъ руку, дотронулся до его рукъ... и всталъ передъ нимъ на колѣни.

— Вѣчный покой дай ему, Господи, и свѣтъ вѣчный пусть свѣтитъ ему...

Старикъ уснулъ непробуднымъ сномъ, навѣки.

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

Na

12 1916